

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн

МОЙ ИДЕАЛЬНЫЙ СМЕРЧ

За руку с ветром

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Annotation

Эта история началась весело и легко, напоминая порыв майского ветерка, но только никто не думал, что ветерок превратится в настоящий ураган событий...

Чтобы стать счастливыми, они притворялись влюбленными, однако игра в чувства стала реальностью. На смену дружбе пришла любовь. А за ней — желание защитить того, кто дорог, невзирая на цену. Ведь не имеет смысла любить, если не имеешь намерения сделать эту любовь вечной...

Однажды они уже встречались. И, кажется, судьба даст им второй шанс. Но найдет ли в себе силы Дэн встретиться лицом к лицу со своим прошлым? Сумеет ли Мария понять себя и не дать внутреннему огню сжечь свои чувства? И может ли быть вечной их любовь?..

Анна Джейн

За руку с ветром

Мой идеальный смерч. Часть III

© Джейн А.

© ООО «Издательство АСТ»

Моим друзьям

На уступе скалы, пред которой блестела под заходящим южным солнцем морская гладь, стояли двое: темноволосый загорелый юноша в коротком хитоне с одним рукавом и девушка в синем гиматие^[1] до середины икр, волосы которой были собраны узлом на затылке. Он обнимал ее, а она положила голову ему на грудь. Видно было по одежде, что эти двое занимают разное положение, но все же и это не помешало им вместе наблюдать за закатом над чужим морем. Удивительным закатом, алым, торжественным, раскинувшимся на полнеба, последним.

Янтарное солнце обжигало горизонт, оставляя в покое вздохнувшее с облегчением море, с которого теперь отдавало прохладой. Редкие слоистые облака растянулись багровыми потоками. Казалось, небо пролило в воду кровь, и она растворялась теперь в тихих волнах и лизала вместе с ними неподвижную глыбу скалы. Весь берег Понта Эвксинского^[2] замер, затих, притаился, подавленный таким величием неба. Даже ветер вдруг унялся. И только кружила под красным полотном зарева большая черная птица.

— Море беспокойно, — произнесла девушка, сильнее прижавшись к юноше. Он успокаивающе провел рукой по ее спине.

— Разве? — спросил ее спутник и поцеловал в висок. — По-моему, оно тихо. Или ты заката испугалась?

— Понт Эвксинский зря переименовали. Понт Аксинский ему больше подходит. Спокойствие этой воды обманчиво. Кажется, оно ласково, а в следующую минуту уже чернеет, — с опаской глядя вниз, на отраженное в глубоких водах небо, произнесла девушка. Тот, кто обнимал ее, проследил за ее взглядом и тоже наблюдал теперь за покрасневшим морем.

— Не бойся. Я же с тобой, — отвечал он мягко, желая успокоить спутницу. — И не поднимется такой волны, достанет до этой скалы и сметет нас.

— Это такая несправедливость, — вдруг проговорила девушка. Она отстранилась и взяла юношу за обе руки, глядя в глаза. — Почему, если ты и я любим друг друга, мы не можем быть вместе? Почему? Скажи мне.

Она сжала его ладони своими.

— Не гневи богов, — мягко попросил он. — Значит, так должно быть.

— Но почему так должно быть?

— Не знаю. Это испытание свыше.

Черноволосый коснулся ее губ своими, и девушку окутала такая щемящая нежность, что на ее глазах вдруг появились слезы.

— Я не хочу такого испытания, — горько произнесла она, прежде чем запустить обе руки в черные жесткие волосы юноши и полностью отдастся чувствам, дарящим болезненное наслаждение.

«Твои испытания я возьму себе», — подумал тот, прижимая спутницу к себе и касаясь осторожно, почти с благоговением.

Они были настолько заняты друг другом — сначала созерцанием, потом прикосновениями, поцелуями, что не видели позади себя человека, притаившегося в тени камней. А вот он их видел и слышал прекрасно. И каждое их слово было для него ударом. Удар за ударом наносили юноша и девушка тому человеку, не ведая этого. Но он чувствовал

не боль — ярость наполняла его, не давая другим чувствам завладеть сердцем.

— Как хорошо, что нам сегодня удалось убежать, — произнесла, наконец, девушка, нанося последний, смертельный удар. Они хитростью покинули город — сестра и верный слуга помогли, зная, что в этом месте их никто не найдет. Слуга поможет и вернуться обратно, в дом, в котором остался ненавистный муж.

— Однажды мы навсегда убежим. Потерпи немного, — сказал юноша весело. Темные глаза его блестели.

Их пальцы переплелись, и подул ветер. Волны становились все больше, и все неистовее бились они о скалы, и кровавой пеной лизали песчаный берег.

Солнце почти скрылось за горизонтом. Большая птица что-то гортанно прокричала.

Сейчас человек выйдет из тени и все начнется.

* * *

Петр, как и всегда, внимательно управляя своей фиолетовой спортивной машиной, быстро подъезжал к дому Смерчинских. Ему необходимо было прямо сейчас забрать кое-какие документы, которые оставил ему дядя, отец Дэна, и отвезти их деду. Даниил Юрьевич должен был вот-вот появиться в городе, и ему эти документы требовались невероятно срочно — решался какой-то важный вопрос о партнерстве с крупной забугорной компанией. А если глава семьи Смерчинских считал его важным, это значило, что речь идет об очень и очень приличных деньгах.

— Возьмешь и срочно вези ко мне, — говорил Даниил Юрьевич по телефону грозным и деловитым одновременно голосом человека, не только привыкшего раздавать указания, но и требовать безукоризненного, четкого и быстрого их исполнения. — Лера знает, где они лежат. Передаст их тебе. Я ей уже перезвонил. Это важные данные, от них зависит большая сделка. Потеряешь или опоздаешь — я исключу тебя из списка наследников. Я не шучу, мальчик мой. Все уяснил? Ты и так много косяков в последнее время сделал.

— Я все сделаю, не беспокойся, — сказал ему внук и почти сразу же вышел из квартиры и сел в машину.

Молодой человек в очках решил совместить приятное с полезным. Он заберет не только документы, но и поговорит со своим братцем, чтобы найти беглянку по имени Лидия, которая так его заинтересовала. До этого у Петра были большие напряжения как с Даниилом Юрьевичем, так и с Мартом и его криминальной компанией, и времени на девушку совсем не было. Однако Петр умел откладывать дела на потом, да и ждать он тоже умел. Этот парень никогда не сравнивал себя с диким хищником-одиночкой, но считал, что у братьев наших меньших можно учиться. Например, терпению. Всегда нужен подходящий момент, чтобы напасть и забрать свое.

А эта пугливая малышка Лида, назвавшего его красивым и хорошим, насколько он помнил, учится вместе с девчонкой Дениса. Раз так, то младший братик сможет найти ему, Петру, адресок и телефончик высокой брюнетки. Честно говоря, парню в очках не слишком хотелось просить о помощи двоюродного братца, но ему было в лом да и некогда приезжать в университет и выяснять данные всех одноклассников или подруг Маши Бурундуковой. Через Дэна все должно было получиться гораздо быстрее. А гордость... О какой гордости может идти речь, если на кону личная выгода?

Да, он точно отыщет глупую Лиду и пообщается с ней еще немного. Покажет, что никакой он не хороший. Пока что спокойный и выдержанный Петр не торопится в поисках — как говорилось выше, он был занят, а девчонка вряд ли сможет убежать куда-либо. Из города точно никуда не денется, и для нее будет большим сюрпризом увидеть Петра у себя на пороге.

Смерчинский все еще очень хотел, чтобы она, высокая и кажущаяся сильной, но такая слабая и беспомощная, оказалась рядом с ним (а лучше — под) на удобном диванчике в его кабинете. Прерванный разговор нужно продолжить.

Молодой человек осторожно — из-за лежачего полицейского, повернул на пустую дорогу, ведущую к гордо возвышающемуся над местностью жилому комплексу, в котором жили брат и дядя. Петр был вполне доволен жизнью, планируя забрать документы и отвезти их деду, и подпевал негромко, но вполне мелодично известному джазовому певцу, пока около небольшой темной аллеики через проезжую часть — прямо ему наперерез! — не кинулся какой-то парень. Смерчинский едва сумел нажать на педаль и затормозить перед ним, выругавшись.

— Самоубийца? — открыл окно Петр, окидывая злобным взглядом идиота в спортивном костюме: лохматого, худощавого, с рассеченной губой и широко открытыми глазами, под одним из которых наливался синяк. Этот парень тотчас напомнил ему молодого гопника из подворотни. Петр оказался недалек от истины — это был один из тех пятерых молодых людей, которые должны были по приказу Ника избить Дэна. Именно он попросил у Смерча закурить, и был отправлен им в нокаут. Тот молодой человек был самым младшим в компании, и, наверное, самым неиспорченным. Он не смог бросить умирающего человека и вернулся.

— Проваливай с дороги, — велел Петр, держа себя в руках. — Или я сейчас выйду, и тебе будет несладко.

Парень его не послушал. Наоборот, пристал с глупой просьбой:

— Слушай, брат, помоги, там человеку плохо, его того... избили. Надо бы «скорую» вызвать, а у меня мобила села!

Он заикался и был настолько нервным, что казался то ли пьяным, то ли под кайфом.

— Прости, я тороплюсь, — сказал Петр равнодушно. — Пока.

Ему было безразлично на какие-то там местные разборки гопарей, побитых кретинов и даже бездомных собачек, и он завел мотор автомобиля.

— «Скорую» вызови!

От крика Петр поморщился и обогнул придурка.

— Стой! А если бы там твой брат был или отец! — заорал парень вслед автомобилю. — Ты, придурок! Вызови «скорую» и проваливай!

Петр услышал эту фразу, вновь остановился, проехав пару метров, и высунулся в окно.

— Ты меня развести хочешь? Мальчик, не зарывайся.

— Да там правда парень раненый, — ткнул рукой в сторону аллеики парень. — Сходи, посмотри, раз не веришь! Или просто вызови «скорую»!

Петр только ухмыльнулся — идти непонятно куда в темноте он не собирался. Может быть, в кустах сидят подельники этого малахольного, которые только и ждут очередного доверчивого лоха.

Смерчинский-младший потом несколько раз думал, что едва не попал в ситуацию, в которой был небезызвестный человек-паук, не спасший собственного дядю, и при этом

каждый раз ухмылялся, как сытый сыч, потому что его все же подобное миновало.

Вообще-то он действительно по доброте душевной и великой собирался вызвать парнишке «скорую» и свалить подальше, как его привлекла знакомая мелодия телефонного звонка. Где-то вдалеке, едва слышно, заиграла песня рок-группы «На краю»: песня ритмичная, динамичная, яростная. У Петра и Дениса музыкальные вкусы, как ни удивительно, совпадали, и тот тоже слушал и метал, и индастраил, и рок, и даже безбашенный панк.

Петр настороженно прислушался.

То, что сейчас играло, стояло и на звонке у его сумасшедшего кузена. А Лера, которой вежливый Петр как раз недавно звонил, предупреждая о том, что заедет, обмолвилась, что ее сыночек поперся в супермаркет. Ближайший супермаркет находился как раз за этой драной аллейкой.

В умной голове Петра тут же построилась нехитрая логическая цепочка. И эта цепочка ему не нравилась. Недолго думая, он вылез из тачки и, ошарашив своим поведением просящего помощи парня, быстрым шагом направился по направлению к аллейке. Тот кинулся следом за ним.

Смерча Петр нашел почти сразу.

Это и правда играл его телефон: прямо-таки захлебывался звуками тяжелого рока и сильным голосом солиста, кричащего что-то о несправедливости, ярости и злости богов. А сам Дэн лежал неподалеку от дороги, около кустов, закрывающих его от посторонних глаз, на боку, не реагируя ни на что.

Петр похолодел. Поправил очки на переносице. Резким движением провел рукой по волосам. Окликнул родственника. Да, это действительно был его долбаный брат! Помешанная скотина, которую иногда хотелось удушить собственными руками. Сволочь, забравшая в свои лапы всю семейную удачу и так и норовившая выпендриться. Тот, в ком текла та же кровь, что и в нем самом. Брат. Оранжевое пятно на сером безразличном асфальте.

Молодой человек опустился на колени рядом с Дэнвом.

— Эй, Денис, — коснулся плеча неподвижно лежащего брата Петр, понимая, что у него от ужаса едва заметно дрожат пальцы. А раньше он считал себя вполне хладнокровным. — Эй! Хватит притворяться и вставай. Вставай. — Его голос стал еще более обеспокоенным. Кузен не поднимался. Мало того, он даже не двигался и глаз не открывал.

— Да он в отключке, — встрял парень, от нетерпения пританцовывая и все время оглядываясь.

— Заткнись.

Петр взял руку Дениса в свою, проверяя пульс — он был слабым, но все-таки был, и осторожно повернул темноволосую голову брата к себе. В слабом свете уличных фонарей молодой человек заметил, что Дэн как-то подозрительно бледен, а темно-серая тень от длинных ресниц его закрытых глаз только подчеркивает бледность лица.

— Я же сказал, его...

— Я же сказал — заткнись.

Петр перевел взгляд ниже. На ярко-оранжевой футболке виднелись темно-алые пятна. Эти пятна имели и продолжение — блестели под фонарем на асфальте. Они же были и на ладони Дэна, зажимавшего рану на животе.

— Если ты подохнешь раньше меня, я тебя убью, — сказал второй Смерчинский, не

осознавая глупости своей фразы и сжимая пальцы на запястье руки Дениса, словно это могло ему помочь. — Вот же ты debil. Всегда был debilом.

Петр одной рукой достал телефон и кинул его перепуганному парню в спортивном костюме, стоящему сзади.

— Вызывай «скорую», придурок. Быстрее вызывай! Ты знаешь адрес? Нет, отдай мне, я сам вызову! Эй, ты, держись. Денис, держись. У деда большое наследство, ты же хочешь получить его часть? Держись.

До того Петя никогда не думал о том, что кто-то из его близких может умереть раньше него самого.

Кажется, это было совсем не прикольно.

* * *

«Скорая» приехала удивительно быстро — пара минут, и вдалеке послышалась встревоженная серена. Петр облегченно вздохнул. Спустя уже несколько секунд после звонка, где он, нехотя, ответил на стандартные вопросы и в приказном тоне сообщил оператору, чтобы тот немедленно присылал карету «Скорой помощи» на ножевое ранение, Смерчинскому показалось, что лучше надо было самому везти брата на тачке в больницу. Но он не был так эрудирован, как Денис, и не знал, вернее, никогда и не интересовался, что делать с людьми, ранеными в живот и валяющимися в бессознательке. И боялся навредить своими действиями.

Петр ненавидел беспомощность и злился. Только вот оказалось, что страх — это еще более сильная эмоция, которая перебивала все остальные и заставляла мыслить не так ясно, как он привык.

— Как там тебя? — обратился он глухо к гопнику, маячившему рядом.

— Саня.

— Саня, приведи их сюда, живо, — сказал Петр перепуганному парнишке, поняв, что «скорая» совсем недалеко.

Тот миготнул исполнять приказ-просьбу. К тому же он был перепуган — боялся, что чувак, которого они с пацанами хотели избить, откинет копыта прямо здесь и прямо сейчас. А убийцей юный гопник становиться не хотел. Даже подумал — зачем он вообще связался с Герой? Тот вчера с вечерка собрал пару мужиков, чтобы выполнить указание Никки — отделать лоха. Позвал и его. Парень по кличке Дикий случайно попал в их компанию, был чьим-то хорошим корешом и ему срочно нужны были деньги. Понятно, для чего — он оказался бешеным нариком. Стал ловить глюки и воткнул нож в чувака! Гера был в бешенстве, остальные тоже оказались не рады такому повороту. Кому охота отвечать за макруху? Когда пацаны запрыгнули в тачку, грозились белого как мел Дикого, отпнуть или даже утопить, а тот только ржал, как псих, и показывал куда-то пальцем. Типа, за ним идет какая-то телка то ли в шляпе, то ли в вуале. Сам же Саня был не напуган — он не понимал, зачем они так поступили. Избитого парня-то просто бросили умирать, если он там еще не загнулся!

Они проехали пару остановок, и Саня попросил остановиться — сказал пацанам, что здесь живет друган. Они поверили, и Гера отпустил его, приказав отсидеться у этого самого друга. Им просто-напросто было плевать, что случится с раненым, а единственное, что их

беспокоило — как не запалиться и получше спрятаться — и от ментов, и от Никки, и прочих пристанских быков. Саня вышел и бегом бросился обратно к аллее. По дороге дрожащими пальцами стал звонить в «скорую», а его верная, но старая мобила села. Поэтому и стал ловить машины — пара из них проехали мимо, поэтому к спортивной «Мазде» он бросился наперерез, как будто бы его кто-то подтолкнул на это.

Сейчас Саня, отчего-то изредка касаясь рукой с отбитыми костяшками до груди, где под спортивным костюмом прятался маленький серебряный крестик, подаренный в далеком детстве заботливой бабушкой, вновь оказался около дороги. Он увидел карету «Скорой помощи» и привел деловитых людей в белых халатах к месту происшествия. Парень из крутой «Мазды» — Саня мог только мечтать о такой машинке, до сих пор сидел рядом с раненым и что-то очень тихо говорил ему. Подумать только — эти двое оказались братьями!

— Ну, где там чего? — первым подала голос женщина-врач. — А, вижу-вижу. Так, молодой человек, отойдите подальше. Мне его осмотреть нужно.

Петр послушался, поднялся и отошел. Лишних вопросов не задавал, только пристально наблюдал за действиями медиков.

Врач склонилась на Дэном, быстрыми движениями проверила пульс, реакцию зрачков на свет, внимательно осмотрела рану, покачала головой, но сказала, что реанимация не нужна, но «парня надо срочно доставить в хирургическое отделение». Она что-то тихо сказала двум молчаливым сосредоточенным фельдшерам, те что-то также негромко ответили.

— Хорошо... Грузим его, ребята, — сказала врач фельдшерам, — осторожнее, это вам не кусок колбасы.

Петр внимательно следил за действиями работников «Скорой помощи».

— Я с вами, — тоном, не терпящим возражения, сказал он. — Этой мой родственник. Брат.

— В кабину.

— Куда едем?

— БСМП, — коротко отвечала врач, — как раз близко.

Неподвижного Дениса осторожно подняли на носилки.

— Я пойду? — спросила Саня, теребя рукава спортивного костюма. Ему было неуютно.

— Проваливай, — сквозь зубы выдавил Петр, которому не было дело до незнакомца, однако, прежде чем скрыться в «скорой», он вручил парню, обалдевшему от такого количества событий, свою визитку: — Позвони завтра. Отблагодарю.

— Ага... Вы правда братаны? — спросил тот, хлопая глазами.

— Нет, мы веселые сестрички. — С этими словами Петр залез в автомобиль. Дэн лежал там, на спине, очень бледный, с посеревшими полуоткрытыми губами, с почти не вздымающейся грудью.

«Черт, дед теперь меня точно наследства лишит», — подумал про себя отстраненно Петр, вспомнив, что забыл эти самые важные документы, которые следовало бы забрать. Он перевел взгляд со своей перепачканной кровью одежды на брата, над которым склонилась врач. Взгляд ее и без того усталых глаз становился все более и более обеспокоенным.

— В хирургию? — вновь коротко спросил Смерчинский.

— Да. И на переливание его, срочно.

— Выживет?

— Если в пробку не попадем, — было ему насмешливым ответом. Петр не оценил, хотя

пробок, конечно же, в это время суток не было.

«Вот козел же ты, Денис, воистину козел и никто более. Держись, и я тебе это лично скажу».

Саня проводил машину с мигалкой облегченным взглядом, сжимая одной рукой визитку, а другой, даже не замечая этого, касаясь груди — того места кофты, под которым был спрятан крестик. Серебро на коже словно накалилось, обжигая ее — всего лишь на пару мгновений, зато ощутимо.

Кажется, он все сделал правильно.

* * *

В этом месте казалось, что реальность существует отдельно — где-то одновременно близко и далеко, вне пределах пространства и времени. Казалось, так было всегда, и ничего другого не существовало.

Дэн был здесь один.

На огромном широкоформатном экране в темном зале кинотеатра показывали внеплановый фильм: сначала он был черно-белым, изображение его рябило и изредка пропадало, а звук шипел и не всегда был понятным. Но ситуация менялась. Чем ближе Денис приближался к экрану, тем более ярким и цветным становилось изображение, четче и громче слышался звук. Когда молодой человек, не сводящий глаз с происходящего на экране, оказался на первом ряду, то изображение стало объемным, словно он надел 3D-очки, а звуковая дорожка плавно и нежно, словно морская волна, переместилась в его мысли.

Дэн остался сидеть впереди и, слегка запрокинув голову, жадными большими глазами невыросшего ребенка смотрел вперед, как любитель хорошего кино на редкие, никому не известные кадры самого Хичкока. Правда, то, что показывал этот кинотеатр, не имело ничего общего с фильмами «короля ужасов», а скорее походило на романтическую красивую ленту.

Бело-голубая комната, очень светлая и большая, с огромными открытыми окнами, выходящими на чудное лазурное море и зависшие над ним белоснежные облака, похожие на причудливые узоры зубной пасты, которую какой-то шутник выдавил из тюбика прямо на небо. Посредине комнаты возвышалась кровать с высоким пологом, и тонкие прозрачные шторы цвета светло-лилового лотоса, обрамляющие кровать у изголовья и в ногах, колыхались в такт южному приветливому ветру. Под ними, дружно вдыхая морской свежий аромат и запах друг друга, находились двое, еще не самодовольные взрослые, но уже и не беспечные дети. Им было лет шестнадцать-семнадцать, не больше: темноволосый, без преувеличения красивый парень с голым загорелым торсом и тонкая светловолосая девушка с обнаженными плечами, закутавшаяся в легкую белую простыню. Он лежал на животе, подперев подбородок руками, и болтал ногами в воздухе, а она сидела рядом, согнув колени и повернувшись к нему лицом, и расчесывала влажные после душа волосы.

Они смотрели друг на друга как замороженные, и какое-то время комнату наполнял лишь легкий шепот моря и далекие крики чаек.

Парень нарушил тишину первым.

— Инн?

— М?

— Ты не жалеешь?

— О чем? — Она отложила расческу и перебросила мокрые волосы за спину. Большие чистые голубые глаза ожившей куклы-модницы со смехом посмотрели на молодого человека. Камера на несколько секунд наехала на ее лицо, давая возможность сидящему в зале Дэну рассмотреть его, как следует.

— О нас.

— Нет. А надо?

— Не надо. — Парень резво поднялся и сел рядом. Видно было, что он остался доволен ее ответом. — Хочу на море. В воду. Пойдем?

— Пойдем, подожди немного. А! Я хотела спросить. Мой мишка...

— Что? — подался вперед с живым интересом собеседник светловолосой девушки.

— Мне всегда было интересно... — На тонком миловидном личике появилась коварная улыбка.

— Ну, говори же!

Она провела тонким загорелым пальчиком по его шее, на которой была вытатуирована замысловатая черно-зеленая верткая ящерица, и улыбалась.

— Откуда это у тебя?

— Не помню точно, — честно признался парень, ласково глядя на девушку. — В позапрошлом году Черри решил приколнуться и напоил меня. Сильно. Нереально сильно. А потом, кажется, мы оказались в тату-салоне. Втроем, с нами еще Ланде был. У Черри появились новые наколки на руке, у меня, — он мимоходом коснулся своей шеи указательным пальцем, — здесь, а у Ланде... У Ланде... — Парень замолчал и, не выдержав, задорно засмеялся, словно вспомнил неприлично-забавное.

— Где? — потрясла его за плечо Инна. — Я не видела у него тату! Где? Ну, где? Скажи-и-и, Смерчик!

— Ты и не должна видеть ее, — в голос расхохотался парень. — А если бы видела, — тут он близко наклонился к ее лицу и сузил синие, как то самое море, глаза, — если бы видела, я бы тут же принялся тебя ревновать к нему!

— Вот как? Так где у него татуировка? — играя, надула губки девушка. — Ну, ска-а-ажи! Скажи мне где!

— Давай, я лучше скажу «как»?

— Что «как»? — не поняла она.

— Как сильно я тебя люблю? — лукаво предложил темноволосый, притягивая девушку к себе, и она прижалась щекой к его плечу. — Что ты хочешь услышать больше? То, где у Ланде тату или мои слова о любви?

Инна, конечно, выбрала последнее. Она коснулась губами выпирающей косточки на его плече, потерлась щекой. От нее едва уловимо пахло свежестью.

— Пошли на море, пошли, — поторопил девушку синеглазый. — Иначе придут твои родители или сестренка. Малышка Князь опять начнет...

— Эй, не называй так мою близняшку, — хлопнула его по предплечью девушка. — Она обижается!

— Ладно, ладно, не буду. Даю слово, Инна. Правда.

— Ну, хорошо, я верю. А, Смерчик, Олька сказала, что она с твоим братом ходила на свидание вчера. И сегодня он ее позвал. А еще ее и Черри пригласил...

— Вау, а она не теряется, — рассмеялся парень и лениво сощурился — луч солнца попал

ему прямо в глаза. — По секрету, на нее еще Ланде заглядывается. А, по-моему, ей просто нравится с парнями играть, твоей сестре. Без обид только. Просто вы такие разные. Одинаковые и разные.

— Оля такая, какая есть. И я не могу ее исправить. Но Микаэля мне жалко. Он такой хороший. Скажи ему, что Оля... не для него, — вздохнула Инна.

— Я думаю, он поймет это сам.

Инна вздохнула.

— Денис, — позвала она. Ее голос стал вдруг печальным.

— Что?

— Почему у меня в голове туман, когда ты рядом? — почти прошептала светловолосая.

— Потому что я крут? У меня тоже туман — во всем теле. И я уже не хочу на море. Моя Лазурная, — прошептал юноша и обнял девушку — крепко, но бережно. А она потерлась кончиком носа о его щеку, первой поцеловала своего любимого. Ей всегда казалось, что его губы имеют ванильный привкус. Поэтому она всегда выбирала ванильные духи.

Дэн, сидящий сейчас в зале, помнил это, но никогда не говорил своей первой девушке о том, что ненавидит этот запах. Он сидел и, не мигая и сцепив до боли пальцы рук, глядел на экран: на нее, на себя. На них.

Тогда все было так... иначе. И море шумело ласково.

В тот вечер лучи заходящего за горизонт солнца долго нежились на их спинах.

Камера сместилась вправо, к распахнутому окну, небо в котором начинало озаряться пока еще бледными мазками красно-оранжевого заката, а потом быстро ушла вниз. И последним, что видел Смерч, была белая тонкая простыня, плавно упавшая на пол.

После этого кто-то нажал на «стоп-кадр» и изображение остановилось.

— Эй, верните фильм! — крикнул Смерч в пустоту, и его голос эхом отразился в зале. — Включите его вновь!

— Зачем тебе возвращать его, Денис? — спросил приглушенный девичий голос рядом. Такой же, как в романтическом фильме, только куда более печальный. Парень вздрогнул и резко перевел взгляд влево. Через проход, на соседнем первом ряду, сидела высокая тонкая девушка с длинными, по пояс, распущенными светлыми волосами. Лица ее почему-то не было видно, а одета она была в белое простое платье, кажущееся подвенечным, а на голове красовался простой венок из ромашек. Однако, несмотря на это, он узнал ее.

— Ты...? — не веря, прошептал Денис, больше не чувствуя сердца, и вскочил. — Ты... это ты?! Ты пришла ко мне? Инна?

В его голосе слышались и давняя, глубокая, как Марианская впадина, боль, и животный страх, и дикая ненависть к себе, и ярая нежность, и испуганное непонимание, и огромная обида. Он не понимал, то ли спит, то ли находится в сознании, но в другой реальности. Но точно знал, что, возможно, это последний шанс увидеться с ней. Все объяснить, попросить прощения, запомнить ее лицо. Только как запомнить то, что не существует? Почему тонкого нежного лица с большими голубыми глазами, уголки которых чуть опущены вниз, не видно?

— Это ведь ты. Это правда ты?

— Это я.

— Я скучал по тебе. — Поборов страх, Дэнни сделал пару шагов навстречу девушке в венке. Белки его глаз покрыла тонкая красная сеточка, и от этого синева радужек стала более заметной. — Мне так плохо было без тебя. Девочка моя... Прости меня.

— Я тоже... скучаю. И мне плохо. Я по всем скучала. Но не подходи ко мне, —

решиительно сказала девушка, сама едва сдерживаясь от слез и неожиданных действий. Она встала. — Ты не можешь ко мне подойти. Сядь обратно. А лучше всего выходи отсюда. Из... кинотеатра.

Экран мигнул.

— Я тебя не оставлю! Выходи вместе со мной! Нам нужно выйти отсюда! — покрасневшие глаза Дэна заметались из стороны в сторону, ища выход.

— Я могу уйти, но только не туда, куда нужно идти тебе, — шепнула Инна печально. — У нас разные выходы.

— Нет! Уходи отсюда! Мы уйдем вместе! — дышать было тяжело, виски стали влажными. Он сделал еще пару шагов и теперь стоял напротив. Искреннее отчаяние было написано на его лице.

— Ты такой красивый, — с вымученной нежностью сказала девушка в венке, всматриваясь в знакомое до боли лицо. — Если бы ты знал, какая красивая у тебя душа, в тысячи раз лучше самых прекрасных картин, Денис. Лучше чем в стихах. Чем в музыке.

— Инна.

Он протянул к ней руку.

— Пожалуйста, не подходи, — прошелестела девушка.

Дэн не послушал ее и попробовал обнять, но между ними словно выросла невидимая, но плотная стена. И все, что оставалось делать ему, — это прислониться лбом к невидимой, но прочной преграде.

— Ты все такой же, — с любовью сказала она, склонив голову. — Ничуть не вырос. Глупый.

— Эй! Так несправедливо! Я хочу к тебе! — закричал он на весь зал, но пытаюсь преодолеть препятствие. Дэн молотил по нему руками, но тщетно. — Возьми меня с собой! Не уходи! Уйдем вместе. Я там устал.

— Устал? — голос Инны похолодел. — Уверен?

— Я... Не знаю. — Кажется, Смерч растерялся. Тяжесть навалилась на его плечи, заставляя их опуститься. Жизнестойкость, жизнелюбие, жизнерадостность покинули его. Куда делась жизнь?

— Я запутался. Устал. Я не знаю.

— Есть то, что тебя держит, — ласково сказала Инна. Она словно видела, что происходит с ним, и это доставляло ей боль. — И это хорошо.

— Хорошо, — эхом раздался шепот Дениса. Его действительно кое-что держало.

— Если бы не держало — ушел сразу. А ты здесь.

После этих слов застывший экран вновь ожил, и на нем появилась яркая весенняя зелень, а потом и темно-коричневое здание с рядом высоких окон. Около одного из них стоял Дэн и с любопытством смотрел вверх — на девушку в джинсах, сидевшую на подоконнике. Кажется, она готовилась прыгнуть вниз, но чего-то боялась и сердито выговаривала Дэну.

— *Давай быстрее, Бурундук. Нам много всего нужно обсудить.*

— *Сейчас я спущусь и убью тебя.*

Веселый парень помог спуститься девушке.

— *Какая-то ты худая.*

— *Разве это плохо?*

— *Вообще-то хорошо, только там, где у женщин по идее должны быть округлые формы, у тебя почти ничего нет.*

— Ты! Совсем обнаглел?

— А я здесь при чем? Капусты ешь больше — так вроде в народе говорят... А если хочешь, могу познакомить тебя с классным женским тренером, чтобы он тебе для увеличения, где нужно, упражнения подобрал. А еще есть одежда специальная...

Лицо светленькой девушки стало озлобленным и от этого милым одновременно. Ее живая непосредственная мимика всегда заставляла его улыбаться.

Денис не выдержал и вдруг тихо засмеялся. Он специально дразнил тогда эту мелкую дурочку. Это было так здорово — заигрывать с ней так по-детски, наблюдать, как она смешно злится и машет кулаками в воздухе, строит милые гримасы и театрально закатывает глаза. Ее непосредственная эмоциональность невольно притягивала. А горячее доброе сердце заставляло постепенно привыкать к ней.

То, во что они играли, постепенно становилось правдой.

Сердце парня наполнилось нежностью — новой, еще неясной, чувственной, очень тонкой, как утонченный аромат дорогих духов на запястье красивой женщины. Но тут же все пропало — он вновь увидел силуэт своего болезненного прошлого.

— Подумай хорошенько, — тихо сказала девушка в платье невесты, которое вдруг начало темнеть и приобрело нежно-аквамариновый оттенок. — Я многого не успела сделать. Ты тоже. Ты будешь жалеть об этом.

— Я виноват, девочка моя, я виноват перед тобой. — Денис замолчал, судорожно вдыхая воздух.

— Нет.

— Виноват. И я боюсь тебя предать. Опять оказаться виноватым. — Отозвался он едва слышно и сжатым кулаком ударил по одному из кресел. — Я чувствую себя скотом. Когда она, — Денис кивнул на вновь застывший экран с изображением Марии, — рядом, я чувствую, что могу предать тебя. Так что ли... Да, так. И одновременно ее — чувствами к тебе. А ее я не хочу обижать. Невероятно, но она стала мне дорога. Прости меня. И возьми меня с собой. Я устал.

— Я знаю. Я вижу это. Что она дорога тебе. И это очень хорошо, что ты встретил ее, Денис, — отозвалась девушка, расправляя складки на подвенечном платье, которое теперь стало нежно-голубым. — Проверь, все хорошо. Здесь все по-другому. У нас все воспринимается по-другому. Мы были вместе — но это изначально было неправильно. Ты устал? Ты отдохни, милый, просто отдохни немного и вновь продолжай жить.

— Я боюсь. Запутался. Помоги мне, моя Лазурная.

— Ты все правильно делаешь, мой Смерчик, — сказала девушка, и легкая, как вуаль, печаль была в ее нежном голосе. — Так и должно было быть. Думаешь, несправедливо? Каждый из нас в этой жизни отрабатывает долги прошлой. То, что произошло, было закономерностью прошлого. Я получила по заслугам. А ты должен...

Кто-то робко постучал в закрытую дверь.

— Она тебя ждет. Ты сам знаешь, что должен сделать.

— Должен, — эхом повторил Смерч и закрыл ладонями лицо. А когда отнял их, то на экране уже появились новые кадры — сочные, яркие, насыщенные. Городской летний парк, высокое чистое небо, воздух свежий, приятный прохладный ветерок играет с волосами. Все та девушка со светленьким каре — в солнцезащитных очках и вишневой помадой на поджатых губах сидит перед ним. Помада размазалась после неожиданного настойчивого поцелуя, но девушка не замечает этого, а он не говорит.

— ... Но я хочу видеть твою искренность, господин Ящерица. Ты мне нравишься, и ты знаешь это.

— Знаю. Я от тебя без ума. И ты тоже должна об этом догадываться.

Они говорили долго и эмоционально. И было видно, что девушка и сердится, и обижается, и переживает, но старается понять.

— *У меня сердце не железное. Начнешь кидать его, сразу же разобьешь.*

— *Я обещаю, что буду держать твое сердце очень аккуратно. К тому же моим рукам нужно обо что-то греться, помнишь? И, правда, прости меня. Не оставляй, хорошо? Хорошо?* — И он искренен. Верит в то, что действительно будет бережно обращаться с юным сердцем. Нет, не верит — он знает. И пытается сказать о самом главном, о той, что сейчас сидит на соседнем ряду загадочного кинотеатра.

— *Не хочу ничего про нее слышать. Инна — это прошлое?*

— *Да, теперь — да. Прошное.*

— *Отлично. Тогда не будем вспоминать о прошлом и будем жить...*

— *Настоящим?*

— *Сам живи настоящим. Я в вашем всеобщем представлении — ребенок, так что буду жить будущим. Но, в принципе, — она смотрит на него другим взглядом — взрослым, чуть ироничным, — давай жить настоящим. Пока что оно очень прикольное.*

Да, сначала она казалась этакой милой зверушкой, которая может чуть-чуть куснуть за палец, забавной подружкой. А потом вдруг неожиданно оказалось, что Марья — тоже девушка, а не просто партнер и «свой парень». Она вполне интересная девушка, которая умеет быть и женственной, и властной, и милой, и ласковой, и вызывающей желание. И волосы она так забавно покрасила. В оранжевый. Маленькая глупышка.

Ее бы еще надо перекрасить. Сама-то не догадается. И в горы ее так никто не отвезет. И защитить от Ника будет некому. Малышка... Его собственная и неповторимая, которая вот-вот вырастет. И ей в этом нужно немного помочь.

Где-то раздалось тоскливое завывание ветра.

— Вот видишь, — произнесла Инна тихо, но уверенно, и светлее волосы ее вдруг растрепались мгновенным порывом ветра. — Ты знаешь, что тебе нужно.

— А как же ты? — горечь в голосе Дэна казалась обжигающей.

— Теперь я могу признаться. Сама себе. Мое время в твоем сердце истекает. Я останусь только в твоей памяти. — Тонкие мертвенно-бледные руки сняли с головы венки из ромашек.

Летние, простые, но трогательные, как детские улыбки, цветы — символ любви и юности, стали постепенно увядать. Лепесток за лепестком, цветок за цветком.

Да и наряд Инны продолжал менять свой цвет и теперь больше не походил на подвенечное платье. Скорее на летнее легкое одеяние из воздушной материи. Как только оно стало насыщенного лазурного цвета, девушка вдруг вздрогнула и стала медленно растворяться в воздухе.

— Последние три вопроса, — едва шевеля почти синими губами, произнес Дэн. Понял, что она сейчас исчезнет.

— Давай. Говори.

— Ты меня любила?

— Конечно.

Он кивнул, собираясь с мыслями:

— И я тебя. Я... так поступил. Но я не хотел.

— Знаю. — Лица ее так и не было видно, но, казалось, что ласково улыбнулась. — Не вини себя.

— Но это вновь был виноват я. — Он с трудом выдохнул эти слова. И замер в оцепенении. Экран вновь хотел показать какую-то очередную запись из его жизни, но Инна повернулась к нему, и вместо новых ярких кадров на экране появилась рябь, однако она вскоре исчезла, уступив место застывшему Машиному изображению.

— Я виноват, — повторил Дэн и в отчаянии ударил кулаком о невидимую преграду. Она выстояла.

— Нет, не ты, — медленно ответила девушка, медленно растворяющаяся в воздухе. — Последний вопрос.

Прежде чем задать его, Дэн выдохнул, затаил дыхание, и лишь когда легкие почувствовали тяжесть, произнес:

— А она... ты ее видела?

Лазурная невеста мгновенно поняла, о ком говорит Денис. И кивнула.

— Она на меня злится? Почему ее нет, если есть ты? Она не захотела приходить? Она винит? Она меня ненавидит? — его глаза стали еще краснее, а в голосе появилась детская беспомощность.

— Это уже не три вопроса, мишка. — Призрачная Инна протянула руку, касаясь кончиками пальцев преграды — там, с другой стороны этого же места недавно касалась широкая ладонь Дэна.

— А она — это другое. Я смогла прийти, а она — нет. И она не злиться. Конечно, нет. И просит сказать, что ты ни в чем не виноват. Конечно, ты ни в чем не виноват. — Почти прозрачная уже Инна печально, с любовью, произнесла: — Прощай. Мне пора.

— Не уходи так быстро! Ответь, пожалуйста! — у него по щеке медленно покатилась первая слеза, прозрачная, крупная, а почти сразу за ней — вторая. И третья, и четвертая...

— Мне пора. Я очень тебя люблю. И она. И эта девочка — тоже, больше всех, — кивнула в сторону экрана с Машиним изображением светловолосая. — Прощай. Не переживай. Не мучайся. В следующей жизни мы еще раз встретимся. Я специально проверю, счастлив ли ты. Иди наверх, — успел шепнуть чистый голос.

И девушка в лазурном легком платье, с подолом которого играл сквозняк, полностью растворилась в воздухе, оставив Смерча одного. Лишь легкие переливающиеся под лучами прожектора лазурные блески говорили о том, что еще несколько секунд назад здесь была Инна.

«Это не твоя вина. Она только моя. Вина росы. Письмо росы. Не вини себя, если вдруг...» — то ли почудилось, то ли раздалось в голове Дэна.

Жар волной прокатился по его телу. В почти остановившемся сердце затрепыхалась испуганная раненая птица.

Экран вдруг начал показ одного из фильмов Хичкока в ускоренной перемотке. Резко запахло ванилью и чем-то тяжелым, жженым, а затем в этот клубок ароматов добавился еще и запах железа. На заднем плане кто-то громко истерично захохотал. Тяжело забил набат. Громко зашуршала фольга, перекрывая звуки штормового моря. А где-то наверху запел чистыми голосами ангельский хор. Изображение вновь стало рябить, и с невероятной скоростью меняющиеся кадры из самых разных фильмов, которые существовали или еще будут существовать, резали глаза. Из-под кресел стал выползать желтоватый удушающий туман. И Дэн, не выдержав давящей атмосферы, закричал, закрыл уши руками, зажмурился

и, не дыша, но удерживая зачем-то в голове образ Марии, побежал по проходу наверх, к чистым голосам хора, к светящемуся серебром выходу. Он очень хотел добраться до двери, хотел всем сердцем, словно ждал, что за нею отыщет спасение, но как только коснулся дверной ручки и дернул ее на себя — проснулся.

* * *

— Почему у него слезы на глазах? Ему что, больно? — недовольно спросил Петр, внимательно рассматривая лежащего без сознания брата. Дэнва недавно привезли из операционной, и сейчас он лежал на кровати в одноместном комфортном боксе. И хотя кровотечение уже было остановлено, а рана зашита, он все еще оставался бледным, как сел, с синеватыми губами и глубокими кругами под глазами. Рядом с изголовьем его кровати стояла высокая капельница, и от нее к молодому человеку тянулись длинные прозрачные трубки.

Пока что он был единственным родственником Дэна, находившимся в боксе.

Даниил Юрьевич, которого Петр любезно проинформировал о случившемся, конечно же, сделал так, чтобы внуку было оказано лучшее лечение, на деньги не поскупился. В данный момент, переговорив с хирургом, он удалился куда-то с представителями полиции, которые приехали на ножевое. Смерчинский-старший был зол, как глава Гильдии демонов. Во-первых, Петр не привез документы, и сделка сорвалась, а во-вторых и главных, явно волновался за Дениса, хоть особо и не показывал этого.

— Хорошо, что ты там проезжал, — сказал он второму внуку, узнав, в чем дело и примчавшись за пятнадцать минут едва ли не с другого конца города. — Невероятное везение.

— Да, это так, — сделал вид, что привычно усмехается, Петр, которого до сих пор не отпускало то мерзкое чувство, овладевшее им при виде раненого кузена.

Вдруг синие глаза мужчины стали подозрительными, и он, чуть склонившись, прямо спросил у Петра:

— А не ты ли братика ножом... угостил в живот? Остолоп, если ты в этом замешан, признавайся сразу. Я тебя, естественно, наследства лишу, но хотя бы от ментов отмажу. Ты понимаешь, что дело серьезное?

Черноволосый парень так озлобленно-высокомерно глянул на деда, что тот только изумленно вскинул брови.

— Поверь, если бы мне захотелось лишить жизни твоего любимого внука, ты бы никогда не узнал, что это сделал я, — бросил тихо Петр.

— Даже так? — насмешливо спросил Даниил Юрьевич, с которым тот обычно был вежливым и спокойным. — Показываешь клыки, сопляк?

— Скорее, просто улыбаюсь, — отозвался молодой человек, невидящим взглядом глядя на бурое пятно на рукаве рубашке — кровь Дэнни. Дед поймал его взгляд и тоже увидел пятно, а после добавил вдруг задумчиво, потирая подбородок:

— Ты все-таки молодец. Помог ему. Даже не знаю, зачем я вчера именно тебя отправил к ним домой, а не кого-то еще. И ты наткнулся на своего глупого братца. Черт с ними, документами, с договором. Лишится одного из наследников куда печальнее, чем контракта. Контрактов у меня много, а вот наследников — всего два. Жаль, правда, что они — полнейшие кретины. — И мужчина похлопал Петра по плечу. Тот внутренне ошетинился —

частенько рядом с дедом он чувствовал себя куда младше, чем был на самом деле, и куда менее самостоятельным. — И я знаю, что если бы ты захотел убрать братишку, — продолжал Смерчинский-старший, — у тебя бы это получилось сразу. И без лишнего шума. Ты идиот, но в меру. Прочие вокруг нас — первостепенные кретины.

Петр самодовольно улыбнулся про себя. Дед хвалил не часто, запутанно, так, что и не поймешь сразу, то ли это похвала, то ли оскорбление, то ли все вместе, но даже такие его ободрительные слова многого стоили.

— А клубом ты управляешь хреново, друг мой, — тут же подмешал ложку дегтя в бочку меда Даниил Юрьевич, — я все ждал, пока ты мне сообщишь, что у нас левый поток наркоты пошел, а ты все молчал-молчал. Не заметил, что ли?

Если бы у Петра не было годами выработанной выдержки, он бы вздрогнул. Еще и это! Дед точно лишит его наследства.

— Что?

— Что слышал.

Петр сцепил зубы, но внешне оставался спокойным. А его молодящийся родственник, которого вначале в больнице приняли за отца Дениса, продолжал:

— Но, думаю, наш нелегальный поток прекратиться. Я нашел виновного. Твой зам будет слегка наказан за то, что проворачивал у меня за спиной. И у тебя.

Черноволосый парень улыбнулся. Внутри все восторжествовало. Дед попался на его уловку! Пару дней назад стратег Петр умело подставил своего зама, одного из директоров, решившего вдруг, что «Алигьери» — резиновый, и начавшего поставлять совершенно посторонние наркотические вещества. Смерчинский-младший сделал так, что люди деда узнали об этом, а также о том, будто бы и наркотики, поставляемые Пристанскими, контролировались в клубе именно им, замом. Когда как он, Петр, ничего и знать не знал. Пусть дед думает, что он глупый. Пусть недооценивает.

— Да, дед, я тупой. Не видел, — отозвался он, смиренно опустив голову вниз. — Я доверял ему. — Парень вложил все свое скудное актерское мастерство в свои слова и мимику.

— За спасение братика даю еще один шанс. Последний. Иначе потеряешь не только клуб, — жестко сказал ему Даниил Юрьевич и быстрым шагом ушел вместе с представителями закона. Петр остался вместе с медсестрой, теперь сидевшей рядом с Дэном. А вскоре пришел и его лечащий врач — еще раз осмотреть раненого.

— Так почему он плачет? — повторил свой вопрос Петр, глядя на иглу в вене брата. — Ему больно?

— Боли быть не должно, анестезия, — покачал головой пожилой уже, но статный, как какой-то величавый князь, врач с роскошными седыми усами и аккуратной бородкой. — Знаете, молодой человек, жизнь — странная штука, а человеки, — он так и сказал — «чело́веки», — они вообще необъяснимые существа. У вашего родственника может быть много причин заплакать в таком вот сне, в пограничном состоянии.

— Да неужели? Ни разу не видел, чтобы он рыдал, — отозвался Петр, глядя с огромным удивлением на то, как по бледным щекам брата катятся крупные слезы. Так в детстве плакала Инга, троюродная сестричка Дэна, когда ее обижали. Петр любил ее обзывать, а Дэн защищал, и это был еще один повод для того, чтобы подраться. Они не могли жить мирно.

— Не видели? Ну, посмотрите теперь, — рассеянно отозвался доктор и погладил бородку. — А, вы знаете, этот парень — везунчик.

Петр знал. И лишь кивнул.

— У него проникающее ранение брюшной полости. Но! Не задеты ни внутренние органы, ни крупные сосуды. Не у многих такие «счастливые» раны, поверьте. Процентом восемьдесят моих пациентов с ножевыми ранениями так легко не отделяются. Или даже все девяносто. Ваш брат потерял много крови, да, к тому же за счет порезов была дополнительная кровопотеря, но, думаю... — На этом доктор замолчал, потому что увидел, как его пациент медленно открывает глаза. Правда, он почти тут же закрыл их вновь. Но потом опять распахнул, словно боролся сам с собой.

— А вот и пришел в себя наш друг, — весело сказал врач, склоняясь над Дэном. — Добро пожаловать, Денис Олегович.

Парень едва заметно улыбнулся. Выглядел он очень плохо. Но ямочки со щек никуда не исчезли.

— Я где? — с трудом произнес он чужим голосом.

— В больнице, где еще. Вас прооперировали, — любезно сообщил ему доктор. — Можете считать себя везунчиком — самое страшное обошлось.

— Я весь вымазался в твоей крови, — сказал Петр злобно. — Ты идиот. На кого ты там наварвался? Кому поаплодировать?

— Просто... подрался, — сухими, как песок, губами произнес очень тихо Дэн, понимая, что комната кружится вокруг него совершенно самостоятельно, а во всем теле царит невероятная тяжесть.

— Просто ты кретин! — заорал вдруг его кузен, давая выход эмоциям. А это он позволял себе очень и очень редко. — Ты что, скотина, решил, что ты всемогущий? Решил умереть и воскреснуть, как Лазарь? Ну, с кем ты там подрался? Кто это был? Кто тебя так уделал?

— Гопники, — прошептал Денис, чувствуя, что его тошнит.

— Которые даже вещей твоих не взяли? — сощурился кузен.

— Молодой человек, успокойтесь, пожалуйста, — вмешался доктор. — Я понимаю, что вы за брата волнуетесь, но...

— Не волнуюсь я за него, — отозвался сердито тот. — Ну, Дениска, ты опять добился, что вокруг тебя все будут стоять на ушах.

— Ага... Петь, я сейчас сдохну, — произнес Лаки Бой, чувствуя себя больше, чем просто омерзительно. — Почему я здесь, а?

— Потому что я тебя нашел, — фыркнул его брат. — Если бы не я, ты бы загнулся от потери крови. Кстати, твой отец бросает все на фиг и прилетает завтра. Дед уже вовсю носится по больнице. Лера увидела тебя без сознания сразу после операции, и у нее началась истерика. Она отдыхает сейчас в соседней палате, ей успокоительное вкололи.

— А остальные?

— Твоим друзьям я не звонил. Эта больница не такая огромная, чтобы всех их вместить. Впрочем, могу набрать Микаэля. Он со своим зеленым уродцем приедет и пожалеет тебя. — Никогда не любил Черри Петр.

— А Маша? — вдруг спросил Дэн, понимая, что его сознание уплывает за горизонт.

— Маша? А, твоя невеста? — сообразил Петр. — Она не знает. Что? Позвонить ей? Ты считаешь, что я — твоя секретарша?

— Нет, не звони ей, не говори ничего, я... сам, — с еще большим трудом произнес Лаки Бой.

— Все, с разговорами заканчиваем. Денису Олеговичу нужен отдых как-никак, — решительно произнес доктор.

— Никому больше не говори, что со мной, — едва шевеля пересохшими губами, попросил Смерч брата. Тот нехотя кивнул. Дэнв вновь закрыл глаза.

На этом Петр удалился из палаты, встретился с дедом, дождался, сам себе удивляясь, прибывших едва ли не мгновенно Ланде и Черри, и только потом уехал домой, чтобы вернуться сюда на следующий день. Сегодня у него были еще дела в клубе, да и с Никки нужно было переговорить.

Только вот это проклятое чувство — смесь страха, волнения, недоумения и осознание своего не всемогущества, к которому он привык, никуда не уходили.

* * *

Котэ положило лапу мне на руку и игриво укусило за указательный палец. Котэ было недовольно тем, что я не обращаю на него внимания, и хотело меня развеселить. Я отмахнулось от него, и оно спрыгнуло вниз, обиженно мяукнув.

Я сидела на окне, прижав колени к себе, и злым взглядом пялилась в одну точку в небе. Смерч мне так и не перезвонил, мало того, его мобильник вообще отключился. Дома у него трубку не брали, до Черри и Ланде я тоже не могла дозвониться. Инга просто не знала, где ее троюродный братишка. А времени было почти три часа по полудню.

— Ну, где ты, сволочь редкая? — прошептала я.

Котэ, обнюхивающее собственный хвост, повернулось и сверкнуло зелеными глазами, явно думая, что эти слова посвящены ему. Глупое животное. Я наклонилась и погладила его.

— Ты хорошее котэ, — ласково сказала я Ириске, — не тебе я это говорю, ему... Ну, где же ты, Денис?

А мне было тревожно за него. До безумия. Почему — не знаю. Сегодня я плохо спала, вскакивала пару раз из-за резкой боли в животе, которая моментально проходила, и засыпала вновь. И всю ночь мне снились кошмары. Сначала мне казалось, что я стою около большого здания из черного мрамора. Высокая лестница, ведущая в него, усыпана лепестками роз. На мраморе нет ни единого блика. Вокруг ни души. Окон у здания не было, вывесок — тоже, и оно казалось огромной пугающей машиной с искусно высеченной резьбой на мрачном фасаде. Но я точно знала, что это какой-то особенный кинотеатр, куда просто так попасть было нельзя. И еще знала, что мне нужно найти Дениса. А я не могла сделать этого, и в груди вместо сердца бился страх.

Небо надо мной висело темное, с едва заметными алыми прожилками, и вокруг было тихо-тихо, как в пустующей заброшенной церкви. Я ходила вокруг черного здания, осматривала его, прикасалась к его холодным стенам ладонями, точно зная, что мне нужно попасть в него, потому что там происходит нечто ужасное, важное, связанное с любимым человеком. Имеющее силу преломить мою жизнь надвое.

«До» и «после»...

А потом я услышала искаженный голос Дэна и поняла, что он находится внутри, за этими бездушными мраморными стенами. И ему нужна моя помощь. Я бросилась по скользким ступеням лестницы ко входу, падала, поднималась, цеплялась руками за поручни и холодные как лед ступени, снова падала... Голос Дэна становился все тише, а мне делалось все страшнее. Вдруг я не смогу попасть в проклятый кинотеатр и не сумею помочь ему?

От жуткого страха за него я и проснулась в первый раз.

— Идиот, я же тебя люблю, ну где ты... — прошептала я со слезами на глазах, машинально проверила свой телефон и снова провалилась в тревожный сон.

И опять сновидение, связанное с Денисом. Теперь мне снился отрывок из нашей жизни — первая встреча, та самая, теперь для меня незабываемая. Вот мой Лаки Бой нагло садится со мной на подоконник, скидывая мой рюкзак и неся милые глупости. Вот заставляет прыгать в окно библиотеки и опускает свои идиотские «капустные» шуточки. Вот садит меня впервые за свой «Выфер», и мы мчимся вперед разлучать Ольгу и Никиту. Наша миссия номер один, миссия номер два... Парк и встреча со старыми добрыми Троллем и Кларой.

И тут же память подкинула мне фрагменты нашего поцелуя в парке и глупого признания в симпатиях друг к другу. Я тогда сказала еще, что я не железная, и он улыбался мне — вымученно, но нежно. А целовал дерзко, жадно, откровенно и требовал от меня того же.

Я наблюдала за всеми этими картинками со стороны, и мне захотелось вдруг, чтобы и Смерч увидел их, чтобы помнил обо мне и не забывал. Никогда. Потому что я его не забуду.

Как только я подумала об этом, в багрово-серой туманной дымке появилось его измученное, почти белое лицо, и я, вскрикнув, вновь проснулась, не понимая, что же это такое?

Я отдышалась, сходила в кухню за водой, постояла на балконе, еще раз позвонила ему — безрезультатно и вновь вернулась к себе. А кошмары меня не оставляли, словно клещами вцепились. Теперь мне снилась длинноволосая девушка-невеста, от которой пахло холодом, и чьего лица я не видела. Она стояла около бледного опустошенного Дэна, в глазах которого застыла боль, и мне вдруг захотелось кричать от ревности и беспричинной паники. Они разговаривали, но я не слышала о чем. Я зывала к нему, надрывая горло: «Денис, не уходи с ней! Денис, вернись! Денис, иди сюда!» А он меня, кажется, не слышал. И я редела от собственного бессилия и шептала, задыхаясь в слезах: «Я люблю тебя, пожалуйста, не уходи, прошу тебя, только не уходи». Я ничего не могла делать, я могла только наблюдать за ними и плакать.

А потом вдруг она истаяла в воздухе, и Денис побежал вперед по ступеням и тоже внезапно исчез в белоснежном свете. Я хотела пойти за ним, но меня словно взрывной волной отбросило в сторону, все закрутилось, перед глазами запрыгали неведомые дивные картины, словно я оказалась в чудной стране-калейдоскопе.

Фон резко переменялся. Мы с той самой девушкой, воздушное платье которой теперь стало голубым-голубым, стояли друг напротив друга, разделенные звездным темно-синим озером, и, хотя расстояние между нами было большое, я хорошо видела ее, а она — меня. Страх вдруг исчез.

— Эй! Хочешь забрать его? — мысленно спросила я вдруг у незнакомки, и она услышала.

— Я не хотела его забирать, — сказала она ментально. Ее слова раздавались у меня в голове. — Я хотела только помочь. Я и она. Мы помогаем всегда. Только она не смогла прийти. Ее не пустили.

— Кто она?

— Потом узнаешь. Все узнаешь. Главное, что он останется здесь. Еще очень надолго. — Девушка в лазурном платье словно имела в виду что-то особенное.

— Что случилось? — прошептала я. — Что ты хочешь?

— Помочь. Все, что происходит, — это спасение. Так должно быть. Это откуп, чтобы не случилось самого страшного.

В меня врезался теплый ветерок, и я чуть попятилась.

— Он не виноват, — сказала девушка. — Ты поможешь ему понять это. Я не помогла, я сделала хуже, ты — поможешь. Ты уже помогла. Ты пришла в нужный момент.

— О чем ты? — я совсем ничего не понимала. Звезды в озере улыбались мне. И голова кружилась.

— Все поймешь позднее.

— А ты... ты кто такая? — спросила я, чувствуя, что сейчас начнется гроза. Звезды в неподвижной озерной глади налились светом. — Кто ты?

Ее лицо тут же стало видно просто превосходно, и я, вздрогнув, попятилась назад. На меня в упор смотрело лицо Ольги Князевой, красивое, но белое, неживое, грустное, и я опять проснулась. Последними словами, что я слышала от нее, было:

— В следующей жизни он встретит вновь свою судьбу, Маша. Как и в этой. Заслужил давным-давно. И в этой он уже ее встретил. Тебя. А меня... меня ждет моя судьба. Я просто родилась раньше. Лет через двадцать мы встретимся. И говорят, у него будет красивое имя — Лео. А Ольга всегда хотела дочку, похожую на нее. Прощай...

Жаль, эти слова наутро я так и не смогла вспомнить, хотя в душе с тех пор поселилась почти незаметная уверенность в том, что все будет хорошо. Со временем. А все идет так, как и должно быть. Однако эти ощущения перекрывались тандемом волнения и страха.

После последнего сна я больше не засыпала, а почти все время сидела на подоконнике, ждала звонка Смерча, размышляла о своей ненормальности, истерила по-тихому, обещая Дэнва прихлопнуть, как только он появится, и сама себя раздражала. А также нервировала котэ и маму, взявшую на сегодня отгул, чтобы вместе с отцом съездить к деду и на рынок, а тот вдруг в полдень взял и смотался, с кем-то переговорив по телефону. Сказал, что его срочно вызывают на работу. Мама была готова папу съесть, но поделаться ничего не могла.

— Я буду скоро, — напоследок сказал отец и уехал, чтобы вернуться поздно ночью.

А Сморчок все же перезвонил мне, почти в шесть вечера, и я готова была его уже не убить, а растерзать, а остатки прижать к себе.

— Привет, Бурундук, — его голос был далеким, слабым, но смешинки и уверенность из него так и не пропали.

«Облегчение, вашу редиску!» — написали тут же головастики, облаченные в военную форму и готовые к любой атаке врагов или защите своих границ и родины.

На меня хлынула волна радости от того, что я слышу родной голос, и тут же во мне разжегся костер гнева.

— Я тебе сейчас устрою привет! — закричала я, спрыгивая с окна, на котором просидела почти весь день. — Ты где, Сморчок? Что с тобой?!

— В смысле? — удивился он. — Маша, ты...

— Я тебе всю ночь, все утро и весь день звонила, дебил! — продолжала кричать я под удивленные взгляды котэ, вылизывающего вытянутую заднюю лапу. — А ты не брал трубку и не перезванивал! Да как ты вообще посмел!

— Маша, Маша, стоп! Зачем тебе понадобилось искать меня ночью?

— Затем! Потому что... Я волновалась за тебя, — негромко отозвалась я. — Ты ушел, и я сразу заснула. Мне приснилось, что тебе плохо, и я... глупо, да, Дэн, но мне было так страшно, что я места себе не находила. Мне так страшно было за тебя. Мне снились кошмары, Денис. Давай встретимся сегодня?

— Маленькая моя, — мне показалось, или в его голосе послышалась нежность? —

Прости. Прости, хорошо?

— За что? — в уголках глаз появились слезинки, и я тут же смахнула их кулаком.

— Я не могу.

— Почему? — разочарование почти рвало на куски.

— Маша, я уехал, уже уехал, — проговорил Смерч тихо.

— Куда это ты уже уехал? — расширились у меня зрачки.

— На море. В Галаз. Как и хотел, — он тяжело вздохнул. — Только на неделю раньше, не двадцать шестого. Пришлось вчера вылетать срочно.

— Тебя уже нет в городе? — с огромным сожалением и недоумением выдохнула я. И от негодования я даже по косяку окна долбанула. Боль чуть-чуть отрезвила.

— Да, маленькая. И я забыл зарядное, поэтому телефон разрядился. Сегодня же куплю, — покаянно отозвался Смерчинский.

Чуть позже я думала, что мой Дэн — прирожденный мастер манипулировать и обманывать. Все это он говорил таким непринужденным убедительным голосом, что ему нельзя было не поверить! Если бы была нужда — он бы смог подчинить своей воле множество людей. Хорошо, однако, что в этом парне была одна такая не модная, но важная черта — благородство. Истинное, не наигранное и не показушное.

— Вот же блин. — Я нехило расстроилась. — А почему ты называешь меня «маленькой»? — стало вдруг любопытно мне.

— Потому что хочу так называть тебя. Малышка моя, — он рассмеялся, но смех у него был недолгим и болезненным. Может быть, пил, а теперь опять страдает?

— Как так можно! Ты уехал и не сказал мне. Ну, ты и свинтус, Смерчинский. Настоящий. Я ведь, как дурочка, сижу, жду от тебя звонка.

— Прости, Чип. — В его голосе не было наигранности. Только серьезность, сожаление и что-то еще, чего я тогда не поняла.

— Что у тебя с голосом? — не собиралась я его прощать.

— Все в порядке. Маша, ну Маша...

Он извинялся, а я высказывала ему все, что я о нем думаю. Но, в конце концов, Дэн умудрился успокоить меня, сказал, что отныне будет называть меня крошкой, и попрощался, словно не мог долго разговаривать по телефону. Но ничего, он обещал звонить каждый день, да и придет скоро, в начале июля, и я опять увижу своего любимого недоумка. Сейчас только сдам экзамены и погуляю на долгожданной свадьбе Федьки и Настасьи.

— Бурундук, — весело позвал меня Смерчинский прежде, чем отключиться.

— Что? — выдохнула я.

— Будь осторожна. Не переходи дорогу на красный свет и не ходи никуда с незнакомыми дяденьками.

Я нервно хихикнула:

— Ты там перегрелся, в своем Галазе?

— Немного, — хмыкнул он. — Но все же — обещай, что будешь осмотрительной.

Не пообещать такому проникновенному голосу было невозможно, и я почти механически произнесла:

— Обещаю. Все будет тип-топ, Дэнчик.

Котэ, кстати, меня все же развеселило — нагадило под дверь и смылось в неизвестном направлении...

Как же часто бывает — думаешь одно, а на деле все совершенно по-другому. Веришь в то, чего нет, и даже не задумываешься, что в реальности все может быть так, как ты даже и не предполагал.

Так было и с девушкой, которую однажды называли Бурундуком. Она пребывала в счастливом неведении.

Маша не знала, что в это время Дэн находится не около моря, на южном морском курорте Галаз, а в больнице, в их родном городе, в одноместном боксе. Что он пришел в себя после ножевого ранения, по счастливой случайности избежав осложнений. Что успел поговорить обо всем случившемся с дедом, полицией и даже с ее отцом. Что служба экономической безопасности и федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков при участии Даниила Юрьевича разработали совместный план операции по захвату Андрея Марта и его организованной преступной группировки. Ведь Маша стала целью людей, с легкостью преступавших не только закон, но и жизни других.

Она не знала, что с этих пор около ее квартиры находилась неприметная машина, в которой сидели двое полицейских, призванных в случае чего защитить ее от людей Марта. Не была в курсе того, что в другой машине рядышком находятся специально обученные люди из охранного агентства, готовые следовать за нею по пятам. Не догадывалась, что ее телефон на всякий случай прослушивается, а в подъезде стоят миниатюрные камеры наблюдения. Она была бы в шоке, узнай все это, а также то, что за короткое время ее отец умудрился познакомиться со всеми представителями семьи Смерчинских.

Маша просто скучала по своему Денису и желала, чтобы он быстрее к ней вернулся. Впрочем, он тоже по ней скучал.

А если бы она узнала правду — что бы сделала? Какие ошибки могла совершить? Каким неприятностям подверглась бы? Или бы она, наоборот, смогла всех переиграть?

Дэн отключил сотовый, но еще почти минуту слушал тишину, не отнимая смартфон в ярком тонком чехле от уха. Она...

почувствовала, что с ним случилась беда? Почему Бурундучок так волновалась, ведь она ничего не должна была знать? И голос у нее был не только злобный, но и обеспокоенный — парень отлично чувствовал любые проявления эмоций у Марьи. И сны ей снились плохие... С чем это связано? Почему ее интуиция вдруг стала такой яркой? Потому что она действительно любит его? Несмотря на то, что он такой идиот? Бесцеремонный, ветреный, слишком самостоятельный и катастрофически внезапный?

Дэн прикрыл глаза. Голова все еще слегка кружилась после наркоза. Анестезия прошла, и теперь он чувствовал довольно ощутимую тягучую боль в животе. Она усиливалась от любого движения. Поэтому даже дышать парень старался тихо и медленно. Когда разговаривал с Машей, не удержался и засмеялся, услышав ее милый голос, и от этого боль стала сильной, но он терпел. Его девочка не должна узнать, что с ним что-то не так. Ей незачем волноваться. Она должна быть ограждена от неприятностей и проблем. Она — его

девушка. Теперь точно его. Одну когда-то он защитить не смог. Но эту защитит точно. Ник решил показать свою силу во всей красе? Окей, Дэн тоже не будет шутить. Он дал шанс Кларскому отойти в сторону. А тот пошел вперед, напролом.

От злости Смерч сжал руку в кулак. Он прекрасно понимал, что от Бурундуковой Никита не отстанет. И его братец — тоже. С ними не договориться. Их нужно устранить.

Поэтому он и сделал то, что сделал. Решил, что это будет самым правильным вариантом. Лера, ушедшая проводить Евгения Борисовича, полностью поддержала его. И отец по телефону — тоже.

Конечно, Денис мог бы собрать друзей и они все вместе накустыляли бы Нику, отправили в нокдаун, посоветовали бы никогда более не приближаться ни к Маше, ни к Смерчу, но парень прекрасно понимал, что это всего лишь игра в крутость и толку от нее нет никакого. Что могут сделать они, обычные, по сути, парни, против бандитов? Ничего.

Дэн припряг к Машиной и своей охране не только влиятельного деда, но и близкого друга Игоря, владельца частного охранного предприятия, — того самого парня, который привозил ему как-то антипохмельные средства, а также правоохранительные органы. Отца Марии в том числе. Он, как подполковник отдела экономической безопасности, занимающийся делом ОПГ Пристанских и их подпольными казино и игровыми залами, был самым заинтересованным лицом. Как только Дэн пришел в себя окончательно, он, почти мгновенно взвесив все за и против, переговорил наедине с дедом, объяснив Даниилу Юрьевичу, что нападавшие были людьми Марта. Тот, естественно, пребывал в шоке — Андрея Марта он, мягко говоря, не очень любил. Сначала даже подумал, что тот, таким образом, решил запугать его, Смерчинского, чтобы тот согласился с ним работать. Вызверился и заявил, что сделает все, что только может и не может, но «ублюдка достанет». Когда Дэн сказал ему, что дело не в этом, несколько успокоился.

— Март хочет достать не меня, а мою девушку, дед. Через своего братишку. Я мешаю ему, — сказал он Даниилу Юрьевичу совершенно серьезно. — Ее отец ведет дело Пристанских.

— Я знаю, что ее отец ведет дело дружков Марта. И только потому, что она из семьи ментов, я разрешаю тебе на ней жениться, — вдруг выдал глава Смерчинских.

— Она мне даже еще не невеста, — отозвался со слабой болезненной улыбкой Дэн, которому медсестра ставила новую капельницу. Пока ему было не больно — анестезия все еще действовала. — С чего взял?

— Думаешь, я тебя не знаю? — прищурился мужчина. — Я знаю о тебе больше, чем ты мог бы думать, мальчишка. Если ты стал с ней встречаться, с этой Машей, то у тебя снова все серьезно. Да ты простой, как колодец, Денис. Но вот то, что ты умудрился сам по себе перейти дорогу Марту, впечатляет. Теперь ты, дружок, никуда не едешь, ни в какой Галаз. Будешь сидеть здесь, в больнице с охраной. А твоей подружке...

— Я позвоню ее отцу и все расскажу. А ты, — вдруг очень упрямо и даже жестко сказал Дэн деду, — а ты поможешь ему.

— Рехнулся? С какой стати я буду помогать нашим доблестным органам, внучок?

— Тебе самому будет выгодно избавиться от Марта, — уверенно отозвался молодой человек. — Ты ведь знаешь, что он свободно хозяйничает в «Алигьери».

— Я-то знаю. А ты откуда знаешь?

— Ребята рассказывали, — не собиравшись выдавать кузена Дэн. — Сначала твой клуб для него всего лишь новая точка продажи наркоты. А потом твой клуб медленно становится его.

А Машкин отец и его коллеги помогут тебе избавиться от Марта навсегда.

— Ну, ты умен, конечно, мальчик мой, — потер подбородок Даниил Юрьевич, все еще находясь в холодном бешенстве. — И что ты предлагаешь?

— Пока что предлагаю просто позвонить ее отцу. И... дед, помоги мне, хорошо?

— Видимо, придется, — отозвался тот. — Думаю, я смогу помочь тебе и твоей девушке.

И Дэн позвонил. Евгений Борисович выслушал его, не перебивая, сразу поняв всю серьезность ситуации, и быстро приехал к нему вместе со своими сотрудниками. Им очень хотелось прижать Марта.

Чуть позднее отдел по борьбе с распространением наркотиков и экономическая полиция провели совместное оперативное совещание, на котором разработали план захвата ОПГ Пристанских. Если говорить вкратце, отец Марии и еще несколько его людей сделают вид, что согласны «сотрудничать» с Мартом и брать от него взятки. Они даже отпустят одного из его дружков, чтобы усыпить бдительность Марта. И проведут еще ряд действий, направленных на то же самое. По расчетам правоохранительных органов это должно отвлечь его внимание от Маши. К тому же один из приближенных главы Пристанских согласился помочь, дабы притупить внимание Андрея.

После в игру включится Даниил Юрьевич. Как оказалось, оперативники узнали, что на предстоящем благотворительном балу одним из учредителей которого Смерчинский-старший и является, Март с подельником собрался отмыть деньги, полученные за продажу наркотиков. Даниил Юрьевич об этом и не догадывался и поэтому очень рассердился. Он должен пригласить Андрея на вечер, чтобы якобы обсудить возможности их будущего сотрудничества. С некоторых пор глава ОПГ, понимая, что полиция у него на хвосте, постоянно менял свое местонахождение, и его трудно было поймать. А Смерчинский мог выманить его из своего убежища. Во время благотворительного бала должен был произойти захват Пристанских одновременно в нескольких точках города.

Даниил Юрьевич, кстати говоря, был самым недовольным из всех, потому что, во-первых, он терпеть не мог сотрудников правоохранительных органов в принципе, во-вторых, был взбешен тем фактом, что он, как хозяин клуба, может оказаться виноватым в распространении наркотиков. Естественно, полиции он заявил, что в его клубе наркотикам места нет и никогда не будет, и те сделали вид, что поверили ему. А в-третьих, господин Смерчинский был озабочен состоянием Дениса, а также срывом крупной сделки.

Имя Марта его вообще взбесило.

— Возмнивший себя Богом черт, — сказал он сердито Евгению Борисовичу чуть позже. — Сумасшедший. Умный, хитрый, опасный, но сумасшедший. А я не работаю с психами.

Конечно, как оказалось позже, он знал, что в «Алигьери» есть левый завоз наркотиков, только кто именно стоял за этим, Даниил Юрьевич не догадывался. Вернее, думал на одного из директоров, которого ловко подставил его собственный внук, а не на самого Петра. О деятельности парня и о его связях с Мартом он узнал все от тех же сотрудников службы по наркоконтролю. Услышав печальную правду о внуке, тотчас успокоился и холодно заявил, что участвовать ни в чем не собирается, Дениса защитит как-нибудь сам, благо, связи и возможности у него и его семьи имеются, и этим самым едва не сломал всю операцию. Однако Машин отец постарался все сгладить.

Один из высокопоставленных офицеров долго разговаривал со Смерчинским-старшим один на один, и в результате они пришли к неофициальному соглашению. Даниил Юрьевич

все же согласился помочь, но со следующим условием: его внук Петр никак не будет замешан в этой истории и по делу пойдет только как свидетель — в случае крайней необходимости. Правда, на него он обозлился и решил преподать взорвавшемуся мальчишке урок. Уже после того, как пройдет благотворительный бал. Какой урок — никому не сказал, даже отцу Петра, своему сыну, только лишь загадочно усмехнулся. Правда, с другой стороны, Даниил Юрьевич был даже несколько удивлен способностями Петра зарабатывать деньги и промышлять у него, человека умного и подозрительного, под носом. И вполне успешно промышлять!

Марье же решили ничего не говорить и о случившемся, и о предстоящем, а ее отец вообще хотел отправить дочку в другой город, от греха подальше, однако было решено, что она все же останется здесь, поскольку ее внезапное исчезновение может Марта и его друзей несколько насторожить. И тогда операция по захвату его преступной группировки провалиться ко всем адовым чертям. К тому же Евгений Борисович и Денис, которые, как оказалось, неплохо поладили, посчитали, что Маша — девочка импульсивная, сама может натворить дел, если узнает правду. Пусть лучше она сидит дома, оставаясь в неведении, готовится к экзаменам и ждет свадьбу брата. Ее будут охранять на расстоянии — на всякий случай. Жене, чтобы не расстраивать ее, Евгений Борисович тоже ничего не сказал, сообщил обо всем только старшему сыну. Тот, кстати, тоже быстро понял серьезность ситуации, быстро запрятал, куда подальше, вспыхнувшую злость по поводу того, что его сестричке желают навредить, и обещал присматривать за Машкой лично. Не оставлять ее одну и ограничивать перемещение.

А сам Смерч должен был позвонить оранжевоволосой виновнице переполоха и сказать ей, будто бы уже уехал в Галаз. Вместе с родителями. Кстати, о том, что Дэн в больнице, знали лишь его родственники и Ланде с Черри. Последний тут же предложил начистить морду Нику, но этого ему сделать не разрешили. Кларский, кстати говоря, узнал о том, что Дэн в больнице — видимо, от кого-то из дружков из той самой пятерки, и был так добр, что позвонил Смерчу через пару дней, когда тот чувствовал себя куда уже намного лучше — он вообще, по словам врачей, феноменально быстро восстанавливался. А Лера, слыша это, облегченно улыбалась и говорила, что ее сын и в детстве не умел долго болеть.

— Денис, я же сказал тебе не играть со мной, — произнес в трубку Кларский. Голос его был ровным, никакого сожаления или страха. — Надеюсь, ты быстро оклемаешься. А, да, можешь не беспокоиться за свою Машу. Она мне больше не нужна. Пока, выздоравливай. И... — Он что-то хотел сказать, но оборвал сам себя и добавил как-то равнодушно: — И не смей приближаться к Ольге. Она — моя. Понял?

Смерч не произнес в трубку ни единого слова, но, когда связь оборвалась, облегченно улыбнулся — кажется, подействовало. Март все же повелся на игры отца Машки.

Но это было уже через несколько дней, а сейчас Дэнни просто лежал в кровати и думал о Марии, пытаясь не обращать внимания на противную ноющую боль в животе. Иногда вдруг его мысли перескакивали на Инну, его первую девушку, которую он любил так, как только это может делать подросток, но прежней тревоги и грызущего беспокойства и вины отчего-то в его душе стало намного меньше, чем раньше. Будто бы что-то произошло, что-то, сумевшее заставить его прекратить думать, что, общаясь с Машей, он предает Инну. Друзья часто говорили ему, еще давно, когда только прошли ее похороны, что Инне сейчас все равно, а он должен продолжать жить дальше. И он, и Ольга, ее сестра-близняшка, и их мать, и отец. И они все пытались это делать — жить. Но вот только в не такой уж и длинной жизни Дениса смерть близкого человека была уже не первой. И в обоих трагедиях-потерях Смерч

винил себя.

Если бы у каждой души была табличка со словами, характеризующими ее, то на табличке души Смерча было бы выведено: «Ты виноват во всем. Только ты. И никто».

Но после операции ему стало лучше. Словно кто-то очень хороший сказал, что в случившемся нет его, Дэна, вины. Нет, он не перестал винить себя, но дышать стало легче и камней на плечах поуменьшилось. Да, он не помнил своего странного сна и кинотеатра тоже не помнил, и даже девушку в одеянии невесты, которая и была Инной, а единственное, что врезалось ему в память, была сценка около окон университетской библиотеки, где он и Чип забавно препирались. Знал ли он тогда, что она станет для него близким человеком, да еще и за такой короткий срок? А если бы знал — отважился бы общаться?

Денис вновь поморщился от боли. Ему казалось, что у него болит и ноет все тело. Все-таки били его неслабо, хотя серьезных повреждений и не нанесли, и переломов у него тоже не было. Опять-таки — по счастливому стечению обстоятельств. Неужели удача вернулась? Направил энергию в нужную сторону, как сказала гадалка?

Она его любит? Он ее — точно да. Зачем ей нужен тот, кто является полной противоположностью ее Никите Кларскому? Даже при всех его многочисленных плюсах? Не во внешнем же виде дело? К тому же рядом с Чипом всегда и ее верный друг Дмитрий. Он куда больше подходит Маше, чем сам Денис.

«А ты как думал? Любит, да. Сердце женщины — сплошной лабиринт загадок», — отозвалась невидимой в солнечном свете женщина в вуали и засмеялась.

От этих мыслей сердце его тут же опуталось тонкой белоснежной сетью глупой нежности. Одновременно с этим разыграл гормон «Моя собственность».

«А если мисс Тыква станет... черт возьми, третьей?» — со отчаянием и ненавистью к себе думал он, чувствуя, что его медленно затягивает в сон. Тогда гадалка порядком удивила его, сказав про лазурный и черный цвета над его головой.

«Не станет. Число 26 все решит, Денис, — вдруг сказала красноглазая леди, — сейчас все пойдет, как задумано. Эти две порядком меня достали своими просьбами. А гадалка неплохо сказала о них: лазурная и черная. В точку, правда, малыш? Лазурное так и останется лазурным, цвета моря, как и твои воспоминания, а вот черное-то пора менять на белое...».

Дэнв не заметил, как заснул, погрязнув в собственных тревожных мыслях. А обеспокоенная всем произошедшим Лера вскоре вернулась, увидела, что сын вновь спит, села рядом, погладила по волосам, взяла за свешанную с кровати руку и несколько часов, пока парень не проснулся, не отпускала его ладони. Все это время молчала и о чем-то думала, думала, думала.

— Наташа, прости, — проговорила она лишь однажды, глядя в большое окно, из которого в больничный бокс падал чистый свет.

Лучи заходящего солнца все так же тепло светили. Они же светили и в окно комнаты Маши, а сама она валялась на кровати в обнимку с игрушкой, подаренной ей Смерчем, и напевала что-то радостное.

— Денис, Денис, — изредка проговорила она почти счастливо — от того, что с ним все хорошо. Кажется.

— Денис-редис. Ха-ха-ха. Вот ты кто, мой зайчик, — нехороший человек. Дениска-редиска.

Мама Маши, вновь случайно это услышавшая, только улыбнулась и погрозила кулаком

Федору, который тоже оказался свидетелем слов сестры, чтобы тот не смел смеяться и дразнить Марию. Тот печально вздохнул и вышел на балкон — проверить, где стоят машины с Машкиными «охранниками». Кажется, Март должен будет потерять интерес к их семье, ведь отец все делает правильно. И не только он.

* * *

Петр, только что вошедший в палату братца, скептически оглядел его. Он пока что оставался не в курсе всего того, что планировала полиция и Даниил Юрьевич, и пребывал в хорошем настроении. Его решили оставить в счастливом неведении, чтобы тот сгоряча что-нибудь не сорвал. Как, впрочем, и Марию.

— Здорово, братишка, — увидел его Дэн, выключая музыку в наушниках. Он находился в больнице уже второй день. Когда мог, переписывался со своей девушкой по эсэмэс. И только что сумел избавиться от назойливых Черри и Ланде. Первый шутки ради притащил ему взрослый мужской и очень содержательный журнал, который случайно нашла Лера и отец Дэна, второй — аромалампу и ароматические масла для успокоения. Их ему, правда, не разрешили зажечь. Лера и отец тоже ушли совсем недавно, но мать обещала вернуться через пару часов, хотя Дэн был против. Хотел, чтобы она отдохнула дома.

— И тебе не хворать, а-а-а... забыл, ты же уже хвораешь, — отозвался кузен довольно-таки ехидно. — Кстати, где толпы твоих друзей и поклонников?

— Никто ничего не знает, — ответил Смерч.

— Вот как? — Брюнет в очках посмотрел на него с усмешкой. — Больно?

— Нормально.

— Ты мужик и терпишь, да? Что там с ментами? Нашли твоих гопников?

Смерч покачал головой:

— Пока нет. Дед сказал, что все равно обязательно найдет.

— Если он сказал, то сделает, — хмыкнул Петр, усаживаясь в кресло и закидывая ногу на ногу. — Кстати, дай мне номерок телефона твоей Маши.

— Зачем? — тут же насторожился Смерч. Однако ответ брата заставил его облегченно вздохнуть.

— Хочу узнать телефончик ее подружки с прекрасным именем Лидия, — скучным голосом произнес Петр.

— Я сам тебе могу его дать, — произнес Денис, совсем не желая, чтобы брат звонил его девушке. Он за словами особо не следит. Ляпнет, что Смерч ранен. — Для чего он тебе?

— Понравилась. Пересеклись как-то, — не стал вдаваться в подробности его кузен. Он, сидя напротив Дэна, смерил его презрительным взглядом из-под очередных модных очков. Смерч пару секунд подумал и по памяти сказал мобильный номер Лиды, который как-то раз видел в телефоне Маши. Петр даже не удивился этому.

— И что же ты раньше его не достал? — спросил Денис.

— Мне было лень искать, — изрек Петр.

— Ты не из ленивых. Если бы захотел, нашел бы ее и без меня. Боишься?

— Бесишь. Чего я боюсь, идиот? — почувствовал непреодолимое желание врезать братцу Петр.

— Чувств. Видимо того, что Лида тебе так понравилась, что ты решил ее найти. За

тобой я раньше такого не замечал. — Синие глаза весело блеснули. — Признайся, ты наверняка взращиваешь в себе чувство пренебрежения к ней? Чтобы заменить ими свои нелепые зачатки симпатий.

— А ты, типа, психолог? — с деланным презрением спросила Петр, перекладывая ногу на ногу.

— Ага, — согласно кивнул Смерч. — Я же знаю тебя. Ты боишься любых чувств и симпатий. Боишься привязанности.

— Началось. Ты пытаешься развести меня, чтобы я излил тебе душу, Дениска?

— Не-а. Если будешь изливать мне свою душу, я утону. Но тебе ведь страшно делать это, да, братишка? — снизу вверх глянул на него Смерч. — Тебе нелегко говорить «люблю» и «спасибо», поздравлять с Днями рождения и произносить тосты. Высказывать свои симпатии. Даже своей матери. Так? Ты ненавидишь петь при людях и никогда никому не показывал стихи, что ты писал раньше.

Петр напрягся, но почти спокойным голосом спросил:

— Читал?

Когда-то давно он и правда писал стихи. К слову сказать, получались они довольно-таки неплохими.

— Нет, не читал. Просто видел, как ты пишешь. И эта надпись на первой странице твоего тайного дневника — «Всякий прочитавший будет проклят» меня напугала, — хмыкнул Дэн.

— Ну, ты и дерьмо. — Петр немного помолчал, снял очки и, держа их за фиолетовые дужки, продолжил задумчиво: — Но ты во многом прав. Я кажусь себе слабаком при проявлениях эмоций. Прав, ты прав, Дениска. Говоришь, на эту девчонку у меня такая реакция? Может быть. А может, я правда был занят и не мог найти времени поиграть с ней. В любом случае, было приятно пообщаться, инвалид. Спасибо за телефончик. — Молодой человек встал.

— Спасибо, что помог мне выжить.

— Пожалуйста. Но... Все равно ты козел, — обернулся напоследок Петр, которому подсознание вновь подsunуло картинку, где брат лежал без сознания и в крови, а он ничего не может сделать, чтобы спасти его!

— Не спорю. Приходи еще, поболтаем. Пока! Ауфидерзейн... херр Петр! — вдруг вспомнилась Дэнву детская обзываловка, которой они с братом дразнили друг друга в детстве.

Говорили не «герр», как положено, а именно так: «херр», с нехорошим намеком.

— А ты за десять лет так и не изменился. Все такой же дурак, херр Денис.

Больше Петр не поворачивался, а когда вышел — рассмеялся негромко.

Дэнни тоже улыбнулся — смеяться ему все же было очень больно. Вновь надел наушники и набрал очередное сообщение Марии. Она спрашивала, как ему отдыхается на море. Поверила, глупая.

«Я скучаю по тебе, Чип...;)), — послал он новое сообщение.

С ней обязательно все будет хорошо. Он ее защитит.

И они оба это знали.

С Дэном мы каждый день разговаривали по телефону, правда, не так долго, как бы мне хотелось, но ведь он находился далеко от меня. Больше мы переписывались по аське и по эсэмэс. Особенно романтичным наше виртуальное общение казалось мне тогда, когда на небе показывались звезды, и улицы замирали в темноте летних теплых ночей, а я, все так же сидя на подоконнике, читала его сообщения.

Я очень ждала, когда Дэн придет — мне до дрожи хотелось увидеть его, прикоснуться, закрыть глаза, очутившись в объятиях. И он обещал приехать — примерно после свадьбы Федьки и Насти, в начале июля.

— Значит, мы не пойдем на концерт «На краю»? — грустно спросила я Смерча по мобильнику, выходя из такси вместе с мамой и Настей. У будущей невестки перед свадьбой было дел невпроворот, и она крутилась как белка в колесе. Сегодня вот Настасья должна была поехать в свадебный салон, чтобы забрать платье и фату, которые ей шили на заказ, и она попросила меня и маму съездить вместе с ней. Чтобы мы оценили наряд. Ездить с собственной мамой ей не хотелось (еще бы!), а все ее подруги сегодня не могли — работали. После примерки мы втроем должны были поехать в фирму, организовывавшую свадьбу, чтобы кое-что еще уточнить. А потом заскочить еще в пару мест: посмотреть банкетный зал в клубе, где должно было проходить торжество, уточнить насчет украшений в нем, заехать в цветочный салон... Все эти хлопоты помогали отвлечься от назойливой мысли, что Смерчика рядом нет, поэтому я с радостью поехала с Настей и мамой, хотя последняя настоятельно советовала мне оставаться дома и готовиться к двум последним экзаменам. Но несмотря на то что экзамены предстояли довольно-таки сложные, я надеялась, что без труда сдам их. Все-таки готовилась. Писала конспекты. Читала учебники и монографии. В общем, старалась. В меру своих сил, правда. А Дэн меня по телефону подбадривал. И, честно говоря, каждый наш разговор заряжал меня почище любого энергетика.

— Нам сюда, — нервно сказала Настя, кивая на кремово-нежную вывеску «Свадебный салон «Ариэль». — Что-то я беспокоюсь... Вдруг мне платье заporоли? На той примерке какие-то проблемы были...

— Настенька, все в порядке будет, — тут же успокоила ее мама, довольная-предовольная. Свадьбу она и тетя Лина, Настина мазер, ждали больше всех, видимо.

И они скрылись в салоне. Я, кивнув им, что, мол, сейчас подойду, продолжила разговор с моим Смерчиком-Дэнчиком, который где-то далеко от меня мог наслаждаться морем и золотым песочком. И чего его только вместе с предками, как он сказал, понесло в этот занюханный Галаз?

— Я хочу на концерт «На краю», — протянула я капризно.

— Бурундучок, я попробую успеть до того, как будет фест, — отозвался Смерч задумчиво и одновременно виновато. — Да, я должен успеть. Ведь за день до него будет благотворительный бал.

— А, тот самый, на который нас твой дед позвал, «Ночь жизни»? — вдруг вспомнилось мне.

— Да, только... Я уже не думаю, что мы туда пойдем.

— Почему? — Я была не прочь там побывать. — Ты все же не приедешь, что ли, к этому времени?

— Нет, потому что тебе больше понравится на концерте «На краю», со мной, — заговорщицки сказал он. У меня тут же в глазах загорелись алые огоньки — захотелось обнять его и потискать за щеки. Что со мной?

«Одурела, видимо!» — сообщили мне головастики.

— Малыш мой, мне пора, — стал резко прощаться со мной Дэнв. Где-то на заднем фоне я услышала незнакомые голоса. — Я позвоню тебе вечером. Будешь ждать?

— Конечно, буду. А мы точно пойдем на фестиваль? — уточнила я, вздыхая, потому что сильно уже соскучилась по Смерчу. А еще мне очень хотелось назвать его как-нибудь нежно-нежно, но как только я открывала рот, чтобы называть парня «милым» или «котенком», начинала хихикать.

— Да. Пока, my sun princess, слушайся маму и не перечь папе, — и он отключился. Я опять вздохнула.

— Маша, — выглянула мама из дверей салона, — сколько тебя можно ждать? Давай быстрее, нам еще насчет лимузина договариваться надо и ехать в тысячу мест. Боже мой, какая же это морока — свадьбы справлять!

Я еще раз вздохнула и вошла в салон, не слыша, как меня окликает малознакомый девичий голос. Мои глаза углядели шикарнейшую фату в руках Насти.

А у меня когда-нибудь будет свадьба?

* * *

Рыжий парень, тот самый главный координатор проекта «Romantic surprise», который был когда-то устроен в честь Дэна и Марьи, гулял с одной из девушек, чьего внимания он добивался долго и упорно. Отношения между ними только начинали завязываться, и рыжий напряженно думал, как бы половчее взять девушку за руку в первый раз. Он рассказывал ей какую-то забавную историю из жизни, она смеялась, и все было отлично, пока они не увидели около свадебного салона «Ариэль» хорошо знакомую им подружку их Смерча.

— О, смотри, это же Маша Бурундукова! — подняла брови девушка. — Да? Только волосы у нее оранжевые. Ух ты, — она хихикнула, — а круто смотрится. Так выделяется из толпы.

— А, точно, она, — всмотрелся вперед молодой человек, правда, у него было другое мнение насчет таких ярких волос. И как только Дэн разрешил своей подруге такое? — А что это она делает около свадебного салона?

— Э-э-э, не знаю. Окрикнем ее? Маша! — заорала его спутница. — Маша! Мария! Бурундук!

Девушка не слышала. Она вошла в салон, не оглянувшись.

— Что там она забыла все-таки? А ты слышал слухи по поводу того, что она беременна? — вдруг хихикнула девушка.

— Ну как бы да. Но, думаю, это все бред.

— А я еще и видео интересное смотрела... У Челки. Где Смерч ей руку и сердце предлагает. Слушай, а если это не слухи, а?

— Думаешь, эта Маша реально беременна от Смерча и у них будет свадьба? Он же сейчас на море вроде. — Рыжему не хотелось верить в то, что друг остепенился и решился на такой серьезный шаг в таком молодом возрасте.

— Слушай, пойдем у Маши прямо спросим? — вдруг предложила девушка и сама схватила парня за руку, потащив за собой. Она была хорошей подругой Инги и чем-то была похожа на нее характером.

Рыжеволосый, довольный, что они, как-никак, держаться за руки, с удовольствием пошел за ней. Ребята, так и не отпуская ладоней друг друга, остановились напротив салона и в большом, украшенном искусственными цветами окне-витрине увидели, как Мария с немалым интересом примеряет длинную фату.

— Вау, — сказала девушка, мгновенно подумав, что Маша точно собирается замуж. Настя, к слову, в это время находилась в примерочной, где надевала свое свадебное платье, а Машка просто баловалась. — Наверное, мы даже спрашивать не будем.

— Я тоже думаю, что это будет лишним. Только... почему Смерч никого на свадьбу не приглашает? Обидно, блин, — отозвался рыжий, наблюдая, как Чип крутится вокруг зеркала в фате, а после к ней подходит какая-то женщина, похожая на нее, и что-то говорит. Кажется, это была ее мама.

— Может, не успел еще? — предположила девушка. — И вообще, его же в городе нет. Приедет и пригласит. Даже Инга ничего не знает о свадьбе и ребенке. А я, между прочим, у нее спрашивала. Она ведь его сестра. Может, Смерч хочет сюрприз устроить?

— Ну, может быть. В конце концов, это дело Дэнва. Ладно, пошли дальше?

— Пошли, — они не видели, как Машина мама едва ли не срывает с головы дочки фату Настасьи, и не слышали, как гневно кричит, что «чужую фату примерять — к несчастью!».

Эти двое почти не размыкали рук больше, и в этот же день у них был и первый поцелуй. Очень красивый и чувственный. А Маша стала в глазах общественности уже настоящей невестой, ожидающей ребенка. Ну, в ребенка верила где-то половина знакомых и друзей Дэна, вторая все же еще сомневалась. Но на свадьбу хотели многие. Это же свадьба не кого попало, а Смерча! Там точно будет очень весело!

Но только вот Мария, ради интереса примерявшая фату Насти, об этом не догадывалась. Ей просто было любопытно в свадебном салоне, где она была впервые в жизни, и хотелось все потрогать и даже померить. Особенно свадебные платья. Жаль, мама не разрешала. И вдруг сказала, что замуж разрешит выходить только после того, как дочь закончит университет. Даже если женихом окажется такой хороший мальчик, как Денис. Маша повозмущалась, сказала, что замуж не выйдет никогда и ни за кого, если, конечно, женихом не будет ее какой-нибудь любимый музыкант, например, Кей из «На краю» или Рэн, а это маловероятно, но потом как-то задумалась. А дома делала вид, что доучивает последние билеты к предстоящему предпоследнему экзамену, хотя сама долго о чем-то думала и хихикала при этом.

* * *

Экзамен по психологии рекламной деятельности я сдала на отлично, поразившись сама себе. Однако, надо признать, что мне повезло с билетом — оба вопроса в нем были достаточно легкими, но, самое главное, были мне прекрасно знакомы. Один я выучила дома, второй прочитала буквально под дверью кабинета, в котором экзамен и принимали, а потому материал держался у меня в голове, и мне не составило труда его воспроизвести, и даже ответить на вопрос преподавательницы, которая, по-моему, не думала, что я так хорошо смогу сдать ее предмет. Наверное, она считала, что я списала, однако после моего ответа на дополнительный вопрос ее сомнения отпали, и она с благодушным видом расписалась в моей зачетке и поставила оценку в ведомости.

— Вот что делает сила любви с людьми, — хихикала Маринка, когда мы втроем беспечно шагали по залитым солнцем центральным улицам города — решили немного развеяться перед последним экзаменом.

— Не говори, — подхватила Лида. — Вот это мотивация! Если бы Машка влюбилась в своего Дэна на первом курсе, у нее, наверное, красный диплом бы был.

— Ой, отвяжитесь, — щурилась я на солнце, а настроение у меня было преотличное. За спиной рюкзак с заветной оценкой в зачетке, в одной руке — мороженое, а в другой — только что отскерокопированные ответы по самым сложным вопросам следующего экзамена, которые мне хитростью удалось добыть у четвертого курса. Листы еще были теплыми и касаться их было приятно, поэтому я не спешила убирать их в рюкзак.

Я шла и каждой клеточкой наслаждалась летом, улыбаясь прохожим, большинство из которых, правда, в силу менталитета, не совсем понимали меня и удивленно смотрели, однако некоторые улыбались мне в ответ, и это было здорово. Мы встретили шумную компанию иностранцев, среди которых были и афроамериканцы — один высоченный, как баскетболист, добродушный, второй — смешливый и с дредами, и несколько шумных модных китайок, и веселые ребята из Западной Европы, которые отлично говорили на английском. Все они оказались музыкантами и приехали на какой-то международный форум, устраиваемой общими усилиями министерства культуры и администрацией консерватории. Почему-то моя улыбка заинтересовала их, и они решили с нами пообщаться и заодно сфотографироваться на фоне журчащих фонтанов, около которых примостились лавочки с изогнутыми спинками, а также около скульптуры вдохновению, появившейся в городе совсем недавно. Молодой художник рисовал на мольберте, а за его спиной парила в воздухе девушка с распущенными волосами, касаясь ладонями его плеч. Как сделали такую композицию, сложно сказать, но смотрелась она эффектно. Гости города едва ли не на хребет девушки-вдохновения залезли, позируя перед камерой.

Общаться с иностранцами было весело, прикольно, необычно, но... непонятно. Кое-кто почти не знал английского языка, и Марине с Лидкой пришлось на время стать переводчиками, благо с иностранным у них все было в порядке. Иначе мне пришлось бы изъясняться жестами.

— Блин, — ныла я подружкам после внезапного знакомства, когда гости города скрылись из виду. — Если бы я знала английский, я б с ними потрепалась! Почему я его не знаю?!

— Потому что ты его не учила, — наставительно сказала Лида.

— Учила! Он мне просто не дается! — возмутилась я.

— Ой, девочки, ладно вам, — вмешалась Марина. — Смотрите, там распродажа! — ткнула она пальцем в здание через дорогу, на первом этаже которого находился обувной магазин известной молодежной марки. На окнах виднелись огромные овальные белые наклейки: «Распродажа! Скидки минус сорок процентов! Каждая третья пара обуви в подарок!» Чуть ниже более мелким и незаметным шрифтом значилось: «Третья пара обуви в подарок, если цена за первые две превышает...», и далее значилась довольно-таки большая сумма, на которую в других магазинах можно было приобрести и четыре пары обуви. Сколько я не говорила девчонкам, что это все маркетинговые уловки, они возжелали зайти в этот магазин.

— Мы две пары покупать не будем, зато тут со скидкой есть, и все вещи стильные, — заявила Маринка, когда мы переходил дорогу.

— Да накрутка это, а не скидка, — проворчала я и тут заприметила книжный магазин — он как раз находился на углу. — Ладно, идите в свой обувной, а я в книжный забегу. Встретимся через двадцать минут на этом месте!

— На каком этом? — вздохнула Лида, любящая точность.

— На тротуаре! — выкрикнула я и умчалась. Этот книжный был самым большим в городе и славился огромным выбором книгопечатной продукции. Кажется, здесь можно было откапать все на свете, и я могла часами ходить между рядов с полками, внимательно изучая книги, проводя пальцами по корешкам, читая аннотации и наугад раскрывая страницы. Иногда я забывалась, думая, что книжный — это музей, и подолгу бродила по нему в поисках своих идеальных книг. Идеальными я называла те книги, которые заставляли сердце взволнованно биться в такт сердцам героев. Чтобы душа книги — а у каждой книги есть душа! — дышала в унисон с моей. И чтобы мысли, заложенные в ряды букв, складывающихся в слова, совпадали с моими, или же учили чему-то новому, важному, или дарили опыт, а не бесследно исчезали в памяти.

Идеальные книги невозможно забыть. И после них нет кислого осадка и чувства горечи, а немые вопросы: «Зачем я это прочитал?» или «Для каких целей это написано?» не появляются. Они могут быть большими или маленькими, дарить самые разные чувства, от веселья до глубокой печали, но общим всегда является одно — когда переворачивается последняя страница, нет ни капли сожаления, что ты прочитала эту книгу.

Но таких книг было на удивление мало, и я постоянно находилась в поисках. Иногда я ощущала себя настоящим кладоискателем — найти среди нескольких тысяч, или даже десятков тысяч, или сотен одну-единственную.

Только для всех идеальные книги разные. И идеальные люди — тоже. Кто-то называет Дениса идеальным, но... правы ли они? Нет, он замечательный, невероятный человек, у которого вместо жил течет концентрированное волшебство, и если бы он был книгой, он стал бы моей самой идеальной книгой — доброй, поучительной, интересной, с невероятным сюжетом и героями, в которых влюбляешься и с которых хочешь брать пример, с легким прекрасным языком и новаторскими идеями. Но всем ли понравится содержание этой книги так же, как и обложка, или кто-то вообще не раскроет страниц, оставив свой взор на форзаце с рисунками?

Однако, как есть книги с совершенными обложками, но сгоревшими внутри страницами или с листами, на которых напечатано лишь несколько слов, повторяющихся через троеточие, так есть и такие же люди. Кто-то и рад был бы их почитать, но не может, потому как читать в них нечего.

От мыслей, в которые в последнее время из-за Смерча и общения с ним я погружалась все чаще и чаще, меня отвлекла девушка — моих лет и роста, и даже с прической, похоже на мою прежнюю — светлые прямые волосы без челки до плеч. Однако похожи мы были только внешне. Летнее малиновое платье чуть выше колен, босоножки на тонких каблукках, маленькая сумочка на длинном ремне, большие серьги в ушах, пластиковые браслеты — все было хорошо, в тон, подобрано, и девушка выглядела женственно. К тому же, в отличие от меня, она умела краситься — и как некоторые рисуют такие идеальные и такие тонкие стрелки на глазах?

— Девушка, — позвала меня она. — Можно посмотреть эту книгу? Или вы ее берете?

Оказывается, застыв в размышлениях около стенда с книгами по мировому искусству, я машинально сжала в руках большую яркую книгу, которую хотела посмотреть. «Загадки

современного искусства» называлась она, и, помнится, ее нам очень рекомендовали на одном спецкурсе, поэтому я и схватила книгу.

— Нет, не покупаю, — очнулась я и протянула книгу девушке. Она улыбнулась. Глаза у нее загорелись.

— Хорошая книга, нам в универе ее советовали, — сказала я незнакомке. — И теория хорошо изложена, и иллюстрации качественные.

— А где учиться? — поинтересовалась она живо. — В художественном?

— На факультете искусствоведения, — помотала я головой и захихикала, вспомнив свои каракули, которыми я одно время снабжала Димку, играя с ним на лекциях в игру «Мария — великий художник», Димка выступал в роли критика и «расшифровывал» мои художества. Иногда еще я малевала карикатуры, но на этом мой талант иссякал. — Я рисовать не умею, меня в художественный и близко не подпустят.

— А я туда поступить хотела, — мечтательно протянула девушка, и на этом наш разговор иссяк. Потому как за спиной девушки в малиновом платье появился Никита Кларский. Синие джинсы, летняя светлая рубашка, как всегда, начищенные до блеска ботинки — все это делало парня похожим на офисного работника, а не на студента.

— Где ты там ходишь? — довольно грубо спросил он, увидел меня и осекся. Кажется, он ожидал от меня чего-то, какой-то реакции, поэтому напряженно молчал. И я тогда совершенно неверно все поняла.

— Привет, Ник, — поздоровалась я с огромным недоумением. Это что ж, пока Князева в отъезде, он нашел ей замену? Как же так? Они же встречаются! Но не успела я ничего по этому поводу сказать, как парень произнес:

— Привет, Маша. Это моя сестра Ника, — он положил девушке руку на плечо и с улыбкой притянул ее к себе, не обращая внимания на возмущение в голубых глазах. — Младшая.

— Я думала, у тебя только брат есть, — растерянно сказала я, вспомнив наше двойное свидание. Ник точно говорил, что у него есть брат, а о сестре умолчал.

— Двоюродная, из Лесогорска приехала, — уверенным тоном продолжил парень, сжимая пальцы на плече Ники. — Показываю ей город.

— Да, из Лесогорска. У вас красиво, — сказала она, улыбнувшись как-то скованно, и отцепилась от брата. Надо же, Никита чей-то старший брат. Наверное, не изгаляется над сестренкой, как Федька надо мной!

— Ника и Ник, — задумчиво произнесла я, глядя на этих двоих — хоть оба они и были светловолосы и светлоглазы, но казались совершенно непохожими друг на друга. Хотя чего удивляться, кузены и кузины часто совершенно по-разному выглядят. — А ваши родители молодцы, что вас так созвучно назвали!

— Никиту сначала мама хотели назвать Васей, — сказала весело Ника, и брат одарил ее сердитым взглядом. — В честь нашего прадедушки, героя войны, кстати. А папа хотел назвать его Тарасом — в честь своего прадедушки, потомственного купца, между прочим. Пока они спорили, бабушка нарекла его Никиткой и по благу, через знакомых, записала его под таким именем в свидетельстве о рождении.

Мы обе дружно захихикали, представив, что парня могло бы звать Тарасом или Василием. Кларский, кажется, смутился. Надо же, а раньше я и слова не могла перед ним вымолвить.

— Мне кажется, Нику пошло бы быть Васей, — сказала я.

— А мне Тарас больше нравится. Сокращено бы называли Тарой или Расом, — отозвалась с задором Ника. — Вот умора, да?

— Нет, — отозвался ее братик и так глянул на сестру, что та мгновенно замолчала.

— А чего вы ищите? — спросила я из любопытства. — За какими книгами приехали?

— Да так, почитать кое-что на лето, — неопределенно сказал Кларский. В корзинке в его руках было несколько книг — кто-то из модных, но малопонятных постмодернистов, Набоков, Лавкрафт, знаменитый роман «Преступление и наказание» и непонятно как затесавшийся в эту компанию Вудхаус. Надо же, какой же все-таки Никита умный!

— И мне взять кое-что, — ожила Ника вновь, помахав увесистыми «Загадками». — Братик обещал купить. Да? — заглянула она в серые холодные глаза Никиты. Мне почему-то показалось на миг, что он сейчас опустит книгу Нике на голову с размаху, но он только улыбнулся и взял книгу. Правда, взглянув на цену, улыбаться перестал, но ничего не сказал и молча кинул книгу в корзину.

— Какой у тебя брат молодец, — с завистью сказала я, вспомнив ценник. — Мой бы мне не купил такую книгу.

— Это ж Никитка, он добрый, — ласково сказала Ника и обеими руками схватила его за предплечье, словно собралась повиснуть на нем.

Добрый... Добрый?

Ник стряхнул ее с себя.

Глядя в неподвижное лицо парня, я вдруг вспомнила, что о Кларском говорил Дэн. Он младший брат одного из авторитетов. Входит в ОПГ. Занимается незаконными делами. Никита Кларский — преступник, опасный, несмотря на молодость, человек. А я настолько привыкла к его обычному образу хорошего мальчика, считая замечательным человеком, что хоть и знала теперь, кто этот парень на самом деле, но не сразу смогла сопоставить факты. Сознание, словно защищая меня, на время заставило забыть о его истинной тайной сущности.

А теперь я вспомнила.

Мне не стало страшно, я не похолодела, и жара, бегущего по спине, не было, как и мурашек на руках или ногах, я просто стояла и смотрела на свою бывшую великую любовь, недоумевая и не понимая, как такое возможно. Нет, это не может быть правдой!

Нет, может. Никита Кларский — не тот, за кого себя выдает. Но знает ли об этом его сестра? Или она сама такая же? Нет, не похоже — обычная девчонка. Он ведь не сделает ничего плохого своей сестре? Ведь он не настолько плохой? Он ведь искренне любит Тролля.

— Нам пора, Маша, — сказал Никита.

— Передавай привет Ольге, — осторожно ответила я. Хоть она и уехала, наверняка они как-то общаются. Хотя с Троллями станется выдумать, что связи нет или инопланетяне забрали ее телефон. Она та еще подлюка.

Ника вдруг ухмыльнулась, услышав имя девушки брата. То ли она Князеву не особо жалуется, то ли... Додумывать я не стала.

— Конечно, — улыбнулся мне совершенно не злодейской улыбкой Никита. — А ты передавай привет Дэну. Ты к нему едешь? — спросил он.

— Куда? — захлопала я глазами. — Он же уехал на море. Писал сегодня, что на серфе катался. И я хочу.

— А-а-а, на море, — произнес Кларский задумчиво. — Понятно. Знаешь, Маша, — склонился он вдруг ко мне, — и ты съезди... на море. Освой серфинг, позагорай, отдохни.

— Да я не планировала, — выговорила я с трудом — в те секунды мне казалось, что

один только взгляд подавляет меня, и это наваждение с трудом исчезло только тогда, когда Никита перестал смотреть мне в лицо.

— Лучше покинуть город, — продолжал парень. — Это лето будет слишком жарким.

— Мы с Дэном поедem в горы, — зачем-то сказала я.

— Вот и славно. А, да, — словно вспомнил он о чем-то. — Помнишь, я хотел с тобой встретиться, поговорить. — Он поморщился. — Ты тогда не ответила на эсэмэс.

— А? — не сразу поняла я.

— В общем, забудь, — произнес Ник. — Все хорошо, просто отдохни этим летом подальше от города, Маша. Вместе со своим Дэном. И передай мои слова ему.

И он быстро пошел прочь, кивнув сестре, чтобы та шагала за ним. Ника помахала мне, и вдруг выражение на ее лице стало обеспокоенным и обреченным, а не беспечным, как при встрече со мной.

А я вдруг зачем-то спросила ей вслед:

— Ника, все хорошо?

— Да, — сказала она мне. И зачем-то добавила: — Спасибо. Слушай, ты..., — начала было сестра Кларского, но замолчала.

— Ты идешь? — крикнул он ей, и девушке пришлось поспешить за ним.

Почему-то голубые глаза ее были невеселыми, и она почему-то напомнила мне куклу, которой приходится делать все, что захочет кукловод.

Они ушли, а в задумчивости стала бродить между полками и стеллажами, ища свою идеальную книгу. Идеальную не нашла, но стала обладательницей двух фэнтези-романов, которые грозили быть очень интересными.

Встреча с Ником и Никой почти стерлась из памяти. Однако выходя из книжного со довольной миной на лице, я вдруг вспомнила кое-что еще из разговора, когда мы гуляли вчетвером по парку.

«— Я всегда мечтала о старшем брате.

— А я — о младшей сестре. Я бы хотела заботиться о ней. С детства люблю детей».

Ольга хотела старшего брата, а Ник мечтал о младшей сестре. Он желал это, потому что у него была младшая кузина или потому что у него и ее не было?...

— Машка! — закричала Маринка откуда-то справа, махая здоровенным ярким пакетом — видимо, купила что-то в своем драгоценном обувном. — Сколько тебя ждать можно?!

— Иду! — заорала я в ответ. — Смотрите, что я купила!

Всю дорогу до остановки мы хвастались покупками — я книгами, Маринка — босоножками, а Лида только головой качала — она не любила тратить деньги на всякую ерунду.

* * *

А у Никиты Кларского и Ники Карловой сегодня был день встреч. Сначала они совершенно случайно столкнулись в книжном магазине с Машей Бурундуковой. По просьбе брата, которая больше была похожа на приказ, Ник специально заехал в центр города — купить Андрею требуемые им книги, и он даже не предполагал, что встретит среди стендов и полок девушку Смерчинского, на которую у брата были большие планы — до недавнего времени. Потому как в последние дни дела пошли как по маслу. С отцом Бурундуковой

удалось договориться и без участия в деле дочери — тот, словно почувствовав опасность, наконец, перестал корчить из себя неподкупного мента с благородной честной душой, и согласился на условия Марта. Это привело старшего брата Ника в довольно-таки хорошее расположение духа, если конечно, можно так выразиться, и на какое-то время он даже оставил Никки в покое. Тот же продолжал всюду таскать с собой ненавистную ему Нику, к которой, правда, он постепенно привыкал, тем самым спасая от ненужного внимания свою Ольгу, столь вовремя покинувшую город. Впрочем, Кларский был так любезен, что как смог, предупредил об опасности и Машу. Сама она ничего скорее всего не поняла из его слов, ведь даже не знает о том, что Денис ранен и в больнице, более того, не в курсе, из-за кого он там оказался. Ник в первые секунды ждал, что Бурундукова будет кричать или даже набросится на него, но она улыбнулась, сказала: «Привет!», и он понял, что девочка пребывает в священном неведении. А вот если она передаст его слова своему клоуну Смерчинскому, тот во все мигом въедет и, как надеялся Никита, уедет, забрав с собой свою девчонку. Ей очень повезло.

— Слушай, это та самая Маша? — спросила Ника парня, когда они стояли в очереди. — Подруга Дениса? Мы приезжали к ее дому и...

— Замолчи, — привычно оборвал ее Никита, и девушка, сощурившись, в отместку не дала ему скидочную карту.

Когда они оказались на улице, Ник, не глядя на свою спутницу, молча отключил сигнализацию, кинул на заднее сиденье пакет с книгами, сел на водительское сидение. Он ни слова не сказал Нике, которая своим поведением просто выбесила его в книжном, прочирикав идиотскую историю про его имя, да еще и книгу заставила купить. Кое-кого следует проучить.

Девушка также молча села рядом с ним. Она не успела даже застегнуть ремень безопасности, как Ник одной рукой без всяких церемоний схватил ее за подбородок и развернул к себе.

— Что ж ты делаешь, малышка, — прошептал он, положив вторую руку ей на колено. Нике его ладонь показалась обжигающей, она дернулась, но ладонь скользнула чуть дальше, наполовину оказавшись под малиновой тканью, и девушка замерла.

— Я сколько раз говорил тебе вести себя прилично? — продолжал шептать светловолосый парень. — Что за тупые истории про Тараса и... — Он, подзабыв второе имя, замолчал.

— Василия, — пискнула Ника, воспользовавшись паузой. Ее глаза пылали негодованием. — Убери руку. Слышишь?

— На слух не жалуюсь, — лениво отозвался молодой человек. — Если ты еще раз кому-нибудь ляпнешь что-то подобное, ты пожалеешь, поняла, детка-конфетка?

— Поняла, — сглотнула Ника. Конечно же, она не упустила момента поиздеваться над наглым Укропом. Да и в последнее время стала куда меньше бояться его.

— Нет, не поняла, — не поверил ее глазам внимательный Кларский. — Давай, повторяй за мной. Никита, я больше не буду так делать, я виновата и все поняла. Извини.

— Может, мне тебя еще и хозяином назвать? — не сдержалась девушка.

Парень сузил глаза.

— Надо будет — назовешь, — проговорил он зло. — Я плачу тебе деньги, значит, я — твой хозяин.

— О, хозяин, прости меня, — прошипела Ника рассерженной кошкой. — Я искуплю

свою вину. Все, как ты скажешь, все для тебя. И весь мир к твоим ногам. И улей в рот, — добавила она, не сдержавшись.

Ник стиснул зубы. У него было не самое радужное настроение, и выходки стервочки только еще больше понижали его.

Парень резко нагнулся к своей спутнице — их носы теперь соприкасались. Девушка облизала губы. Извиняется она не собиралась — по крайней мере, в этот момент.

— Я же просил тебя. Ты меня плохо понимаешь? — тихо произнес молодой человек. Нике на ухо, коснувшись своей щекой ее щеки.

— Я просто хотела, чтобы эта Маша поверила нам.

— Да ты что? Неубедительно играешь, второсортно. А вообще, не стоит со мной играть. Забылась?

Девушка попыталась оттолкнуть Кларского, но он, естественно, не позволил ей этого сделать. Между ними завязалась короткая и совершенно неравноправная борьба, в результате которой парень с легкостью завладел обеими руками девушки.

И в этот момент все вдруг поменялось — но ровно на секунду, мгновение. Их со страшной силой потянуло друг к другу. Никита внезапно ощутил непреодолимое желание поцеловать нахапку — не так, как Ольгу, а жестко, резко, так, как нравится и хочется сейчас ему, не заботясь, что чувствует девушка, запустить пальцы одной руки в волосы, а другой... Впрочем, на этом он сам себя оборвал.

А Нике вдруг захотелось вцепиться в него ногтями — но уже не в лицо, а в спину, укусить, сделать больно, и ее, словно плеткой, хлестнуло воспоминание из клуба, где она целовала Кларского, прижимаясь к нему всем телом, потому что тогда, под действием наркотиков, хотела раствориться в нем. Ей сделалось страшно от своих собственных желаний, но если бы сейчас Никита коснулся ее губ, у нее просто-напросто сорвало бы крышу.

Впрочем, если бы и Ника свершила что-то или хотя бы просто озвучила свои желания, Кларский тоже не выдержал бы. Однако никто из них ничего не сделал, и все закончилось тем, что у обоих одинаково быстро билось сердце, а еще казалось, что в салоне невыносимо жарко. У Ника на лбу появилась испарина, у Ники покраснело лицо.

С обоюдного молчаливого согласия они сделали вид, что ничего не произошло.

— Не играй со мной. Иначе не получишь денег. За книгу — вычту, — пригрозил Никита, нехотя отпуская девушку и включая кондиционер.

Ника ничего ему не сказала, только натянула на колени платье, не понимая, то ли она сожалеет, что ничего не было, то ли нет. В душе было дискомфортно и как-то непонятно.

— Я схожу за мороженым, можно? — тоном послушной девочки спросила Карлова, про себя крившая парня последними словами. Она безумно хотела вырваться хоть на миг из этой машины, которая казалась ей клеткой. Что-то странное произошло с ней только что, когда Укроп держал ее за руки.

— Давай. И мне возьми, — легко согласился Ник. Ему тоже требовалось временно одиночество, чтобы прийти в норму. В эти секунды он мечтал о ледяном душе.

Девушка выбралась из автомобиля и спешно зашагала прочь, к супермаркету, в котором долго выбирала мороженое. В результате, внутренне ухмыляясь, купила три порции — два фруктовых льда на длинной палочке и медовый пломбир. Пломбир она съела около магазина — торопливо, чуть не подавившись один раз, чтобы Ник не видел, а после продефилировала в его машину и молча протянула фруктовый лед.

— «Смеющаяся льдинка»? — мрачно прочитал название парень и перевел гневный взгляд на Нику. — Это что?

— Мороженое, — сказала она и даже улыбнулась. — Фруктовый замороженный лед, — пояснила Карлова. — Вкусно.

И девушка с удовольствием лизнула лакомство.

— Я вижу, что мороженое, — медленно произнес парень, с каким-то загадочным отвращением рассматривая его. А после кинул Нике на колени, заставив вздрогнуть.

— Ты чего? — возмутилась она, довольная, как лиса в курятнике без хозяев. Так и знала, что «Льдинку» он есть не станет! Ее бывший такое тоже не покупал, посмеивался, что такое мороженое — не для парней, пусть лучше девушки его едят — лучше всего медленно, с чувством, толком, расстановкой, как он тогда выразился. Ника запомнила.

— Других не было? — хмуро посмотрел на нее Кларский.

— Это самое вкусное, — ответила девушка.

«Ну у тебя и вкусы», — говорил выразительный взгляд парня.

— Хочешь, я схожу и другое куплю? — предложила Ника. Она знала, что умудрилась разозлить Ника, но сделала это так аккуратно, что он при всем желании не мог на нее наехать.

— Не надо.

С этими словами он завел машину, и они куда-то вновь помчались. Куда они ездили и зачем, Карлова особо не понимала. Если нужно было, она шла вместе с молчаливым и почти всегда каким-то недовольным Никитой туда, куда он говорил, не отходя ни на шаг — случай с парнем из пропавшего сигаретным дымом бара все еще был жив в ее голове. Иногда же парень просто оставлял свою лжедевушку в машине, веля никому не уходить и дожидаться его. Сейчас произошло то же самое — оставив Нику в одиночестве давиться уже третьим мороженым, Кларский ушел и вернулся только через часа два, когда Ника уже вся извертелась и даже вышла на улицу — благо, Никита припарковался в тени раскидистого дерева, напротив старого серого унылого дома в два этажа. Телефон у девушки благополучно разрядился, и ей было очень скучно, потому что даже карандаша или ручки у нее не оказалось, чтобы порисовать. Зато неподалеку она увидела двух девочек с мелками, подошла к ним и уже вскоре всю чертила на асфальте на радость мелким. Правда, вскоре девчонки убежали и Карлова вновь заскучала.

Когда на извилистой тропинке, бегущей по детской площадке, появился мерзкий Укроп, она даже обрадовалась.

«Идет, обезьяна, — подумала она с неприязнью. — Иди-иди. И на моей улице будет праздник. Будешь и ты меня ждать часами».

— Почему не в машине? — не самым радушным голосом спросил Никита. Однако судя по тому, что легкая складка между бровей исчезла, да и спина стала менее напряженной, встреча имела хорошие плоды.

— Надоело там все время сидеть, — сказала Ника. — Подышала воздухом.

Кларский прошел к передним дверям и потянулся, было, к ручке, как его взгляд привлекли какие-то синие каракули на дороге, которых прежде он не замечал. Разноцветными мелками кто-то нарисовал на асфальте симпатичную парочку — схематично, но забавно. Босой лопоухий парень в рубаше и широченных брюках стоял на одном колене перед сидящей девушкой в бальном платье и короной и лобызал ей ступню. На следующей картинке принцесса использовала его в качестве полставки для ног. А на третьей скакала на

нем верхом, как на лошади. «Кит-дурачок и принцесса Лето», — было аккуратно выведено над картинками явно не детским почерком.

— Что это? — кивнул на асфальтовую живопись Кларский.

— Откуда я знаю? Дети рисовали, — как можно более равнодушно произнесла Ника, пряча руки, запачканные в меле, за спину. — А что?

— Ничего, — отрезал парень. — В следующий раз, если выйдешь из тачки, следи за ней. Что-то пропадет — оплачивать будешь ты.

— Да что ты все о деньгах да о деньгах! Я... — Но, наткнувшись на суровый взгляд своего работодателя, Ника предпочла замолчать. — Упс, — вдруг произнесла она.

— Что еще? — не понял Кларский, но тут же понял, что девушка имела в виду.

— Ника! — громко позвал громкий женский голос — к машине подходили миловидная женщина с короткой стрижкой и в строгом костюме и юная длинноволосая особа лет шестнадцати, чем-то напоминающая Нику — возможно, овалом лица и посадкой глаз. Она радостно помахала.

— Что им сказать? — занервничала Ника, махая в ответ.

— Что ты сегодня выдала в книжном, — пожал плечами Никита. Ему было все равно. К ним приближались не его знакомые, и ему было безразлично, что они подумают. Он хотел просто сесть в машину и уехать — дел еще было много.

— Я не могу сказать, что ты мой брат, потому что это моя тетя и сестра, — прошептала Ника и сказала радостно: — Привет! А вы что тут делаете?

— Привет! Тут магазин музыкальный неподалеку, вот зашли, когда гуляли, — сообщила длинноволосая, с интересом глядя на Никиту. Она напомнила ему восторженного котенка, да и у ее матери было добродушное лицо, и он не стал им хамить.

— И тебя случайно увидели, — улыбнулась женщина. В глазах ее был немой вопрос — кажется, ей было очень интересно, что это за молодой человек рядом с ее племянницей.

— Это моя тетя и моя двоюродная сестра Марта. А это Никита, — спешно представила их друг другу Ника.

— Твой друг? — дружелюбно глянула на парня женщина. Кузина Ники не отрывала глаз от парня. Ей было любопытно.

— Ну-у-у, — уклончиво протянула Карлова. Она нервничала. — Мы-ы-ы...

— Мы недавно познакомились, — понял, что стоит вступить в игру Кларский, а не то эта глупая кукла все испортит. Он привычно и быстро вошел в образ хорошего мальчика. Этот образ был отработан почти идеально. Ведь таким он хотел быть в глазах других. — Подвез Нику к знакомой на машине.

— Не балуйте ее, — хихикнула девочка-котенок, не осмелившись переходить на «ты». — А то зазнается.

Ника одарила кузину недобрым взглядом.

— Иногда баловать нужно, — отвечал молодой человек. — К тому же мне не трудно. Зачем она будет через весь город кататься.

Тетя осталась довольна его ответом. Пару минут они поговорили, а после родственники Карловой удалились, хотя Никита любезно предложил их подвезти. Однако женщина отвечала, что им нужно зайти в гости и заглянуть еще в пару мест, поэтому им удобнее будет дойти своим ходом.

— Садись, опаздываем, — тотчас стал жестким голос Ника, как только родственники Ники ушли. Девушка, все еще переживающая из-за внезапной встречи, опустила на

сиденье, и они снова поехали — но не по центру города, а по пустынным летним днем улочкам, петляя между домами, дворами и парками.

Они остановились около продуктового магазинчика, располагавшегося на первом этаже десятиэтажного изогнутого буквой «г» дома, и Никита, бросив, что его не будет около часа, вновь оставил Карлова одну. Девушка, вновь обозвав его последними словами, заперлась в машине и пересела на заднее сиденье, на котором решила почитать совсем забытую книгу о современном искусстве, которая ей так приглянулась. Однако читать настроения не было. Буквы путались, строчки перепрыгивали одна на другую, а в голову стали лезть разные непрошенные мысли. Почему-то Нике вдруг стало обидно. У нормальных девушек, как та самая Маша из книжного, есть нормальный друг — Дэн, тот самый совершенный парень, из-за которого она, кстати, познакомилась с Укропом. А у нее нет никого, только сумасшедший бандит, или кто он там, у которого явно проблемы с головой и который в наглую ее использует. Эх, все-таки надо было предупредить эту Машу, что Укроп — чокнутый, похоже, она не знает, каков он настоящий, но она, Ника, не сумела этого сделать.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, она забралась с ногами на сиденье, прижавшись плечами к темному окну, и вновь попыталась почитать, но вскоре, не в силах сосредоточиться, стала просто листать листы из мелованной бумаги с изображением величайших картин прошлого века, и забылась, погрузившись в царство красок и буйство теней. Как вернулся Ник, она даже и не заметила.

— Смотришь картинки в книжке? — ухмыльнулся он, и девушка только глаза закатила. — Ну-ну. Черт. — Вдруг выругался он. — Детка-конфетка. Сейчас ты делаешь все, что я говорю, без выкрутасов и воплей. Поняла?

— Что? — попыталась подняться ничего не понимающая девушка, но Кларский развернулся и заставил ее принять обратное положение.

— Пригнись и не высовывайся, — сказал он. — Тебя не должны заметить. Ясно?

— Ясно, — прошептала девушка. Ей вдруг показалось, что Кларский встретил каких-то жутких личностей, быть может, криминальных элементов, и пытается ее защитить. Она сползла на широкое кожаное сиденье и прижалась к нему спиной. А Никита вылез из автомобиля. Все окна, кроме лобового, затонированы, ее не должны заметить, все будет хорошо. «Все будет хорошо», — говорила она про себя. Не выдержав, она приподнялась и выглянула в заднее окно. Вопреки ее страхам, Кларский разговаривал не с дюжиной мордovorотов, а с двумя самыми обычными парнями ее возраста. Похоже, разговор их было вполне себе дружелюбный, и хотя девушка не слышала, о чем они говорят, она видела, как незнакомец в бриджах, футболке и кепке улыбается, машет рукой, явно что-то рассказывая, и даже дружески хлопает Укропа по плечу.

Через пару минут парень в кепке исчез в магазине, а Никита тут же открыл заднюю дверь и, вытянув ничего не понимающую Нику за руку, потащил за угол дома.

— Что случилось? — широко открыла она глаза.

— Жди меня в этом дворе. Он не должен нас видеть вместе. — Вручил Нике сумочку Кларский. — Жди, поняла? Нам нужно кое-куда заехать.

— Может, я домой? — неуверенно спросила она.

— Нет, жди. Я скоро.

И Никита ушел. Через минуту из-за угла вышла и Ника. Она с независимым видом прошла мимо его серебряного и ставшего ей привычным автомобиля, в который загружались встреченные Кларским парни. Вернее, в машину уселся один, а второй — в кепке, стоял

рядом с Кларским, и когда озлобленная Ника проходила мимо, она услышала, как молодой человек спросил:

— Ник, а что там с Машкой? Ты...

— Все в порядке. Я все решил. Я же сказал, что она меня не интересует. — Никита похлопал парня в кепке по плечу, а, заметив свою лже-подругу, просто отвернулся.

— Точно? — переспросил его приятель.

— Точно, — отрывисто отозвался Кларский.

— Смотри мне, чувак, а не то мне тебя ушатать придется! — в шутку пригрозил ему друг, заметно повеселев. В голосе его были мальчишеские интонации, и этот голос показался девушке смутно-смутно знакомым.

— Садись в тачку. У меня много дел.

И они уехали, оставив Нику одну в чужом дворе.

«Вот скотина, велел сидеть здесь, а сам свалил? Придурок!», — плюхнулась она на лавочку и немедленно вскочила — лавка была в песке, пришлось отряхиваться.

«И что, мне теперь тут сидеть и ждать его до скончания века? Укропчик решил, что я его верная супруга, что ли?»

Жена декабриста? Ха», — думала она, вдруг поняв причину, по которой Кларский так нахально и внезапно выставил ее из тачки. Небось это его дружки, которые знакомы с его обожаемой Олечкой, ангелом во плоти, которой, по ходу, до своего любимого по барабану. Как тогда она, Ника, прикалывалась над нею по телефону, а эта Оля даже и не зачесалась. Как она там сказала? «Можно я перестану ревновать, а то я тороплюсь» — так она сказала и бросила трубку.

А упырь с бандитскими замашками вокруг этой фифы бегают, круги нарезает, даже притворяется, что любовь сей его жизни — не Олечка, а Ника. Девушка давно разгадала замысел Кларского — тот не желал, чтобы его брат и прочие криминальные элементы из их шайки-лейки прознали про эту Ольгу. Ника не считала себя особо умной девушкой, но в отношениях между людьми разбиралась, да и в самих людях — тоже. Она была уверена, что Кларский не просто хочет обезопасить свою настоящую любимую от таких людей, как его брат или его помощники, как тот же жуткий Макс со шрамом через все лицо, но и боится признаться своей девушке в том, какой он настоящий. Он не милый, не утонченный и не правильный мальчик из достойной семьи, хорошим образованием и светлой головой. Он — неотесанный мужлан, бандит, занимающийся темными делишками.

Ника дернула плечом. Укроп идет на такие жертвы ради Олечки, а с ней обращается, как с собачкой. «Сиди, жди». И сколько она должна его ждать? Часами, днями?

Светловолосой девушке тут же представилась печальная картина. Темно. Холодно. Безлюдно. Над пустым двором висит, цепляясь за облака, месяц. Звезд не видно, и вообще никаких почти огней не видно — фонари не работают, а жители домов спят, ведь уже глубокая ночь. И тишина, которую изредка разрывает вой собаки да скрип старых качелей. И она, замерзшая, голодная, испуганная, сидит на самом краешке детской песочницы. И даже боится оглянуться — вдруг там, за спиной, что-то страшное? Там точно что-то скверное! И оно приближается, приближается... А она все ждет, ждет.

Наделенная богатым воображением девушка потрясла головой. Нет уж, не станет она, как последняя дура, торчать в этом дворе. Тут вроде бы неподалеку есть торговый комплекс и кинотеатр? Вот заскочет туда, фильм посмотрит, по магазинам прошвырнется, в кафе зайдет, попьет латте макиато.

А потом она, так и быть, заглянет во двор и, может, чуть-чуть подождет ее личное несчастье, откликающееся на имя Никита. Только вот куда именно ей шагать, чтобы выйти к комплексу?

— Девушка, извините, — обратилась она к молодой мамочке, сидевшей на соседней лавочке, читающей женский модный журнал и качающей коляску с малышом. — А вы не подскажите, как пройти к кинотеатру?

— Подскажу, — улыбнулась в ответ та и принялась объяснять дорогу. Они чуть-чуть поболтали и, оставшись довольные беседой, расстались. Ника, щурясь на солнце, пошла развлекаться.

Она побродила по магазинчикам, присмотрела себе платице, купила билет на ближайший сеанс — разрекламированную мелодраму с известными актерами в главных ролях, и, усевшись на свое место в пятом полупустом в дневное время суток ряду, уставилась на огромный экран, время от времени запуская руку в пакет с традиционным для этого заведения попкорном. После фильма она, зареванная, но довольная вышла с мыслью о большой чашке кофе и вздрогнула, когда ее вдруг грубо схватили за локоть.

— Вы что? — вскрикнула она и осеклась — это был Никита Кларский собственной персоной. Сказать, что он был недоволен — ничего не сказать. На его лице была написана ярость.

— Я сказал тебе ждать. Зачем ты ушла? — спросил он у нее в своей манере: тихо, но зло. — Решила меня позлить? Поздравляю. Получилось.

— Я думала, ты приедешь не скоро, — проямлила Ника. И... ушла.

Никита, который вернулся спустя полчаса (всю дорогу туда и обратно он гнал, удивив друга Димку, чтобы эта лисица его не ждала долго, а она сразу же умотала, куда подальше!), только окинул девушку внимательным взглядом. Совсем отупела или хорошо прикидывается? Хорошо, что она спросила дорогу у одной из местных жительниц, и та с радостью поделилась, куда направила стопы «блондиночка в малиновом платье». Кларский немедленно поехал в указанное место и обошел весь торговый центр, пока не заметил, что его фея выходит из кинотеатра.

— Ты нормальная? — одарил ее новым тяжелым взглядом парень. У него в голове не укладывалось, как можно быть такой глупой. — Я же сказал, что буду скоро.

— Ну-у-у...

— Что ну? Что ну? — повысил он голос, однако увидев, что на них смотрят, вновь заговорил тихо: — Если я сказал, что буду скоро, значит, я буду скоро. Усекаешь? Это элементарная логика. Ты ведь решила меня позлить, кошечка. Так?

— Н-нет, — почему-то стала теряться от такого напора Ника. Получается, это он ее ждал все те два часа, пока шел фильм, а не она его?

— Нет? — поднял злящийся Ник бровь. — А мне кажется, что да. Или ты, когда говоришь, что будет скоро, имеешь в виду что-то другое?

Ответ Карловой неприятного удивил его.

— Когда я говорю, что буду скоро, это значит, что я буду, когда соберусь, то есть успею, — ответила девушка. Бровь парня поднялась выше. Такого идиотизма он не ожидал. И почему-то вспомнил Ольгу. Она никогда не опаздывала. И всегда была пунктуальна. И адекватна.

— Вот, значит, как? — провел он по волосам, размышляя, стоит ли сердиться на тех, кого жизнь обидела, подарив вместо ума глупость.

— Я не хотела, — вздохнула Карлова, ощущая себя виноватой. — Я думала, что ты будешь очень долго, и я буду ждать до ночи, и что замерзну и мне будет страшно.

— Переноси свои большие фантазии на холсты, — посоветовал Кларский. — Идем. А за такие траблы будешь наказываться материально, — с удовольствием добавил он.

— А как ты меня нашел? — попыталась сменить тему Ника, чувствуя, как злится парень. И если ему нравилось изредка чувствовать ее страх, то ей показалось забавным ощущать исходившую от него ярость.

— Неважно. В темпе за мной. — И Никита, увидев вдруг в толпе одного из людей брата, который невесть как оказался в этом месте, с неохотой обнял девушку — изображать влюбленных они будут до тех пор, пока он не отведет опасность от Ольги.

А Нике оставалось только вздыхать и ругаться про себя, не веря, что ей нравится, когда этот тип касается ее.

* * *

Сегодня, тридцатого числа этого почти что благословенного июня, мы с Лидой и Маринкой, сдав последний экзамен, собрались у Лиды дома. Отмечать официальное закрытие сессии. Сегодняшний экзамен по истории архитектуры мы втроем довольно-таки благополучно сдали Ивану Давыдовичу, хотя жутко переживали. Он, кстати, поинтересовался у меня прямо на экзамене, после того как я вполне себе сносно рассказала оба вопроса из билета, как обстоят амурные дела с Денисом Смерчинским. Я закашлялась от неожиданности, чем вызвала улыбку умиления у препода. Пришлось сказать ему, что у нас все хорошо. Услышав мой ответ и узрев краску на лице, Иван Давыдович сложил ладошки на груди и полчаса распинаясь о том, что такое истинная любовь. В это время все, кто был в аудитории, умудрились списать. В том числе и Дмитрий — он меня потом долго благодарил за такую возможность в своей шуточной манере. Мол, спасибо тебе и Смерчу за вашу прекрасную любовь, она помогла ему сдать экзамен, «аве» любви и ее славным adeptам, Марии и Дениске!

После экзамена мы поставили в деканате печати в зачетках и всей группой пошли в кафе неподалеку от университета — отмечать закрытие сессии. Как оказалось, почти все наши умудрились без каких-либо особых проблем сдать все экзамены и зачеты и теперь радовались тому, что два месяца можно будет отдыхать. Димка был сегодня веселый-превеселый и умудрился надо мной пошутить столько раз, что под вечер я готова была вновь залепить ему в нос. Однако, конечно же, себя сдерживала, помня, как однажды мило его ударила.

— Ты меня достал, Чащин, — сказала я ему на прощание, когда мы вдвоем вышли из кафе. Остальные пока что находились внутри. — Достал!

— Отлично, маленькое inferнальное зло Бурундукова, тогда моя миссия выполнена. Слушай, — его голос стал серьезным. — Слушай, Маш, а Никита Кларский, он больше к тебе не клеится?

— Клеится? — приподняла я бровь. О Нике я вообще благополучно забыла, полностью переключившись на Дэна. И теперь влюбленность в Кларского казалась мне детским увлечением из прошлого, любовью в придуманный мною самой идеал. Не зря ведь внешне Ник походил на спасшего меня в детстве паренька. — Да он никогда и не клеился. Хотя... А,

короче, в последнее время он вообще куда-то пропал, я не вижу его. И не слышу.

— Ну, это хорошо... — тихо произнес парень, облегченно вздохнув. — У него проблемы.

— Какие? — встревожилась я. Пусть я Кларского и не люблю, но хочу, чтобы с ним все было хорошо.

— Семейные, кажется. Он сессию закрыл досрочно, вот и не появляется.

— Ой, он прямо, как Князева, — всплеснула я руками. — Она ведь тоже досрочно. И уехала. Два сапога пара. Нет, серьезно, они друг другу подходят. Слушай, — я захихикала, — может, они вместе уехали и теперь вдвоем шалят где-нибудь на берегу океана, а?

Димка как-то странно на меня взглянул. И виновато, и сердито, и устало.

— Маша, я хочу с тобой поговорить.

— О чем?

Дима приблизился ко мне, внимательно посмотрел в глаза, хотел что-то сказать, но в это время у него не вовремя зазвонил телефон, а пока он скупно отвечал на звонок, из кафе вышли все наши галдящие одноклассники. И никакого разговора не получилось. Он состоялся у нас чуть позже.

После кафе расставаться нам с Лидой и Маринкой не захотелось, мы забежали в супермаркет и направили свои стопы к Лиде — у нее как раз никого не должно было быть дома. Не спали мы с девчонками почти до пяти утра, слушали музыку, танцевали, смотрели забавные видео в Интернете, ржали и развлекали себя, как только могли. Марина отыскала у предков Лиды настоящий ром и решила, что неплохо бы нам приготовить какой-нибудь коктейль. Лида, правда, наотрез отказалась, а вот мы с Маринкой решили смешать ради интереса колу, ром и что-то еще. Вышло невкусно, зато возымело моментальный эффект — нас пробило на такой смех, что Лида испугалась за наше психическое здоровье.

— Дуры вы, — сказала нам она, отбирая бутылку с ромом. — Адекватность свою верните.

Мы возвращать ничего не желали и продолжали шутить и смеяться аки кобылы. Одновременно шарились в Интернете в поисках забавных видео, прикольных картинок и приколов с башорга. Лучше бы не шарились. Мои нервы целее бы были.

— Ой, смотрите, популярное видео «Как парень признавался в любви девушке и просил выйти за него, а весь клуб ему помогал», — с восторгом прочла Маринка. Название должно было меня сразу напугать, но я ступила и предложила радостно:

— Давайте посмотрим?

— Давайте, — согласилась Лида. — Ой, сколько у него просмотров, а видео популярное! Прикольное, значит.

И она включила его. Видео промоталось и началось...

— Когда я вижу тебя, мое сердце меня предает, — сказал молодой человек, глядя на девушку глазами воистину влюбленного. Из-за громкой музыки его было слышно плохо, но все же мы могли разобрать слова.

— Это что?! — заорала я, вскочив на ноги и глядя в широкий экран монитора. — Это как?! Смерчинский, сволочь! Придушу его! И всех его дружков!

В видео с не слишком хорошим разрешением были видны темноволосый парень и светловолосая девушка, удивительно похожая на меня. Эти двое находились в каком-то шумном клубе, около барной стойки. Где-то рядышком мелькала знакомая черная челка.

Головастики дружно упали в обморок, а потом пол под ними разверзся, и по какому-то туннелю они оказались где-то в районе сердца. Уцепились, дико вереща, за него, и уже

вместе с сердцем ухнули в пятки.

— Машка, это ты! Это ты с Дэном! — прокричала обескураженная Марина. — Боже, вот это да! Ах, просто ах.

— Просто ох, — вторила ей Лидия, не в силах скрыть улыбку, — а, судя по нашей доченьке — даже ух!

И это мягко сказано! Дэн на видео обнял меня и положил голову мне на плечо. Я, находящаяся в комнате подружки, схватилась за волосы. Что это?! Как это?

А Маринка с Лидкой, переглянувшись, захохотали. Видео выключить они мне не позволили, и мы смотрели его минут десять: они со ржачем, а я с обезумевшими от такого сюрприза глазами. Тот, кто выложил видео, обрезал некоторые моменты, например те, в которых присутствовали фразы о том, что Дэн — невменяем пьян, мои ехидства или выкрики Челки, чтобы Пашка снимал лучше, левее там и правее. И от этого все происходящее на экране казалось безумно романтичным. Красивый обворожительный парень признается своей девушке в любви и просит ее руку и сердце. А остальные его поддерживают. Ух, пьяные морды, как же знатно они тогда орали!

— У меня нет кольца, прости, Морская Королева, но здесь, здесь есть искренняя любовь. Прими ее и стань моей. Я сделаю для тебя все, что смогу и что не смогу — тоже. Я даже сердце переплавлю, если ты мне это прикажешь. Ты выйдешь за меня? — нежно спросил Дэн.

Я грохнула кулаком по стене.

Маринка от восторга чуть ли не завизжала.

— Боже, Машка, это супер просто! У тебя такая рожа удивленная! Милаха ты! А Смерч... Вот-то он отмочил корку!

У Лиды уже не было сил смеяться, а когда она услышала крики идиотов: *«Ма-ша, согласишься! Ма-ша, не ломайся!»*, она чуть не сползла вниз по стулу. Головастики бились головами о сердце, которое все еще торчало в пятках.

— Ну, коз-з-зел, — прошипела я, ощущая вместо этого самого сердца теперь пустоту позора. — Вот же гадство! Да как он посмел!

Смех был мне ответом.

— Мамочка в шоке, — честно призналась Маринка, прокручивая ленту комментариев, которых, надо сказать, было немало. — Ого... Девчонки! Вы только почитайте!

Лучше бы я не читала ничего. Неведение круче, чем стыдоба.

Но мы устали читать комментарии. Их было довольно много, и все они были примерно такими, то есть гнусными, неправдивыми и тупыми:

«Блин, как мило-то!!»

«Романтично... Т_Т».

«Kakoj mal'chik, Bozhe, kakojmal'chik!»

«Это мой друг Дэн делает предложение своей невесте! ДАВАЙ, ЧУВАК, ВПЕРЕД!»

«О-о-оо! Это же Дэни!! Реально! Он что, женится?».

«Ахха, он. Точно, женится! Говорят, она от него залетела!»

«Zaletela?! BudutminiSmerchiki?!»

«Нехило, ребята, а я и не знал! Когда свадебко будет? =)».

«Super!!»

«Этот чувак — он везде может засветиться! Дэнь, ну ты крут!»

«Музыкантам + 1000 Так подсобили парню!»

«Бугага!

Она не хотела меня. Вот отстой!

А я эту детку люблю! Аха-ха-ха-ха».

«Ой, это же наш город... Клуб «Алигьери»! Я этих двоих как-то в парке видела! Да, девочка беременная была, а мальчик у нее такой хороший. Заботился о ней...:) Я такого же хочу...»

«Кава-а-ай ^^».

«Прикольно, слушайте, а ребята в клубе молодцы, что помогали парню!»

«Смерч, ты, что ль? Ну ты отжег! Пьяный?»

* * *

— Да, он был пьяным! — завопила я, словно этот пользователь мог меня услышать. — Пьяным! Он был пьяным, потому что мы с Челкой его напоили! А пить ему нельзя! Он дебилом становится! Отменным! Да что за неполноценный выложил этот видос в сеть?! Найду — придушу гада. Нет, вы посмотрите-посмотрите, что они пишут, — в ярости зачитала я еще одно сообщение. — «Почему такой шикарный парень у такой простой девчонки? Чем она его заслужила? Это несправедливо!»

Далее следовала обширная дискуссия на тему того, что на самом деле является справедливым, а что — нет. К счастью, адекватных людей нашлось больше.

Меня этот комментарий выбесил настолько, что я вновь рванулась к компьютеру, дабы ответить обидчице, но Маринка ловко вырубил компьютер.

Девчонки с трудом меня успокоили — теперь уже Лида притащила коньяк и заставила меня немного выпить, чтобы я, по ее словам, утомилась. А от злости мне хотелось крушить все вокруг. Я была в таком состоянии, что мамочки даже смеяться перестали и только тревожно переглядывались.

— А почему они решили, что ты... м-м-м... залетела? — спросила меня хозяйка квартиры, пока я сдуру глотала этот дурацкий коньяк. От ее слов я подавилась и слегка обожгла горло. У Лиды, конечно, хватило ума мне его предложить. Я потом реально неадекватной стала.

— Ой, — захихикала Маринка, — а вы разве со Смерчиком уже... того?

— Ну, пора бы, — рассудительно сказала Лида. — Марин, Машка совсем какая-то скрытая стала. Помнишь, как наша доченька не желала признаваться, что стала со Смерчем встречаться?

— Ага, помню. Маш, а вы что, правда с ним...?

Она недоговорила, потому что я подавилась уже второй раз — на этот раз уже соком, которым запивала невкусный горький коньяк.

— Совсем, что ли? — затравленно посмотрела я на подружек. — Вы что... что, с ума сошли, как и эти недоумки?

Какое залетела, какая невеста, какая свадьба? Да вы что, опухли?!

Они опять захихикали. Им вообще было смешно до чесотки в попе, а мне — обидно. До этой же самой чесотки.

Я успокоилась. Через часа два. Сначала бесилась, что из-за кое-кого опозорилась на весь Рунет, ругалась, порывалась отыскать Челку и засунуть ему в горло его тупой мобильник с камерой, и затем вытащить его через ухо. Я злилась почему-то и на Дэна, словно бы его напоила тогда не я, а он сам себя напоил до такой некондиции. И на весь клуб я тоже была невероятно зла — стыд в принципе отлично двигает вперед отрицательные эмоции. А потом мне самой стало смешно. Блин, в этом вся я, в этом моя карма — ну кто еще может попасть в подобного рода переделку? Ну, естественно, Бурундукова. К тому же я поняла, что сердиться бесполезно, реальность от этого уже не изменится. А если изменить реальность я не могу, мне остается ее принять, не так ли?

— Так у вас точно ничего такого не было? — вернулись подружки к важнейшему вопросу.

— Нет!

— Ты еще скажи, что не будет до свадьбы, — посоветовала Маринка, хитро блестя темными глазами.

Я волком на нее взглянула.

— Кто бы говорил. Что-то я не помню, что мне гадалка говорила что-то про свадьбу. А вот про тебя и ребеночка я кое-что слышала.

Подружка мигом перестала хохотать и надулась.

— А ведь гадалка была права, — задумчиво сказала Лидия, — я ведь рассталась с Женей... И невеста у него — блондинка. Миленькая.

Ее кузина как-то побледнела, а потом заставила себя рассмеяться.

— Совпадение! Ты своего фиолетового же не встретила.

Тут побледнела, по-моему, Лидия.

— И не думаю, что встречу, — отозвалась она.

— А Черри ведь на букву «А» зовут — Александром, — сказала я задумчиво. — И про букву «Д» та тетка была права...

Я ведь тогда и предположить не могла, что полюблю Дениса, ведь я с ума сходила по другому парню. А как все вышло...

— А что там у вас с Черри? — любопытствовала Лида у сестры. — По-моему, ты с ним каждый день часов по пять переписываешься.

— Ой, мы еще и по телефону разговариваем, — сообщила нам тут же со счастливой влюбленной улыбкой девушка. — Он такой... такой... Короче, он не такой, каким кажется на первый взгляд.

— Все тут же стало понятно, — проворчала Лида.

— Это в смысле? Он еще хуже, развязнее и наглее, чем есть? — спросила я.

— Нет! Напротив! Он очень милый, очень. Он очень заботливый и может так нежно что-то написать, что мне кажется, что у меня после прочтения его сообщений подкашиваются ноги, — призналась Марина. Лида за ее спиной покрутила пальцем у виска. — И голос его по телефону немного не такой, каким был раньше. Эх, Сашенька — чудо, мое зелененькое чудо. А какие у него тату... Оу.

— А, по-моему, его друг, Ланде, намного лучше, — сказала Лидка, вспомнив нашу совместную прогулку. — Хороший парень. Один из немногих, кто способен быть преданным, — по ее губам мимолетом пробежала едва уловимая печаль, а в уголках глаз мелькнула тоска. Я коснулась ее ладони своей, мысленно говоря, что все хорошо. Кажется, Лида поняла меня.

— Ну, он тоже классный, не спорю, но Черри... Просто ангел. Теперь я окончательно в него влюбилась. Жаль, у него нет времени на встречу, — печально сказала Маринка, комкая в кулаках подол сарафана.

— Влюбилась? — едва ли не хором спросили мы.

Марина кивнула. Миг — и на ее хитрой мордашке расцвела мечтательная улыбочка.

— Сначала он мне просто нравился, а когда мы стали общаться по аське и по телефону, я в него, кажется, влюбилась. Знаете, это такое чувство необычное... когда понимаешь, что там, за другим монитором, сидит человек, который может все-все понять и который дает мне знать, что я ему нужна. Так приятно. Вроде бы всего лишь слова, но они делают меня счастливее.

Ее кузина вздохнула.

— Мне все равно Черри не нравится. Знаю я такой типаж парней. Ланде — куда лучше. Хотя и странноватый.

— А, кстати, Ланде — как его зовут, Микаэль, так? — он не показался вам, ну, немного женственным? — спросила я, с улыбкой вспомнив тощего и изящного парня с длинными белыми волосами. Эх, увидеть его бы еще раз в красном шарфе. Обояшка!

А в голове у меня приятно шумело. Коньяк в тандеме с ромом действовали забавно.

— Показался, — кивнули сестрички. А Маринка добавила со смехом:

— Я как-то спросила у Черри, той ли ориентации Ланде.

— И что он ответил? — заинтересовались мы тут же.

— Сейчас, покажу.

Маринка вытащила телефон, зашла в архив аськи и нашла ответ Саши на этот воистину животрепещущий вопрос.

MarinaJ: Кстати, о твоём друге:) Он нормальный:

Черри: Что значит нормальный?

MarinaJ: Он весь такой очаровательный и хрупкий... Может, он парней любит, а?

Черри: Марин, он — не гей! Микаэль вполне нормален и ему нравятся девушки, даже странно, что ты подумала такое про него!

Ой, надо же, Черри защищает Ланде, а я думала, что они терпеть друг друга не могут. Правда, все время почти вместе. Мне как-то даже казалось, что они типа пара.

MarinaJ: Но, как я поняла, девушки у него нет, и он все время рядом с тобой. Как будто бы вы — одно целое=) Не обижайся, я не хотела обидеть твоего друга!

Черри: Он мне не друг. (Явно обиделся парень.)

MarinaJ: А кто?

Черри: Враг...

MarinaJ: Как пафосно, Саш)))) А вы ведь живёте вместе? (Похоже, Маринке было очень любопытно.)

Черри: Да, приходится. Уже много лет он мешает мне существовать. И он не гей!

MarinaJ: Да-да, я поняла... Не злись, зайка, ладно?:)

Черри: На тебя невозможно злиться...» (Сделал изящный комплимент парень. Ну Черри дает! И зайкой разрешает себя называть!)

MarinaJ: А когда мы встретимся?

Черри: Скоро, девочка моя, скоро...

Дальше прочитать мы с Лидой не успели. Маринка отобрала мобильник, заявив, что потом там будет слишком личное. И мы продолжили веселиться.

— А знаете что? — медленно спросила я через полчаса, не злая, а чересчур веселая из-за рома, который вновь специально для меня смешали с газировкой. Чтобы я еще больше успокоилась. Ну, и сессия нуждалась в обмывке, да.

— Что еще, Бурундукова?

— Позвоню-ка я ему, так сказать, осчастливлю, — сказала я, вскочила с дивана, на котором валялась. Едва не споткнулась о лодыжку Маринки, но все-таки удержалась на ногах. Из сердца головастики перебрались к мозгу и теперь крутили и вертели его в разные стороны. У этих умников тоже было веселье — еще бы, сессия кончилась!

— Кому? — хором спросили меня подруги.

— Дэну.

— Зачем еще? — не поняли они. — Давай лучше музыку послушаем, потанцуем?

— Рассказать о видео, — заявила я, чувствуя в голове приятную легкость. — А то он, по ходу, не знает. Пусть узнает и рыдает. Отомщу ему за все мои страдания! И мы потом потанцуем! Да?

— А может, не надо? — нахмурилась Лида, которая в этот вечер не пила ничего из принципа.

— Надо, — упрямо покачала я головой, не зная, что совершу грандиозную ошибку. Я после этого случая даже у братика на свадьбе только два бокала шампанского выпила. Боялась еще что-нибудь такое вытворить.

— Ма-а-аш, может, не стоит? — схватила меня за руку Маринка — в другой ее руке был телефон, в котором она вновь переписывалась со своим ненаглядным Сашенькой-Черри.

— Надо, — решительно заявила я.

Я набрала Дэна, но он почему-то не отвечал. Тогда подумала своим слабым мозгом, который головастики теперь, видимо, дружно пинали, и решила, что могу позвонить ему на другой номер — пару раз он звонил с какого-то незнакомого, когда еще не купил зарядное устройство. Так как из-за коньяка и рома, которых я выпила не так уж и много, но которые умудрились как-то чудно перемешаться в моем голодном желудке, моей дурости не было придела. И хотя я и не ощущала себя пьяной, но по-любому, мыслила немного... необыкновенно. И я, тупица, набрала этот второй номер. А девчонки меня не останавливали — знали, что бесполезно.

— Да, — взял трубку этого мобильного сразу Денис. Правда, его голос был несколько другим, более глубоким и размеренным, но так как связь была не очень хорошей, я не передала этому значения. — Алло, да?

— Балда, — не стерпела я, предвкушая, как расстроится мой парень, узнав о видео и о том, что он без вины стал папочкой.

— Что, простите? — не понял Дэнни.

— Девушка, или мы на разных волнах, — задумчиво отозвался Денис, — или...

— Смерчинский? — уточнила я на всякий случай. Может, не он?

— Э-э-э, да, Смерчинский, — отозвался его голос. Я обрадовалась и под смех подруг выдала ему со злостью.

— Смерчинский, поздравляю, ты debil, — выдала я очень торжественно.

— Неужели? — несколько удивился он.

— О, да.

— Как пожелаете. Это все, что вы хотите сказать?

— Ты еще и олух, — обрадовала я любимого, ничего не подозревая. Мне хотелось назвать его еще и как-нибудь ласково, потому что я скучала даже тогда, когда была не трезвой, поэтому я противным голосом добавила: — Мой этот... котенок.

Я думала, он хотя бы мяукнет, а Смерч взял и повесил трубку. Я моментально разозлилась вновь. Я даже ему еще всего не высказала, а он! Я тут по нему скучаю, жду не дождусь нашей встречи, хочу это... поцеловать его или даже того... раздеть!

И я набрала его номер во второй раз.

— Да? — теперь в его голосе было раздражение.

— Смерчинский, гад, ты вообще охренел в конец? Трубку бросать вздумал?

— Девушка, или мы на разных волнах, — задумчиво отозвался Денис, — или...

Я перебила его:

— Или ты козел.

Лида покрутила пальцем у виска, типа, как ты со своим парнем разговариваешь-то?

— Даже так? Знаете, милая барышня, мне, конечно, приятно, что вы мною интересуетесь, но у меня нет времени на подобного рода глупости. — Кажется, его голос стал рассерженным. Связь все равно продолжала оставаться не самой лучшей, и временами Дэнва становилось почти не слышно.

— А ты знаешь, что вытворили твои дружки? — спросила я противным голосом истерички со стажем, вновь вспомнив видео в Интернете.

— И что же, боюсь спросить?

— Опозорили меня!

— В смысле? — не понял он. Мне в этот момент нужно было уже о чем-то догадаться, но я тупила.

— В прямом, Дениска, в прямом. Теперь все знают, что я от тебя беременна и у нас скоро свадьба. Об этом даже в Интернете в курсе. Это твои друзья всем рассказали! И видео выложили, — заявила я громко. Девчонки опять стали хихикать. Я тоже. Пусть страдает, как и я, от такого позора!

— Что-что-что? — закашлялся как-то не по-Дэновски голос. — Это что значит? Девушка! Вы кому звоните? Моему сыну, что ли?

— А?

Как выяснилось, я просто не знала, что голоса Дэна и его отца очень и очень похожи. Да еще эта плохая связь... И отсутствие моего мозга. Вот и вышло, что вышло.

— Вы Денису звоните? Девушка... вы же Мария? — вдруг догадался отец Смерча. — Маша, вы от него ребенка ждете? Маша, не молчите. Маша? Маша, вы действительно в положении? Это крайне серьезно! Лера! Иди сюда! Лера, этот паршивец раньше положенного сделал тебя бабушкой! — и тот, кого я приняла за Дэна, вдруг рассмеялся: — Маша, вы еще здесь?

«Ее нет, она в дурдоме», — сообщил ярко-зеленый головастик.

А я просто-напросто повесила трубку, отключила на фиг телефон, вытащив батарейку, а потом беззвучно опустилась на пол, скрестив ноги, и закрыла лицо руками. По-моему, почти мгновенно мое сознание стало ясным. Смерч пару раз звонил мне от отца, а я... что я

наделала?

— Что стряслось? — не поняли всей драмы подруги.

— Я конченная дура. Я звонила его отцу, — прошептала я едва слышно и очень жалобно.

По-моему, у кузин сегодня был передоз смеха и жить они будут лет сто двадцать, не меньше — ведь смех продлевает жизнь. А мне было невероятно стыдно. Так стыдно, что щеки и шея буквально горели, а вот на лбу появилась испарина. Мне хотелось спрятаться и никогда-никогда-никогда не показываться людям. Я так ужасно вела себя с отцом Смерчинского, да и он еще невесть что обо мне подумал. Позор!

Я набралась смелости и под удивленными взглядами девчонок вставила вновь батарейку в телефон, дрожащими пальцами набрала номер отца Смерча и, прежде чем он сказал «да», скороговоркой выпалила, что я ошиблась и мне очень жаль, я прошу прощения и больше не потревожу.

А после вновь вырубил телефон, обхватив руками колени и покачиваясь из стороны в сторону.

Правда, конечно, через полчаса Смерч, до которого дозвонилась Лида по его обычному телефону и которая все ему рассказала, разрулил этот вопрос, сказав отцу, вместе с которым они отдыхали на море, что это он попросил подружку приколнуться над ним, но мне стало еще хуже, чем было. На лбу каждого из головастика теперь сияла блестящая надпись: «Я — идиот».

И я еще обвиняла Дэна, что он ведет себя неадекватно, когда выпьет, а сама-то!

— Милая, зачем ты решила позвонить моему отцу? — спросил у меня Смерч после всего этого балагана, когда я стояла на балконе, вглядываясь в ночную даль.

— Я думала, что это ты, — отвечала я грустно.

— Голоса у нас с отцом, конечно, похожи, но не настолько, чтобы... Эй, Бурундук! Ты что там, пила что-то? — вдруг догадался он.

— Ну, было дело, — шмыгнув носом, созналась я. — Заккрытие сессии отмечалось и...

— Отлично! Она еще и пьет. Приеду, и мы с тобой поговорим, — пригрозил мне Дэн тут же. — Я серьезно. Поняла меня? Ты же, как-никак, — его голос стал подозрительно мягким и заботливым, — ждешь от меня ребенка, моя звездочка. Да? Тебе пить нельзя.

Я хотела на него поругаться, но не смогла. Просто сказала усталым голосом, что скучаю, а он пообещал вернуться как можно скорее. И добавил, что мне не стоит расстраиваться. Его отец любит шутки. А я ответила, что поняла это, когда услышала, что он стал звать Леру. Вот тогда он пошутил на славу. Лера теперь, наверное, думает, что я — последняя идиотка, да и сам Смерчинский-старший теперь обо мне не самого лестного мнения.

— Брось, — сказал, услышав это, Лаки Бой, — ты им очень нравишься. Отцу — заочно. А Лере — уже. И вообще, — голосом невероятно серьезного человека сказал он: — какое тебе дело до мнения других, если самым главным мнением должно быть мое?

На это я только фыркнула.

— Маша, все в порядке, — уже без дурачеств сказал он. — Ты живой человек, а люди на то и люди, чтобы иногда делать глупости и совершать ошибки. Главное — иметь смелость признаться в них. Как ты. Знаешь, что мне нравится в тебе?

— Что?

— Ты смелая.

— Я не смелая. Я испугалась, — вздохнула я. — Я часто боюсь.

— Так смелые — это не те, кто не боятся, это те, кто берут свой страх в кулак и идут

вперед, не смотря ни на что, — отозвался Денис и повторил уверенно: — Ты — смелая. Я уважаю смелость.

Я грустно улыбнулась.

— А Нику я так и не осмелилась признаться в чувствах, — вдруг сказала я. — Какая я тогда смелая? Не смогла сдержать свой страх, он победил. Я даже его взглядов боялась.

— Глупости, — живо возразил парень, и мне показалось, что он сейчас находится совсем рядом со мной, а не за сотни или даже тысячи километров. — Надо бояться не взглядов, а людей. Ты не призналась ему не из-за того, что струсил. Ты просто в душе знала, что он — не твой. А что, — в голосе Дэна послышались нотки веселья, — может быть, ты до сих пор хочешь ему признаться?

— Нет, конечно нет. — Я даже головой замотала. — Зачем мне он, я теперь тебе могу на нервы действовать, — добавила я.

— Глупая девочка.

— Умненький мальчик.

— Ты успокоилась, Бурундучок?

— Почти, Смерчик.

Дэн, как и всегда, сумел найти те самые слова, которые заставили меня забыть и про видео, и про звонок, и про все на свете. И даже заставил меня стать тихой и, как ни странно, ласковой. Да, блин, я все-таки назвала его «своим мальчиком». Так и сказала: «Дэнчик, ты — мой мальчик». Кажется, он искренне обрадовался, а я... Я в свою очередь обрадовалась этому. Кажется, когда любимый человек счастлив хоть пару секунд, ты счастлив вместе с ним — только в два раза дольше. Или больше. А когда ему плохо — тебе хуже раза в четыре. Это я осознала уже позже, почти в самом конце всего этого.

Заснула я утром у Лиды на кухне с мобильником в руке. И мне снились плечи этого негодяя, а еще... Впрочем, что мне снилось еще — мое личное дело.

«Оу, да, у Смерчика не только плечики классные», — тут же выдал меня зеленый в крапинку умник.

* * *

Девчонки от Лиды ушли только часа в четыре. Обе счастливые и выспавшиеся. Лохматая Машка почти забыла про вчерашнее и то и дело мило улыбалась непонятно чему. Ей все время звонили то мама, то брат, то отец, и, по идее, она должна была злиться от того, что ее то и дело зовут домой, но девушка оставалась подозрительно спокойной и улыбка у нее была шальная. Маринка переписывалась с утра пораньше со своим Сашенькой. Спала, как и Машка, она часа два от силы, и глаза у нее от напряжения были красными, как будто бы зареванными, только выражение их было счастливым.

Когда подруги уходили, осторожно огибая лужи — сегодня было дождливо и прохладно, Лида смотрела на них с балкона и думала, что все-таки хорошо, что у Машки есть ее крутой Смерч, он ведь так сильно за короткое время повлиял на нее, и что у Маринки не все так плохо с Черри, хоть он и не вызывает доверия. Лида действительно была рада за подругу и сестру. Искренне. Вот только боль из-за расставания с Женей все никак ее не покидала. Вилка оставалась в сердце. После того случая в «Алигьери» он не звонил ей больше, и не писал, и вообще никак не беспокоил. От общего знакомого Лида совершенно случайно

узнала, что у Евгения через два месяца состоится свадьба, и, говорят, она будет шикарной. А после молодожены отправятся в свадебное путешествие на Мальдивы, где уже заказали свадебный фотосет у классного фотографа. Заветную мечту Лиды исполнит кто-то другой. Вернее, другая.

Так и бывает в жизни — желаешь чего-то, грезишь о чем-то, жаждешь, а потом внезапно кто-то перехватывает твою мечту — как мотоциклист срывает сумку у зазевавшегося прохожего, и твоя мечта уже в руках у другого человека, а ты только наблюдаешь за ним, понимая, что все пропало.

Однако, возможно, это и не мечта вовсе — если ее исполнит кто-то другой, а не ты? Возможно, твоя настоящая мечта — это нечто иное? Может быть, это не пышная свадьба с белоснежным греческим платьем из стильного бутика с красивыми нарядами, с изящным кольцом из белого золота, букетом роз, лимузином, бутылками шампанского и украшенными лентами и стразами бокалами? Может быть, это не дорогой ресторан, вмещающий две сотни гостей, и не подарки, не завистливые взгляды знакомых и не красочные свадебные снимки, сделанные обязательно присутствующим фотографом, найденным по знакомству? Может быть, это не нежный естественный макияж с накладными ресницами, за который выложили кругленькую сумму, и не китайские фонарики, запущенные в небо? И, может быть, это даже не свадебное путешествие и новоселье в подаренную родителями квартиру?

Раньше Лида именно это считала счастьем — она стремилась к нему, слепо доверяя своему любимому человеку, но сейчас все как-то резко переменялось. Неужели если выйдешь замуж — то сразу станешь счастливой? А если бы она и в самом деле связала себя узами брака с Женей и, может быть, даже родила бы ребенка, как планировала, а он бы по приказу родителей оставил бы их одних? Это было бы гораздо хуже, чем то положение, в котором Лида оказалась сейчас.

Из-за расставания девушка теперь вообще очень много размышляла, думала и пришла к выводу, что лучше вычеркнуть человека из своей жизни тогда, когда он еще не успел нанести максимального урона. Видимо, Евгений — просто не ее мужчина. Лида не верила в судьбу и случайности, она больше придерживалась той позиции, что человек сам строит свое будущее, и мысленно говорила сама себе, что найдет того, кто будет достойным спутником жизни.

А еще ей часто вспоминался тот молодой человек из клуба: симпатичный, черноволосый, синеглазый, в модных очках, дорого и со вкусом одетый, элегантный, спокойный внешне и не слишком высокий — ниже ее ростом! Правда, не смотря на это, он оказался очень милым, уверенным и решительным, да и объятия у него были крепкими. Внешнее спокойствие было всего лишь напускным. Жаль, конечно, что этот милый с виду Петр оказался самым что ни на есть настоящим бандитом. И Никита Кларский, по ходу, тоже! Лида тогда так перепугалась — особенно того, что Ник увидит ее и узнает, что сбежала из клуба почти со скоростью света. О случившемся никому не рассказывала: ни Маринке, ни Машке. Лучше им такого не знать. И как же хорошо, что этот Никита в последнее время вроде как перестал клеиться к Бурундуковой. Машке в парнях нечистый на руку парень совершенно не нужен. Ольге Князевой девушка тоже ничего не говорила. Жаль, конечно, что Кларский ей с той Никой изменяет, и причем они встречаются несколько месяцев, но Оля пусть сама разбирается. К тому же ей самой что-то нужно от Машки, раз она ее даже копировать начала. А недругов своих друзей Лида считала своими недругами.

Девушка вздохнула и завязала длинные прямые волосы в высокий хвост.

Что вообще происходит? Раньше все жили спокойно, а сейчас словно сошли с ума. Все разом решили поиграть во взрослых?

Чтобы отвлечься от плохих мыслей, она включила телевизор. Там не было ничего интересного. По одним каналам показывали скучные фильмы, по другим — неинтересные программы, по третьим — новости. Последние, как и всегда, ничем особенным порадовать не могли и говорили об одном и том же. Или сообщали о прибытии в страну с официальным визитом королевской особы, или говорили о напряженной ситуации в одной из стран, или передавали вновь и вновь сообщение о потерпевшем крушении самолете. Об этом с числа двадцать шестого говорили новости и федеральные, и региональные, городские, потому что самолет принадлежал местной авиакомпании и должен был лететь на юг, к морю. Разбился же всего лишь в ста километрах от места назначения. Лиде погибших было безумно жалко — счастливые люди летели на море, и тут такое... Чтобы не получать лишнюю долю негатива, она выключила телевизор и рухнула на диван. Ей сразу же вспомнился кожаный диван в кабинете Петре, и сам он в опасной близости от нее, глядящий немигающим взглядом прямо в глаза. Когда он наклонился к девушке, она вдруг подумала, что у него очень мило расстегнут ворот рубашки и это придает ему какой-то шарм. Ей захотелось тогда коснуться кончиками пальцев его шеи, но она сдержала себя. Следующим ее порывом стало желание прижаться к парню, спрятать голову у него на груди и почувствовать, что его руки обнимают ее вновь, но она просто сказала Петру, что он красивый и добрый. Сказала искренне. А он, кажется, изумился.

Жаль, что он, кажется, совсем и не добрый. И хорошо, что она никогда не встретится с ним. Город большой, а в клуб «Алигьери» Лида больше никогда не пойдет. К тому же — от этой мысли девушка вдруг захихикала — он ниже ее ростом, и это очень забавно. А еще он так мило злился, когда Евгений что-то там говорил по этому поводу.

«Эх, Евгений, Евгений, чтоб тебе хорошо жилось со своей богатой невестой».

Она перевернулась на живот и обняла большую диванную подушку. Когда-то так она обнимала Женю, а он...

— Все! Стоп. Хватит о нем думать, не будь слабохарактерной, — приказала сама себе Лида вслух. — Этот подонок не заслуживает мыслей о тебе.

И черноволосая девушка самым решительным образом попыталась вытолкнуть образ проклятого бывшего из головы. И незаметно уснула под стук по-осеннему меланхоличного дождя, осторожно стучавшегося в окна. А проснулась неожиданно, от настойчивого звонка в дверь.

«Девчонки что-то забыли?» — подумала она, нехотя поднимаясь с дивана. Взгляд тут же упал на Машкину зеленую кофту с длинными рукавами.

«Точно, Бурундукова за ней вернулась», — подумала сонная Лида и, зевая, как крокодил, открыла дверь, даже не спрашивая, кто там. А сделано это было зря. За дверью стоял тот, кого Лида не желала больше встречать. Не кто иной, как сам Петр Смерчинский собственной персоной.

— Добрый день, — сказал он ей, светски улыбнувшись. — Ты одна?

Лидия растерянно поглядела на свой то ли кошмар, то ли прозрачную еще мечту и поняла, что ей сейчас станет плохо.

«Как он узнал? Зачем он меня нашел? Что ему надо?!» — лихорадочным потоком стали проноситься в голове мысли одна неприятнее другой.

— Удивлена? — спросил черноволосый молодой человек в очках. — Пригласишь меня к

себе?

— А, да, конечно, проходи, — медленно, едва ли не по слогам произнесла хозяйка квартиры, ошеломленная визитом Петра. Однако она старалась не показывать того, что чувствовала на самом деле. Даже задрожавшие, как ей показалось, пальцы рук спрятала в карманах фиолетового домашнего халатика. Молодой человек же, ничуть не смущаясь, прошел в зал, сел на кресло, по привычке закинув ногу на ногу, и уставился на девушку. Очень изучающее.

— А что, собственно, случилось? — села на соседнее кресло она. Петр изучающее оглядел ее и вкрадчиво улыбнулся:

— Ты ведь помнишь меня?

— Да, помню. — Лида знала, что нет смысла врать.

— Отлично. Просто замечательно. Я звонил тебе, но ты не отвечала. Поэтому решил нанести визит. Лида, ответь мне на один вопрос. Зачем же ты убежала? — мягко, но очень укоризненно спросил молодой человек.

— Мама позвонила, сказала, чтобы я приехала домой, — не моргнув глазом, соврала девушка. Признаться в том, что подслушала страшный разговор Петра и Кларского, она не спешила. Если он узнает об этом, ей, кажется, будет несдобровать.

— Значит, ты послушная дочка? — с улыбкой спросил черноволосый гость.

— Ну не то чтобы послушная... просто не люблю расстраивать маму. А зачем ты приехал? — с тревогой просила она.

— За тобой. Ты меня заинтересовала, — признался гость, решив не ходить вокруг да около. — Девушка по имени Лидия, к моему удивлению, настолько прочно засела в моей голове, что я захотел встретиться с ней еще раз.

— А-а-а... — Больше не смогла ничего сказать Лида, глядя себе на ноги. Она вдруг поняла, что выглядит она, мягко говоря, не айс. Короткий самый простой халатик с запахом, растрепанные волосы, собранные в простой хвост, облезлый маникюр на ногтях, полное отсутствие косметики на лице, бледная кожа. Как она смотрится в его глазах? Наверняка не слишком хорошо. Но и пусть. Значит, уедет быстрее.

— Твой прекрасный гигант тебя больше не беспокоит?

— Кто-кто, прости? — не поняла Лида.

— Твой высокий парень. — Парень всегда шутил с самым серьезным видом.

«А-а-а, Женя же его тогда оскорбил... А ведь этот Петр тогда мне все-таки помог... А он даже ничего, — решила она вдруг, — жаль, что ниже меня и занимается какой-то уголовщиной».

— А, нет. Да у него свадьба скоро, зачем ему я, — пожала плечами девушка, демонстрируя полнейшее равнодушие. — Нет, серьезно, зачем ты меня нашел?

— Я же сказал, ты меня заинтересовала. К тому же ты прилюдно назвала меня своим парнем. Помнишь? — Он склонил голову набок. Казалось, ему нравится наблюдать за ней.

Девушка мысленно простанала:

— Я была пьяна! Прости. Не хотела тебя смущать. Мне очень неловко.

— Поверь, меня очень трудно смутить, — самодовольно отозвался Смерчинский. — Я, так понимаю, ты закрыла сессию?

— Ну да. — Лида не поняла, откуда он это знает. Хотя... догадаться не трудно, конец июня. — А что?

— Собирайся, — велел Петр.

— Куда? — занервничала Лида еще больше прежнего.

— К примеру, в ресторан, — отозвался парень.

— Да-а-а? — протянула она. — В какой еще ресторан?

— Ну, скажем, в «Афины», — назвал один из самых дорогих заведений города парень.

Мелочиться он не любил.

— В «Афины»? Да-да, конечно, поехали. Думаю, у меня как раз хватит денег там на стакан воды и кусок хлеба, — с умным видом покивала головой Лидия, лихорадочно размышляя, что ей делать.

— Вообще-то плачу я. — Парень поднялся со своего кресла, подошел к хозяйке квартиры и неспешно, но уверенно протянул ей руку. — Вставай, я правда хочу пригласить тебя в ресторан.

— С какой стати? — не спешила дотрагиваться до него Лидия. Зато тут же отметила, что у него приятные руки, красивые и ухоженные ногти, а перстень на указательном пальце не вызывающ, хотя и явно дорог.

Петр поморщился. Как всегда — у него не получалось быть романтичным. А вот Дениска умел пудрить девчонкам мозги.

— Это свидание, моя милая. Хочешь пойти со мной на свидание? — додумался он пригласить хозяйку квартиры. Обычно и он, и девушки вели себя по-другому. Петр привык к несколько другой схеме общения.

«Ага, он все-таки не знает, что я все тогда слышала!», — обрадовалась черноволосая девушка. Стало как-то поспокойнее. Но идти с ним куда-то?

— Извини. Нет.

— Нет? — переспросил молодой человек в очках.

— Нет.

— Почему же? — изрядно удивился Смерчинский. Ему редко отказывали. Кажется, даже никогда не отказывали.

— Я не хочу тебя расстраивать, — заявила девушка, подумав, что нашла прекрасный повод, чтобы отшить этого шутника.

— Ну, глаголь.

— Ты ниже меня ростом, — отозвалась Лида.

— И-и-и? — протянул он, подняв правую бровь.

— Мы будем смотреться, как идиоты.

«Вообще-то я тебя побаиваюсь, ты — плохой мальчик, не нужно с тобой общаться», — подумала она про себя несколько затравленно. Петр нахмурился, сам взял ее за руку и, потянув к себе, заставил подняться. Все-таки он был достаточно сильным и точно знал, что удержать эту высокую брюнетку сможет, если ему в голову вдруг придут мысли о том, чтобы немного с ней развлечься. Насильно поцеловать, к примеру. Правда, ему вспомнилось, что в тот раз, в клубе, он поцеловать ее так и не смог. По крайней мере, без ее согласия на это.

Теперь они оказались друг напротив друга. Лида сглотнула и почему-то подумала, что и сегодня этот парень элегантно одет: светло-фисташковая рубашка, в гамму ей очки в темно-травяной пластиковой оправе, черные прямые брюки и черный удлиненный пиджак, дорогие часы на руках... И пахнет от него чем-то свежим, мягким, приятным, не похожим на эти простые и резкие многочисленные мужские одеколоны.

— Так волнует мнение людей? — задумчиво проговорил молодой человек. — Поверь, в «Афинах» самое правильное мнение у того, кто имеет больше долларов или евро в кармане

или на банковской карте.

— Но...

— Собирайся. Я хочу, чтобы у нас было свидание, и у нас будет свидание. Пока что я прошу тебя очень по-хорошему, идем. — Голос Петра стал ледяным, но тут же он мило улыбнулся и погладил Лиду по щеке. Тот факт, что она смотрела на него сверху вниз, его не смущал. Она была ему интересна, едва ли не мистически притягивала и заставляла думать о себе. А этого эффекта добивались очень и очень немногие представительницы прекрасного пола. Безуспешно.

— Без рук, пожалуйста, — вспыхнула Лида.

— Ты правда мне понравилась, — очень мягко произнес ее незванный гость. — И это даже странно. Одевайся, ну же? У меня была трудная неделя, тысяча проблем, и я хочу приятно провести время с той, которая почему-то запала мне в душу, милая.

— Ну, если ты настаиваешь, — согласилась вдруг девушка, чувствуя, что от его слов по сердцу разливается что-то теплое и, кажется, мурлыкающе. — Подожди, я быстро. Хочешь что-нибудь?

— Нет, спасибо. Просто собирайся, и поедem. В моей машине ты была, на моем диване, — он обвел синими глазами ее фигуру, — тоже. Называла меня своим парнем. Так что тебе нечего бояться.

«Ну да, точно», — подумала она, решив выпроводить этого наглеца. Но как только она открыла рот, интуиция тут же послала ей сигнал: «Не отказывайся».

Лида неожиданно улыбнулась ему — сама не зная зачем. А он опять поймал волну ее искренности и заинтересованности, хотя почему-то уловил в ее глазах и испуг.

«А все-таки Дэн прав, — подумал молодой человек, когда Лидия покинула комнату, — меня действительно к ней тянет. А это очень сложно признать. Девочка, думаешь, то, что ты выше, меня испугает? Отнюдь-отнюдь. Я люблю покорять вершины. Нет, все-таки тебя надо было найти раньше».

Лида скрылась в своей комнате, на всякий случай заперевшись на хлипкий замок, который, при желании, можно было открыть простым ножом, и прислонилась к стене спиной. Сердцебиение у нее участилось. Этот опасный тип умудрился найти ее, заявил своим уверенным голосом, что она ему нравится и приглашает на свидание. Его даже не смущает тот факт, что, во-первых, она выставила себя самой настоящей дурой в клубе и привязалась к нему в пьяном виде, а Женя опять же из-за нее ударил Петра по лицу. А во-вторых, ему что, действительно безразлично, что она выше его? И выше не на три или пять сантиметров, а как-то побольше.

Девушка потерла лицо руками. Зачем она согласилась? С одной стороны, она все еще пребывала в славном изумлении, с другой — побаивалась отказать дружку Никиты Кларского. Кажется, он настроен серьезно. Не шутит. Если Лида сейчас скажет, что никуда не поедет, то он найдет способ заставить ее выполнить его желания.

А еще — еще ей все же, как и любой девушке, было очень приятно. Она так понравилась парню, что он даже ее адрес нашел.

«Ладно, одно свидание — это не страшно. Он поймет, что мы смотримся глупо, и оставит меня в покое. Да и в «Афинах» я никогда не была. Окей, все будет хорошо. Я со всем справлюсь».

Она в рекордные сроки собралась: расчесалась, уложила волосы, подкрасила глаза и губы, стерла на ногтях лак и покрыла их прозрачным быстросохнущим, отыскала к своему

изумлению коктейльное легкое платье почти такого же светлого фиашкового оттенка, как рубашка Петра.

«Под цвет», — подумала она, все еще слегка дрожащими пальцами ища в шкатулке кольцо с малахитом — надевать простую бижутерию в такое место она не решилась. Лида нашла кольцо, которое тотчас оказалось на указательном пальце, и тут ей вновь вспомнились слова гадалки:

«Фиолетовый. По этому цвету его узнаешь, девочка моя. Ох, ну и упрямая же ты, сильная, с виду холодная. Да и он не сахар. Такой же. Сойдетесь».

У Петра фиолетовая машина, да и когда они встретились, он был в фиолетовом пиджаке! Это точно, потому что она подумала, что ее ногти прямо ему под цвет!

«Ах, да, не увлекайся, Лидия, тем, что тебе настойчиво предлагать будут. Зависимая ты сильно... Тебя жизнь немного поучит и все успокоится. Фиолетовый тебе поможет, если ты его не оттолкнешь».

Девушка вдруг даже села на кровать от изумления.

Этого не может быть! Он ведь тогда не дал ей выпить эту наркотическую дрянь! Едва ли не вырвал из рук. Да и характер Петра явно не из слабых, и с виду он холодный... только дыхание у него горячее. Там, в его кабинете, когда у нее все плыло перед глазами, Лида явственно ощутила, какое горячее дыхание было у этого слегка надменного, но показавшегося ей тогда милым и добрым, молодого человека. Горячее, почти что обжигающее, хоть и мимолетное.

Лида отогнала воспоминания — она в принципе их не любила, потому что они имели нехорошую тенденцию понижать ей настроение. И еще раз подивилась словам гадалки, отогнала от себя мысль, что она права (не может быть! Никакой магии не существует, по крайней мере, на набережной их города) и что Петр — ее якобы как бы судьба. Которой не существует.

Лидия вышла из комнаты, улыбнулась молодому человеку, в ожидании рассматривающему развешанные по стенам фото с ней и ее семьей, и незаметно сжала руки в кулачки — на счастье. Этот опасный Петр все-таки умел притягивать к себе.

— Отлично выглядишь, — кивнул он ей, явно ценив то, что она надела платье именно такого цвета. — Очень хорошо. Теперь пошли. Сегодня вечером ты будешь моей леди.

— А ты моим джентльменом? — уточнила девушка без особенной симпатии в голосе.

— Конечно, — улыбнулся молодой человек. — Я буду очень галантным и крайне вежливым. Не забудь накинуть что-нибудь сверху, на улице прохладно.

Ей пришлось взять с собой летний легкий плащ. А вот обувь она предусмотрительно выбрала почти без каблуков. Благо, что пара таких туфель вообще у нее была.

Он по-хозяйски открыл ей дверь, пропуская вперед. Дверь в автомобиль он тоже открыл, улыбнувшись, глядя, как высокая девушка садится в его машину. Открывал и тогда, когда они прибыли к ресторану «Афины», куда могли попасть далеко не все даже обеспеченные жители города. С тех пор он всегда и везде пропускал ее вперед. Ну, конечно, за исключением тех случаев, когда ему самому нужно было идти первым, чтобы ее защитить. Или в тех случаях, когда, следуя ресторанному этикету, шел впереди, держа ее за руку, чтобы указать путь и выбрать столик.

В машине они почти не разговаривали.

Через минут сорок они сидели в ресторане, около самого окна, большого и круглого, которое выходило на набережную. Поскольку Петр и Лида находились на последнем этаже

самого высокого небоскреба, гордо возвышающегося в центре города, то вид им открывался превосходный. Самые разные дома, складывающиеся в проспекты, улицы и переулки; парки, площади, асфальтовые вены дорог, по которым скользили машинки, похожие на игрушечные; бархатно-синяя река, плывущие по ней лодки и даже несколько пароходов; темно-зеленые от обилия хвойных деревьев горы вдалеке, по которым скользили последние, но все еще очень яркие солнечные лучи. Дождь кончился, на время уступив место заходящему солнцу.

Предупредительный официант только что ушел от них с заказом. Сначала парень и девушка долго изучали меню: он критично, она с удивлением из-за цен. Однако Лиде пришлось отказаться от слов «я буду все, что будешь ты», и выбирать блюда самой, потому что эти слова сказал Петр, внимательно глядя на свою спутницу. И добавил, что он голоден. Правда потом, когда девушка озвучила официанту свой выбор, молодой человек сказал, что пошутил и сделал свой заказ. Лиде оставалось только сердито на него посмотреть: этот умник занятно смог заставить забыть о ценах. Правда, сердилась она лишь внешне. Внутри стало приятно-приятно от его заботы. Необычный он все же...

После официанта к паре подошел улыбчивый сомелье: импозантный мужчина лет пятидесяти в сюртуке, который подробно рассказал о винах «Афин». Петр, изучив винную карту и выслушав мужчину, выбрал дорогой и, кажется, какой-то коллекционный французский напиток. Официант тут же притащил это вино в специальной корзинке. И неспешный сомелье, как в фильме, продемонстрировав красивую бутылку из темного стекла с этикеткой на французском, почти торжественно сказал название вина и год урожая. После он открыл бутылку, налил совсем немного красно-пурпурного напитка в свой бокал, взяв его за ножку — как потом пояснил Петр Лиде, чтобы вино не нагревалось от тепла его ладоней, затем поднял на уровень глаз, держа бокал против света, покрутил его по кругу и, вдохнув тонкий винный аромат, наконец, попробовал на вкус. Сказал, что все отлично. И тогда Петр тоже продегустировал вино и медленно кивнул, сказав, что «букет хорош и послевкусие отличное». Услышав это и улыбнувшись, словно он сам выращивал виноград для этого напитка, господин сомелье осторожно разлил вино по бокалам: сначала Лиде, затем Петру. И, пожелав приятного вечера, степенно удалился.

— Выпьем за тебя, — предложил Смерчинский, поднимая бокал.

— Как скажешь.

Девушка отпила пару очень маленьких глоточков. Вино ее приятно поразило — оно не было похожим на то, что она пробовала раньше. Густой, яркий фруктовый вкус действительно оставлял элегантное послевкусие, с миндальными нотками.

Она старалась не смотреть на Петра, и все внимание ее карих глаз было направлено на собственные ногти и кольцо с малахитом или на красивый вид из окна, а вот он не мог оторвать от Лиды пристального взгляда. Даже очки снял и держал их за дужки, поставив локти на стол.

— Тебе здесь нравится? — спросил Петр.

— Да.

Лида лгала, ей было несколько неудобно. От его взгляда. И от того, что в таких дорогих местах она еще не разу не бывала. Не пробовала такого дорогого красного полусладкого вина, не слышала, как играют неспешно и мелодично профессиональные и невозмутимые музыканты на сцене, не видела такого безгранично уважительного отношения официантов и прочего персонала в униформе.

Она даже почувствовала себя какой-то дворняжкой среди породистых собак на графской

псарне, правда, старалась оставаться невозмутимой и даже пыталась шутить. Но только Петр, однако, уловил это в ее поведении и тут же попытался исправить ситуацию. Отвлек Лиду от плохих мыслей забавной историей.

— Леди, леди, улыбнись. Ты же со мной, — сказал он ей укоризненно, чувствуя, что ей все равно неуютно. Почти без перехода спросил: — Любишь танцевать?

— А что?

— Хочу пригласить тебя на танец.

— Но здесь же никто не танцует, — рассмеялась она.

— Я люблю быть первым, — задумчиво отпил вино Смерчинский. — Ну как тебе мое предложение?

— Нет, прости, я не очень хорошо танцую, — отказалась поспешно брюнетка. — А ты всегда такой вежливый? — спросила она. Он закатил глаза.

— Нет, конечно нет. Только с девушками. С нормальными девушками. На другое поведение с вами мужчины не имеют право. А на самом деле я не такой хороший, каким могу тебе показаться, — сказал с легкой улыбкой Петр. Он не догадывался, что Лида точно знает: он действительно плохой мальчик.

— Я подозреваю это, — пробормотала девушка.

— Да? — поднял он и так изогнутые брови. — Я что, кажусь таким плохим?

— Нет, — слегка напряглась Лидия, подумав, что сболтнула лишнего, — просто я точно знаю, что людей без недостатков не бывает.

— Идеальных людей нет, — скучным голосом подтвердил он.

— Согласна. — Девушка сцепила пальцы под подбородком и положила на них подбородок. К сожалению, Петр все больше и больше ее очаровывал. Каким-то внутренним особым темным обаянием.

Кстати, буквально через полчаса он показал ей, что бывает хорошим и вправду не со всеми девушками. Он почти уговорил ее станцевать с ним, как им помешали.

— Привет, дорогой, — подошла к их столику особа лет двадцати пяти, очень красивая, светловолосая, действительно дорого одетая, со сверкающим под электрическим светом колье и под стать ему красивых серьгах. Девушка наклонилась к молодому человеку и коснулась губами его щеки, оставив на ней, как всегда, идеально выбритой, коралловый отпечаток губ. Разговор прервался на полуслове. Лида была смерена недовольным и даже высокомерным взглядом. И сама с хорошо скрываемой яростью посмотрела на незнакомку.

— Здравствуй, — кивнул незнакомке Петр, — а теперь оттирай свою помаду и проваливай.

— Что? — не поняла та.

— Я сколько раз тебе говорил, чтобы ты не подходила ко мне, когда я занят? — спросил без улыбки и намека на вежливость он. — Считаешь, сколько?

— Я просто соскучилась, — помертвевшим голосом сказала девушка.

— Оттирай, — вновь сказал ей молодой человек. — Ну же. Мы ждем.

— Но...

— Я занят.

И к изумлению Лиды, девушка взяла в руки салфетку и старательно оттерла свою губную помаду с его щеки. Глаза ее при этом были огромные. Сама Лида тоже почувствовала себя неуютно — как будто стала свидетелем чего-то очень личного.

— А теперь можешь идти, — благосклонно кивнул обладательницы колье парень. — А,

да, сначала извинись перед девушкой.

— За что? — длиннющие ресницы девушки почти касались ее бровей — глаза ее открылись еще шире.

— За то, что нарушила ее покой, — бесстрастно произнес Смерчинский.

— Извини, — как-то покорно бросила незваная гостья изумленной Лиде, одарила ее полным ненависти взглядом и умчалась, хоть и была на шпильках.

— Что это было? — проводила ее ошарашенным взглядом брюнетка.

— Ничего, недоразумение, — дружелюбно улыбнулся ей парень.

— Но как же ты...

— Ты ведь не знаешь эту девицу?

— Нет.

— Тогда зачем разговаривать о незнакомых людях, когда можно поговорить друг о друге? Леди, может быть, выпьем еще за что-нибудь? Почему ты почти не притронулась к своему бокалу? Не нравится? Не может быть, это отличное вино. А-а-а, — протянул он понятно, — после того случая в моем клубе ты стараешься ничего не пить? Не бойся, это хорошее вино. Можно даже сказать, отличное. За что ты хочешь выпить, Лида?

— За меня мы пили. Может быть, за тебя?

— Как скажешь, — милостиво согласился он. — Расскажи о себе? — вдруг попросил парень. — Я хочу узнать тебя поближе.

— Петя, ты... В смысле...

— В смысле? — он даже подался вперед. И в его глазах зажегся зеленоватый огонек интереса — под стать оправе очков.

— Эм... Я назвала тебя Петей... Но... почему тебя всегда и все так официально зовут — Петр? — спросила Лида внезапно.

— Не знаю, — пожал он плечами и добавил, — может быть, мне не подходит быть просто Петей. Меня так даже в детстве почти никто не звал.

— Иногда мне хочется назвать тебя Петей, но я боюсь, что ты станешь Халком, — засмеялась она.

— Вполне возможно, — потер подбородок парень. — Ну, если тебе вдруг захочется назвать меня Петей — дерзай. Что ты имела в виду, когда говорила «в смысле»?

— Я хотела спросить, зачем тебе что-то обо мне знать? Ты внезапно появился после того, как спас меня в клубе, позвал на свидание в это место, а теперь ждешь, что я буду рассказывать тебе что-то. Это не слишком самонадеянно?

— Какая разница? Я просто хочу знать о тебе то, чего не знаю. А не знаю я очень многого.

Они незаметно друг для друга действительно разговорились. Сначала она говорила о себе нехотя, общими фразами, но внимание Петра и его наводящие вопросы заставляли Лиду, словно невзначай, раскрываться. Интересы, характер, жизненные ценности, желания — его интересовало именно это, а не просто перечисление простых фактов ее жизни. Когда до Лиды дошло, что разговаривает больше она, чем он, девушка замолчала, перевела взгляд на глаза спутника и сказала:

— Знаешь, а о тебе я тоже много чего хочу узнать.

— Да?

— Да.

«Идиотина, зачем тебе о нем что-то знать? И хватит болтать о себе, хватит!» —

закричало чувство самосохранения, но мигом получило по голове зарождающимся кирпичом романтики.

— А что ты хочешь знать обо мне? — мягко, но несколько отстраненно спросил Петр.

— Многое, — пожала плечами Лида. — Око за око? Возвращай долг.

Он налил ей второй бокал вина. Брюнетка протянула руку к бокалу, и парень узрел ее колечко.

— Люблю малахит, — сказал он, разглядывая ладонь спутницы, держа ее за кончики пальцев. Она удивленно взглянула на Смерчинского, который, как и кузен, имел удивительную возможность располагать к себе. Только если к Дэну тянулись фактически все, то к Петру тянулись только тогда, когда он сам этого хотел.

— Малахит? — подняла брови девушка. — Тебе больше подходит любить... Даже не знаю — бриллианты?

— Они лучшие друзья девушек, а не мои, — было ей ответом. — Я люблю полудрагоценные камни. Потому что, если подобрать им правильную огранку, они будут куда ярче и привлекательнее. У тебя красивые руки, — без перехода добавил он.

— Умеешь определять характер людей по их рукам? — в шутку спросила Лида. А Петр серьезно ответил, что да. Их разговор продолжался. Они продолжали болтать, оба находя в этом удовольствие.

Разговаривали тогда, когда им принесли блюда, которые девушке показались волшебными, общались и после трапезы, и на прогулке — после ресторана Лида умудрилась уговорить Петра просто погулять с ней по вечерним улицам. Они шагали по городу, на который вдруг опустилась легкая прохлада, и продолжали беседовать. Смерчинский оказался парнем умным, достаточно начитанным, слегка ироничным и порою даже саркастически настроенным. Как оказалось, во многом их с Лидой взгляды совпадали, хотя он был куда более жестким человеком, чем она. Если бы Лида услышала, как Машка называет его Гарри Поттером, только недовольно поморщилась бы.

А еще ей до сих пор казался забавным тот факт, что она — выше его, хотя и без каблуков. До нее стало доходить, что смотрятся они вдвоем, судя по всему не смешно, а интересно. Или даже, как это ни странно, — дорого.

Молодой человек и девушка неспешно шагали по широкому проспекту с мокрым асфальтом, над которым вовсю правил бал серо-синий вечер, и весьма походили на парочку, хотя и не держались за руки или под руки. Петр выглядел весьма и весьма достойно. Хоть он и был ниже, но выглядел эффектно — на все сто процентов. В расстегнутом черном длинном пиджаке, с расправленными плечами, с твердой походкой, со взглядом уверенного в себе человека, который расчетливо-осторожно рассматривает мир из-за стекол очков.

«А есть что-то в нем такое зловещее», — подумала Лида, с удовольствием слушая его рассказ о том, каким забавным у него было детство со Смерчем. И пусть он будет позже едва ли не проклинать себя за то, что умудрился за один вечер раскрыться перед этой серьезной брюнеткой больше, чем перед кем-либо за год, и смог так сильно ее заинтересовать, но в этот вечер он чувствовал себя превосходно. Даже на какое-то время забыл обо всех проблемах.

На многолюдном проспекте на них часто оглядывались, и когда парни смотрели на симпатичную высокую девушку, похожую на модель, Петра это понемногу раздражало. Когда на него самого засматривались девчонки, уже хмурилась мысленно Лидия. Но внешне они одинаково были спокойными, словно все шло так, как и должно было быть.

Гуляли они долго, часов до двенадцати, и позже, уже в машине, когда Петр вез Лиду домой, он признался, что еще ни одна девушка не заставляла его так долго бесцельно шататься по улицам, и это так глупо, что даже не злит. Она только пожала плечами и поймала себя на мысли, что все то время, пока была со Смерчинским, ни разу не вспомнила Женю.

Они попрощались, девушка вышла из спортивной фиолетовой «Мазды» и, напоследок улыбнувшись парню, направилась к дверям своего подъезда. Радовалась, что он не полез к ней с объятиями и поцелуями. А думать о том, что теперь ей делать, если он позвонит вновь, она решила завтра.

— Лида? — позвал Петр ее вдруг задумчиво через открытое окно автомобиля.

— Что? — обернулась девушка, доставая из сумочки ключи.

— Я хотел тебе кое-что сказать, — все таким же задумчивым голосом произнес молодой человек. — Кое-что весьма забавное.

— Что же? — не поняла Лида, но отчего-то заинтересовалась. Парень поманил ее пальцем к себе. Девушка пожала плечами, но вернулась к автомобилю и даже наклонилась к окну.

— Что? — повторила она, хотела, было, сказать что-то еще, но он неожиданно взял ее рукой за подбородок и достаточно властно поцеловал. Лида, чуть стормозив, отшатнулась лишь через несколько секунд. Дышать ей резко захотелось глубоко и часто-часто. У его губ был дерзкий вкус красного вина, которое они пили в «Афинах», и дыхание было таким же горячим. Лида резким, даже нервным движением прикоснулась тыльной стороной ладони ко рту, желая стереть ею вкус вина, но не стала этого делать. Так и застыла — с ладонью у губ.

— Эй, ты что, с ума сошел? — сдвинула она сердито брови. Он все испортил! Придурок!

Парень задумчиво облизнул губы, и его глаза странно блеснули из-под стекол очков в свете слабо горящих фонарей.

— Мило, не находишь?

— Не нахожу.

— Не считаешь нужными поцелуи на первом свидании? — вкрадчиво поинтересовался Петр.

— Не считаю. Все, пока. Пока! — сердито отозвалась девушка и, развернувшись, направилась к подъезду. Пока нервно открывала подъездную дверь ключом, молодой человек, неслышно ступая, вылез из своей фиолетовой «Мазды» и также неслышно зашел вслед за рассерженной девушкой в подъезд. Их обоих окутала темнота — лампочки на первых двух этажах, как это часто бывало, не горели, и были видны лишь силуэты и смутные очертания предметов. Невысокие каблуки Лиды застучали по ступенькам, и Петру понравился этот звук. Дробный, задорный и очень женственный.

— Лида, — позвал он высокую блондинку осторожно. Она, не зная, что парень тоже в подъезде, вздрогнула от неожиданности. Стук каблучков прекратился.

— Ты? Ты здесь? Зачем ты пошел за мной? — сердито спросила девушка, подумав, что происходящее может закончиться для нее весьма плачевно. Он совсем? Зачем он за ней поплелся? Чего хочет от нее в темном подъезде поздним безлюдным вечером?

Ей вновь вспомнился его разговор с Кларским. Вот же она дура! Этот Петр, хоть и родственник Смерча, — бандит, а она повелась на его галантность, вежливость и романтический настрой! Он наверняка не без задней мысли позвал ее в дорожный ресторан — богатые плохие парни не приглашают просто так куда-то простых девочек, пусть даже и хорошеньких. Лидия вполне отчетливо поняла, что в таком случае хочет получить от нее этот

симпатичный брюнет, который, несмотря на то что ниже ростом, заставляет ее чувствовать в нем настоящего защитника. Защитника ли?

— Зачем пошел? Хотел кое-что сказать еще.

Парень оказался рядом с ней. Мимолетом проведя рукой по ее замершим пальцам, держащимся за перила, поднялся на ступеньку вверх и оказался на одном уровне с девушкой. Положил ей руку на талию, притянул к себе и прошептал на ухо, щекоча его дыханием — таким же горячим, как и тогда, в клубе:

— Ты все-таки очень интересна мне, Лидия.

Она отпрянула, но он с легкостью удержал ее и засмеялся.

— Ты боишься меня? — прошептал он вновь, с удовольствием глядя ее по спине и по густым прямым волосам. — Боишься? Леди, прекрати. Я же сказал, что с тобой буду джентльменом.

Он и правда чувствовал ее страх. Странно — они провели вместе несколько часов, а его эмпатия по отношению к ней увеличилась. Как будто бы он стал лучше понимать ее.

— Я не боюсь, — почти без дрожи в голосе отозвалась Лида, понимая неожиданно, что наслаждается ситуацией, не смотря на то что он может быть опасен. — Отпусти меня, это лишнее.

— Нет, — теперь он дотронулся губами до ее щеки. — Мне приятно быть с тобой. Нет, увы. Не отпущу.

Его дыхание переместилось на ее висок.

— Или ты вновь будешь иметь что-то против моего роста? — спросил Петр, еще сильнее прижимая девушку к себе. — Прекрати ставить себе проблемы там, где им не место. Хорошо?

Теперь она чувствовала тепло его дыхания на шее, и, что самое жуткое, ее сердце тоже чувствовало это тепло. После слов Смерчинского страх почти ушел, оставив место новоявленному доверию. Лида закусил губу, повернулась к Петру, как робот положила руки ему на плечи, вздохнула едва слышно и уже сама поцеловала его. Коротко, но со всем отчаянием девушки, которой было плохо одной. А затем отстранилась. Посмотрела ему в глаза. Прочла в них почти что восторг и улыбнулась.

— Хорошая девочка, — едва слышно проговорил парень, запуская пальцы в ее волосы. — Не бойся. Я ведь ничего тебе не сделаю. Ладно? Ответь. Ну же?

Лида только кивнула и вновь потянулась к его лицу. Вкус вина никуда не исчезал и, кажется, даже усиливался. Как и ее сердцебиение. И, как Петр с печалью отметил чуть позже, — и его сердцебиение тоже.

«А он нежнее, чем Женя, — мимолетом подумала девушка, касаясь его предплечий, — хоть его губы и жестче».

У нее слегка закружилась голова — от резкого скачка эйфории в душе.

Они простояли в подъезде почти час, а, может, и больше. «Разговаривали». В темноте наслаждались друг другом. Лида больше не вспоминала бывшего парня, а Петр действительно оставался почти джентльменом.

Наверное, эти двое смогли пробыть там в объятиях друг друга и больше, только Петр вовремя понял, что уже не в силах сдерживаться и, пообещав девушке, что приедет за ней завтра, фактически сбежал в свою машину. Быстро уселся на место водителя, завел свою фиолетовую красавицу, которую нежно любил куда сильнее большинства людей, и едва ли не с места разогнавшись, поехал подальше отсюда. Через пару кварталов остановился,

откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он все еще чувствовал эту девчонку и ее прохладные пальцы, и слегка горькие почти не ощутимые духи, и даже вкус ее помады, которой на губах Лиды, впрочем, не осталось. У него до сих пор оставалось послевкусие после долгих поцелуев. Довольно необычное и приятное. Заставляющее не просто попробовать новое блюдо, а полностью съесть его.

«Да ты вконец обесценился в моих глазах, братец. Надо было тащить ее к себе, и ты великолепно провел бы с девочкой ночь. Не мучился бы сейчас», — сказал внутренний голос раздраженно.

Самому себе приказав заткнуться и более-менее успокоившись, молодой человек надел гарнитуру, вновь завел машину и, чуть подумав, набрал номер Ланде. Судя по всему, этот жаворонок уже видел десятый сон, но Петру было совсем не в лом разбудить друга. Вежливым он действительно был только с девушками. И еще с родственниками, например, с Даниилом Юрьевичем, отцом и дядей.

— Да, слушаю, — на удивление быстро взял Ланде трубку.

— Спишь? — спросил Петр, аккуратно останавливаясь на красный. В некоторых вещах он был пунктуальным, например в вождении машины. И Лида, недавно едва не сделавшая из него участника ДТП с наездом, была виновата и сегодня — из-за нее он так резко газанул со двора. Чтобы уехать прочь.

— Нет, — голос у Микаэля был слегка уставшим, каким-то отстраненным — еще больше, чем обычно, но каким-то радостным.

— Нет? Ты же всегда ложился рано, — удивился молодой человек в очках. — Что заставило тебя не спать сейчас? Твой мудака мешает?

— Нет, Черри вообще дома нет, — сразу понял, о ком идет речь, Ланде. — Он где-то зависает у друзей. В компании алкоголя и девочек.

— Ну, идиотов не переделать. Поможет только трансплантация личности, — философски рассудил Петр. — Так почему же ты не спишь?

— Переписываюсь с девушкой, — отозвался Ланде, и действительно, хозяин «Мазды» услышал, как пальцы друга быстро стучат по клавиатуре.

— Нашел себе девушку? — полубопытствовал Петр. Насколько ему было известно с детства, милаха Микаэль у девчонок пользовался бешеной популярностью, только обычно сторонился их. И не из-за комплексов или из-за вечной и всегда верной любви к неизвестной богине, нет. Просто из-за девиц у парня частенько возникали какие-то наиглупейшие ситуации. Ланде казалось, что его преследуют сумасшедшие.

Давным-давно, в детском лагере около моря девчонки-сестренки из старшего отряда, которым Ланде безумно нравился, воровали у него вещи, мазали пастой, всячески лезли и обзывались и доводили мальчишку до настоящих истерик, после одной из которых мать вынуждена была забрать его из лагеря. Чуть позже одноклассница, без памяти влюбившаяся в добродушного интересного парня, решила из-за него резать вены и даже написала записку, где говорила, что жить не может без Микаэля, но просила никого не винить в ее смерти, тем более его. С ней, конечно же, ничего не случилось, но разборки между его родителями, ее предками, а также школой и даже полицией получились крутые. Как-то раз в университете целых три одногруппницы устроили из-за беловолосого настоящую драку, и их едва разняли парни. Опять вышел громкий скандал.

Последней такой забавной ситуацией была феерическая разборка с бывшим дружкой одной из девушек, которая вдруг опять-таки влюбилась в Ланде и решила с ним встречаться.

Микаэль тоже заинтересовался ею, и они даже сходили на пару свиданий, таких же романтических и милых, как и сам он. Только вот потом бывший молодой человек девушки прознал про то, что подруга бросила его из-за беловолосого парня, и подкараулил его во дворе собственного дома. Избивать его не решился, потому что вокруг было много народу, только лишь двинул пару раз по челюсти и позвал на стрелку, раз кое-кто «такой крутой перец, и отбивает чужих девчонок безнаказанно». Ланде на стрелку ни в какую идти не желал. Тогда парень начал серьезно угрожать ему по телефону. На свое несчастье коварно брошенный однажды наткнулся по мобильнику на сонного Черри и, как-то сдуру перепутав того с Микаэлем, еще раз в матерных выражениях пригласил на стрелку. Черри оскорбился до глубины души, пообещал прийти, и не один, а потом стряс с Ланде правду о происходящем.

— Твою мать, почему я должен тебя всегда защищать?! — орал он часа два на весь дом. — Какого кособокого хрена ты вечно притягиваешь неприятности? И какого бубна я обязан валить из-за тебя на разборку с каким-то тупыми ошметками мяса?

— Не ходи никуда, — надулся Ланде тогда, с ногами взобравшись на диван. Он учил очередную роль, и ему, честно говоря, было не до бывшего своей девушки. Он ко всему относился философски. И на этого сумасшедшего, что названивал ему, Микаэлю было плевать.

— Нет уж! — разорвался зеленоволосый парень. — Нет, я пойду! Я этому уроду уши на задницу натяну с мочками! И вообще, ты почему мне сразу не сказал, что у тебя проблемы?

Ланде поднял на него голубые глаза со светлыми ресницами и пожал плечами:

— Зачем я буду тебя беспокоить?

— Терпеть тебя не могу, умник, — процедил сквозь зубы Саша, натягивая кожаную куртку и туго зашнуровывая высокие ботинки на толстой подошве. Ему нужно было спешить. Естественно, на разборку из-за проклятого Ланде.

На стрелку он, а также куча его очень неслабеньких друзей приехали быстро, в компании с кастетами, битами и идиотом-оператором, роль которого исполнял вечно веселый Челка. Драка получилась приличной, и все ее участники оказались в местном отделении полиции. Вызволял Черри, почти как и всегда, Дэн, а Ланде приехал вместе со Смерчем и всю дорогу в своем привычном ехидном тоне размышлял о том, что так часто вступать в глупые драки — это нонсенс и абсурд. Черри крепился-крепился, а потом все-таки вмазал умнику. Удар пришелся тому по скуле и получился смазанным, но если бы не рука быстрого Смерча, то Ланде щеголял бы с подбитым фиолетовым глазом.

История, кстати, имела продолжение. Бывший влюбленной в Ланде девушки не успокоился и через месяц решил подкараулить Ланде и напастылять ему где-нибудь в темном переулочке. Однако Микаэль по переулкам ночью не шлялся, и его соперник решил достать его около клуба «Алигьери», куда Ланде приехал к Петру поздним вечером, чтобы вместе отправиться в боулинг-центр. Естественно, Смерчинскому не понравилось, что их окружили какие-то идиоты-качки, и он, недолго думая, звякнул своей суровой охране. Та появилась почти мгновенно и уладила ситуацию. Ланде вновь вышел из истории совершенно сухим. С девушкой той он достаточно быстро расстался, потому как понял, что они совершенно не подходят друг другу, и сосредоточился на творчестве, учебе, путешествиях и выведении из себя Черри-Александра.

Вобщем, женский пол продолжал его активно доставать, но Микаэль пока что, как сам говорил, не нашел даму сердца и довольствовался одиночеством.

— Это не совсем девушка, — проговорил Ланде, отвечая на вопрос Петра.

— Наполовину парень? Понравились трансвеститы?

— Нет! Почему все вечно думают, что я — гей? Я что, похож на гея? — огрызнулся обычно спокойный Ланде. Смерчинский удивился. Злобенького Микаэля он почти не знал.

— А ты пораскинь мозгами, — посоветовал ему добрый Петр. — Вспомни, как ты выглядишь и как себя ведешь. Если что — похож. Но можешь и забить на это. Живи, как тебе нравится. Ты, впрочем, так и делаешь. Так что у тебя за девушка?

— Мы с ней просто переписываемся и разговариваем по телефону, — отозвался Микаэль. — Но не встречаемся.

— Она так страшна? — полюбопытствовал Смерчинский.

— Напротив. Красива.

— У тебя интернет-роман? Скучно.

— Это тебе скучно. А мне нет. Я видел ее в реале. Она очень милая и... — Ланде отвлекся, что-то увлеченно печатая, видимо, в ответ девушке.

— И?

— И она мне очень нравится. Хотя все началось с банальной жалости, — признался Ланде, — но...

Он опять замолчал, и парень в очках вновь услышал стук его пальцев по клавиатуре.

— Что «но»?

— Она — как морской бриз. — мечтательно проговорил Микаэль. — Когда мы общаемся с ней, мне кажется, что я стою около моря, босыми ногами на песке, и чувствую, как этот бриз обдувает меня. Мятный бриз.

Петр поморщился, но свои ехидные слова говорить не стал. Ланде — человек творческий, а у них в голове действительно какой-то свой особенный ветер. Сам Смерчинский был скорее технарем, расчетливым и умеющим многое просчитывать человеком, которому многие душевные порывы Ланде были абсолютно чужды. Но именно с ним он дружил с самого детства, именно с ним многое узнавали и понимали, именно они вместе когда-то дрались против Черри и его наглого друга, что сейчас умудрился стать музыкантом. Микаэль и Петр были непохожи совершенно, но эта непохожесть заставляла их общаться.

— Бриз? Ну-ну, пусть будет бриз. И не уходи в просторы Интернета вслед за своим бризом. Тебя все-таки ждет реальность, — напомнил занудливый Петр другу. — Давно переписываешься со своей девчонкой?

— Прилично. Говорю же, мы еще и разговариваем. М-м-м, с ней можно общаться даже не о чем, и все равно кажется, что я знаю ее уже сто тысячу лет. Как будто тысячу лет уже стою на этом пляже, и она вокруг меня. — Голос Ланде еще больше потеплел, и Петр даже улыбнулся этому. — Везде. Ощущение, как при медитации...

И он пустился в долгое рассуждение, из которого Смерчинский понял, что его друг таки встрял.

Минут через десять, когда он уже подъезжал к своему дому, Петр перебил Микаэля.

— Слушай, ты же у нас эксперт в области чувств, — за насмешкой в его голосе пряталось любопытство. — Ответь мне на один вопрос.

— Какой же? — свысока поинтересовался Ланде.

— Если есть три таких составляющих: мне плевать на ее социальное положение, на ее высокий рост, и я не могу сделать ей что-то против ее воли. Значит ли это, что она мне

нравится? — выдал очень неспешно Петр, потому что боялся, что сможет, как глупый подросток, протараторить эту волнующую его проблему.

— Тебе, вероятно, — да, — не слишком удивился такому вопросу беловолосый парень. — М-м-м... А я всегда говорил, что, в конце концов, твоим последним выбором будет девушка высокого роста. У тебя комплекс, дорогой друг. Наполеона комплекс.

«Дорогой друг» тут же поморщился. Зря он сказал об этом Ланде. Идиот.

— Ладно. Пока, — отрывисто произнес он.

— Подожди, ты что, нашел себе кого-то? — всполошился друг по телефону.

— Нет, — отрезал Петр и отключил мобильник. Он заехал в подземную стоянку дома и припарковал авто. Вновь откинулся на спину удобного сиденья и провел пальцем по губам. Странно, но послевкусие все еще оставалось. Впрочем, как и у Лиды, бесстрашно сидевшей в это время на перилах балкона. Оно напоминало ей то самое вино, что они пили в ресторане, и, кажется, имело легкий, едва уловимый приятный привкус миндаля и винограда. И чего-то еще весьма необычного. Поцелуи с Женей никакого послевкусия не имели. А Петр вообще не придавал им особенного значения, считая всего лишь прелюдией. Он поднялся на лифте в свою квартиру и долго стоял под холодным душем, а Ланде в это время торчал в своей квартире, сидя на барной стойке с ногами, наслаждаясь одиночеством, и разговаривал по мобильному телефону голосом Черри. Марина и правда напоминала ему мятный бриз, вот только как сказать ей о том, что с ней все это время общался не Сашка, Микаэль пока не знал.

* * *

За пару дней до самых грандиозных событий этого года, а может быть, и десятилетия: свадьбы брата и Насти и концерта моей любимой группы, случился акт разбивания моего сердца. Ну, тот самый, когда сердце разрывается на куски или разламывается на тысячу осколков, а ты ходишь грустный и понурый, про себя все время повторяя: «Почему все так? За что? Почему именно со мной?» Со стороны на такого человека смотреть даже забавно. А вот чувствовать себя им — не очень. Очень не очень. Мега паршиво.

Это произошло днем, солнечным ужасным днем, когда я приехала в университетскую библиотеку — сдать, наконец, учебники. Предки, которые в последнее время слегка сошли с ума и после ночевки у Лиды не хотели меня никуда отпускать под самыми разными предложениями, сказали, что, мол, учебники я сдам как-нибудь потом. Например, осенью. Но я пригрозила им, что в таком случае мне влепят веселенький штрафик, на который я буду работать полгода, а в следующем учебном году и вовсе не выдадут книг. Тогда папа самолично вызвался отвезти меня в университет. Я расселась на заднем сиденье в его служебной машине, балдея от того, что еду в универ не учиться, а просто так. Засунув в рот апельсиновую жвачку, я беззаботно смотрела в окно, болтала с отцом, одновременно переписывалась с подругами. Они обе у меня рехнулись — почти как и я. И почти одновременно со мной.

Лидка вдруг ни с того ни с сего стала общаться с двоюродным братом Смерча, тем самым Петром-Гарри. Они уже были на паре свиданий, и, как я смогла вытянуть из нашей Мисс Скрытность, часто и долго целовались. Не то чтобы я была против их общения, но для меня был удивителен тот факт, что моя подруга встречается с братом моего Дениса. Это у

меня даже в голове не укладывалось, честно сказать, и я не совсем понимала, подходят ли они друг другу или нет, с тем же ее Женей, придурком, посмевающим бросить мою подружку, все было как-то понятно, а вот этот Петруша... Он не то, чтобы не нравился мне — настораживал. И боялась, что он сделает Лидке больно, но та вроде бы пока была довольна их общением, хотя мне казалось, что она что-то скрывает от нас.

А Маринка все продолжала оставаться в восторге от своего Сашеньки. Конечно, я не знаю, как у нее язык повернулся называть этого здорового чувака с пирсами и тату на руках Сашенькой, но факт оставался фактом. Маринка все больше в него влюблялась и выглядела восторженной дурочкой. Правда, они пока так и не встретились, но ей, по-моему, было достаточно просто разговаривать с ним и переписываться по телефону или Интернету.

— Опять ты с телефоном не расстаешься, — сказал неодобрительно отец и осторожно поинтересовался: — С Денисом переписываешься?

— Не-а, он отдыхает пока, — беспечно отозвалась я. — Это я с девчонками. Слушай, пап, а он тебе нравится? Ну, Дэнка?

Папа внимательно посмотрел на меня через зеркало заднего вида.

— Маша, ты не представляешь как.

— Без сарказма!

— А это и не сарказм, — вздохнул он, поворачивая руль. В последнее время папа какой-то усталый. Оно и понятно: все время на работе. И, кажется, у них там что-то грандиозное намечается — весь отдел пашет как проклятые (по словам папы). Даже маме уже стало интересно, что там такое у них случилось, что ее муж иногда не приходит домой сутками. Я даже слышала недавно сквозь сон, как недовольная мама, которая пошла в отпуск, ждала его до трех утра и выговаривала:

— Женечка, ну сколько уже можно? Ты что, всех бандитов решил переловить? Или ты один за весь отдел работаешь? — тут голос ее стал подозрительным: — Или ты на мужа Семеновой насмотрелся?

— А что муж Семеновой? — из вежливости поинтересовался тогда папа и я тоже — только мысленно.

— Ничего! Он, перед тем как к другой уйти, тоже на работе сидел сутками, — вспыхнула мама.

— Вера, ну ты скажешь, конечно, — отвечал тогда папа раздраженно. Но на следующий день приехал домой не так поздно и купил маме цветы, а мне — торт. Тогда у нас дома случилась чуть ли не целая трагедия — маме показалось, что папа как-то не так себя ведет, и она два дня обсуждала со своей близкой подругой по телефону, что «Женька стал какой-то подозрительный, как будто бы вину заглаживает, зачем ему еще подарки мне неожиданно дарить?». Успокоилась мама только через пару дней, когда у нас в гостях побывал дядя Гоша, тот самый папин коллега, которого мы однажды встретили с Дэном на улице. Он поговорил с мамой, и она стала поспокойнее.

— Пап, тебе он правда нравится? — спросила я еще раз.

— Твой Денис — очень хороший парень. Я рад, что ты нашла себе достойного молодого человека, — отозвался родитель, не отрывая взгляда от дороги.

— Правда?

Я зажмурилась от удовольствия. То, что Смерч нравится моим родителям, было для меня очень важно.

— Нет, вру.

— Папа!

Он хитро улыбнулся.

— Зачем я буду тебе врать? Я людей умею чувствовать. Когда еще я вас встретил в мае, он мне понравился. Есть что-то в нем, Маша, что заставляет людей ему доверять. И знаешь, что самое главное?

— Что?

— Он не использует это против других.

— Ну, когда как, — вспомнила я тут же его хитрость насчет того, что он якобы любит Ольгу. Но, кстати, Дэнв был прав — если бы он сказал, что просто хочет помочь своей старинной подруге, потому что та боится встречаться с Ником и хочет его от себя отвести, я бы не стала с ним общаться. Ведь я бы в жизни не поверила ему, что Кларский — бандит и что сам Денис просто так хочет помочь Князю, которую, как оказалось, знает со школы! А так для меня был веский аргумент: Смерчинский, как и я, — несчастный влюбленный. Мы в равном положении. Мы хотим добиться своего. Вот же он стратег.

«Ура, у нас есть свой стратег! Аве стратегу!» — тут же начали строчить головастики.

— Я, Мария, насмотрелся в своей жизни на людей, которые умеют заставить себе доверять, — усмехнулся отец, поворачивая направо. — Обычно это огромный соблазн.

— Соблазн?

— Конечно. Это легкий способ делать деньги и получать власть. И многие из таких людей рано или поздно оказываются за решеткой. А твой Денис другой породы.

— Смерчик такой, — закивала я.

— Он хороший защитник. А это главное в мужчине — уметь защитить свою жен... девушку.

— Да?

— Да.

— Ну, дерется он прикольно, — отозвалась я, вспомнив сценку около кафе. — Правда, я сначала думала, что он слабенький и хиленький, но он просто открытого насилия не любит.

— А Денис дрался? — удивился отец. — Когда? Зачем?

— Э-э-э, ну так, дружеский спарринг, — решила я не портить впечатления о моем парне. А то предок подумает еще, что Дэнка только и делает, как шатается по улицам и дерется со всеми без разбора.

Папа на меня посмотрел и только улыбнулся. Изредка он оглядывался или смотрел в зеркала заднего вида, словно ожидал увидеть на дороге позади нас кого-то, и, по-моему, был удовлетворен тем, что видел. Он довез меня до универа, высадил и хотел пойти вместе со мной под предлогом того, что ему скучно будет меня ждать и что он понесет учебники, но я заартачилась, и папа все-таки остался в автомобиле. Сказал, чтобы я управилась с делами побыстрее, мол, отвезет меня домой, а потом вновь поедет на работу.

В университете было непривычно — невероятно пусто и тихо. Студенты, как класс, просто-напросто отсутствовали. Преподавателей почти не было видно. Абитуриенты с родителями и без еще не успели приехать. И только в библиотеке было достаточно оживленно. Сдавать книги приехало довольно много человек, и они даже выстроились в длинную вереницу. Кстати, как я уже не раз замечала, народу было довольно много, все с тяжелыми пакетами и большими сумками, однако в отличие от больниц, никто не ругался и не орал друг на друга, выясняя, кто где стоял и когда занял очередь. Напротив, все были мирными и спокойными, шутили и даже несколько раз пропустили без очереди студенток с

маленькими детьми и замыленного парня, который дико торопился, опаздывая на поезд.

Я встала в хвост вереницы, а через минуту ко мне подошла одноклассница — Регина, подруга Тролля, на время скрывшейся из моей жизни. Она, как и я, приехала сдать учебники. Очередь продвигалась медленно, и от нечего делать мы разговорились. Регина сначала поинтересовалась как бы невзначай, как у меня дела и не выхожу ли я замуж этим летом. Я, конечно, ответила, что нет, и соберусь сделать это лет эдак через сорок шесть, а после призвала ее не верить глупым слухам.

— А еще я слышала, что ты беременна, — ляпнула одноклассница. Это услышало сразу несколько человек, и мне тут же любезно предложили пройти в самое начало очереди. А кто-то заметил не вовремя, что там, в зеленой футболке — девчонка с видео, ну, та самая, которая Смерчинского.

У меня непроизвольно дернулся правый уголок губ и левый глаз.

— Я не беременная, — прошептала я возмущенно. — Я нормальная. Нормальная! Как все люди!

Видимо, взгляд у меня был соответствующий, и Регинка понимающе кивнула мне. Вроде бы поверила. Остальные попялились немного, похихикали и отвернулись.

Хэй, Смерч, сделай что-нибудь, но пусть они прекратят считать меня... такой!

Прозрачный Дэн, который с каждым днем становился все более и более материальным и ярким и его прекрасная фея слышали это, находясь где-то далеко, за чертой горизонта, и засмеялись. Они были не против детей. Лет через десять. Или сорок шесть.

Я перевела разговор на нейтральную тему — на летнее времяпровождение.

— Эх, этим летом никуда не поеду, наверное, — пожаловалась Регина. — Может, только на озеро с друзьями, и то — не факт.

— А я тоже никуда не поеду, — вздохнула я. — Хотя... Меня обещали в горы взять. Там тоже, кстати, озеро есть.

— А да, там классно. Я была в прошлом году: и снег, и цветы, и зелень, и высота. Дух захватывает, — тут же стала хвалить это местечко Регина. — Но я планировала на юг поехать, а похоже меня ждет облом. Эх, повезло Ольке, она уже сколько в Галазе около Черного моря отдыхает!

— Ага, повезло. Я бы то... — Я внезапно замолчала. Зрачки у меня расширились от изумления, сердце сжалось в плохом предчувствии, и я переспросила: — Где-где Князева отдыхает?

— В Галазе, — повторила Регина.

— Где?!

— В Галазе, Маша, — вновь ответила одноклассница, удивленная моей реакцией. — Это очень хороший курортный городок, я видела фотки у нее — она туда часто ездит, и они...

Я едва не уронила пакет с книгами и перебила девушку:

— В Галазе?! Князева в Галазе? Постой, ты... уверена? Уверена в этом?

Регина посмотрела на меня, как на ненормальную.

— Ну да. Маш, ты чего? Естественно, я знаю, куда моя подруга уехала. Она досрочно сдала последний экзамен и...

Мне опять пришлось невежливо перебить одноклассницу:

— Я знаю. Спасибо, что сказала. Вот же черт! — я с силой, не обращая внимания на взгляды людей, долбанула ногой по стене. Кто-то тут же сказал, что беременные — всегда нервные. Я чуть не завывала от обиды.

— Да не за что, — вообще не понимала меня Регина. — Маша, ты что? Что случилось?

— Да так, ничего. Ничего!

Получается, Троллиха сейчас тоже в Галазе, как и мой Смерч? Они там вдвоем?

Вдво-ем...?

Тягучая, как молочный коктейль, ревность, тут же взяла в тиски мое сердце и разум. Они что, там вместе?!

— Ничего? — непонимающе переспросила девушка. — Может, тебе хотелось с Олей встретиться? Вы вроде в последнее время много общались. Я даже стала ревновать.

— Регина, мне нужно позвонить, — отрывисто сказала я одогуруппнице и скорым шагом, раза три чуть не запнувшись, скрылась за углом. Остановившись около читательского зала, я набрала номер Смерчинского, чтобы выяснить все прямо сейчас. Однако он не брал трубку. Я выругалась и опустилась на корточки, закрыв голову руками, злая, как невменяемый демон. Он меня опять обманул?! Почему он в Галазе вместе с этой девкой из-под моста? Мало того что сначала она увела у меня из под носа Ника — и по фиг, что она его боится, все равно ведь Князь как-то умудрилась ему понравиться, а теперь взялась за моего Смерчинского?! Не потерплю! Я ее уничтожу! Что они там забыли в две каски? И я точно не поверю, что это простое совпадение!

Какой-то нерадивый головастик, окрашенный в огненный цвет, подsunул мне яркую картинку: пляж, нежный закат, ласковые морские волны, теплый песочек, а на нем сидят Троль и Смorchок, слившиеся в объятиях. Он гладит ее по длинным влажным от соленой воды волосам, а она обнимает его за плечи, шепча известные только им двоим слова.

Меня передернуло от отвращения и бессильной злобы.

— Сейчас вывернет наизнанку, — прошептала я, сжав кулаки и прижав их к груди.

— Только, пожалуйста, не под дверью моего читального зала, — раздался смутно знакомый бас сверху. Я подняла голову. Надо мной нависла грузная Василиса Петровна, лучший, по словам Дэна, библиотекарь в мире.

— До туалета недалеко, могу путь показать, — продолжала она хмуро, но увидела мое лицо и осеклась: — Но могу и... А, это ты, подруга Дениса?

— Меня Маша зовут, — резко встала я на ноги. — Здравствуйте.

— Здравствуй, — кивнула она мне царственно. — Тошнит?

Мимо прошли парни и девушки из библиотеки, те самые, что предлагали мне пройти в начало очереди. Они услышали ее фразу и вновь вылупились на меня. Кто-то прошептал: «Токсикоз, бедняжка». Вашу табуретку, да что это? Они издеваются? Я отвернулась. Совсем обнаглели! Я что, колоссальная неудачница? Похоже, что так. Именно так. Глупая доверчивая неудачница.

— Нет, не тошнит, — отозвалась я хмуро.

— Как скажешь. Книги пришла сдавать, — внимательно оглядела меня властительница библиотеки. На полу возле меня стояла внушительных размеров сумка с кучей учебников и учебных пособий, половина из которых оказались ненужными.

— Ага, — буркнула я.

— Много вас там, припозднившихся со сдачей. Ладно. Давай, без очереди проведу. Раз ты — девушка Дениски, — сказано все это было великим одолжительным тоном.

Я, конечно же, не стала отказываться от такой возможности и поплелась следом за Василисой Петровной.

— Как поживает Денис? — спросила она благодушно. — Не видно его давно. Команда

по баскетболу уехала на финал без него.

Ага, знаю. И замечательно продула. Говорят, ректор был злобен, а декан иняза стenal и причитал аки дева-плакальщица. Ну конечно, Дениска же у нас отдыхает на курорте, со своей подружкой! Какие ему финалы, какие баскетболы? Какие ему Маши? Ненавижу его!

— Нормально он. Кажется. Вместе с родителями отдыхает в Галазе, — ответила я ей нехотя. И еще вместе с Князем по ходу. Ненавижу и ее! Она ведь реально в него влюблена! Сначала пыталась сделать так, чтоб он якобы помог ей отделаться от Ника, потом стала копировать меня, и вообще наверняка узнала, когда этот придурок поедет на отдых с предками, и взяла билеты примерно на то же число, чтобы на море в бикини красоваться перед Дэном. Перед моим Дэном! Они ведь наверняка встретились в Галазе. На пляже, например. А она, захихикав и кокетливо прикрыв зубастую пасть ладошкой, сказала: «Дениска, и ты тут? Какая неожиданная встреча! А давай вместе позагорает? Глупая Маша ведь все равно не узнает, их-хи-хи».

Блин, блин, я реально его ревную! И так от этого в душе тошно, что хочется кричать на всю Вселенную о своих чувствах.

— В Галазе? Может, Денисочка и отдыхает в Галазе, но его отец и мать в городе находятся, вчера видела, — сообщила между тем Василиса Петровна тоном: «Я знаю лучше».

— В смысле? — кто-то принялся тупым ножом распиливать мне сердце. Головастики храбро отбирали нож, бесстрашно погибая в неравной борьбе.

— Видела я его родителей вчера. И Леру и Олега, вернее, Олега Данииловича. Я его еще студентом помню, таким мальчиком хорошим был, прямо как Дениска, — пустилась в воспоминания женщина. Ее бас стал нежным, словно она говорила о сыне и внуке.

У меня опять глаза полезли на лоб, обгоняя друг друга. Если Смерч звонил мне с машины отца, то, значит, они отдыхали вместе. Если его отец и Лера в городе, то и сам он тоже, наверное, в городе. И Князева вчера приехала... совпадение? Трудно поверить в это. К тому же Смерч сказал, что вернется вместе с родителями — буквально вчера говорил! Но он ничего не говорил о том, что вернулся вчера, как они и Оля Князева. Но почему молчит? Почему обманывает?

Злость во мне, смешанная с непониманием и обидой, вспыхнула вновь ярким огненным цветком в душе. Он опять меня обманывает? Денис же обещал мне! Он ведь тогда так искренне просил прощения! Он... подлец? Да кто он вообще такой? Почему вечно обманывает меня со своей красивой улыбкой на устах? Думает, что за обворожительные ямочки на щеках я прощу ему все? Нет!

Василиса Петровна, что-то важно продолжая вещать, предаваясь воспоминаниям, повела меня к кабинету, где принимали книги. И по дороге я ухватила за руку и Регину, чтобы и она не стояла долго в очереди — Машка своих не бросает. Оказалось, что по знакомству все делается куда быстрее. Учебники мы сдали в момент и уже через минут пять стояли в холле университета. Однотруппница от души поблагодарила меня и, сама того не понимая, насыпала в мою душу новую порцию крысиной отравы. Она все никак не могла заткнуться насчет Князевой.

— Хорошо, что Ольга уехала отдыхать, а то она в последнее время стала грустной. Я за нее переживаю, — говорила Регина. — Ты же ведь тоже с ней дружишь сейчас, заметила?

А знаешь, она очень хотела на тебя походить... Ты стала ее так интересоваться. Честно сказать, я даже удивилась. И, по-моему, ты на нее как-то повлияла. Оля в последнее время нервная, скрытная, да и собака у нее умерла недавно любимая, она знаешь, как переживала?

— У нее умерла собака? — я от переизбытка эмоций обоими руками схватила за лоб. Услышанное стало для меня полной неожиданностью, и даже не из-за потери домашнего питомца, верного друга, которая всегда тяжела. А из-за того, что я вдруг вспомнила — неизвестная мне девушка Димки по имени Виктория тоже недавно перенесла подобную утрату. — Нет! Нет! Это было бы уже слишком! Только не он!

Не дай Бог, не дай Бог, она заарканила и моего Димку! Если она еще и Чащину неприятности доставит, я ее придушу! Он — один из самых лучших ребят, которых я знаю, а знаю я их много, и я не позволю, чтобы Троллиха мучила моего друга!

— В смысле? — вновь вытаращилась на меня Регина. — А-а-а, ты что, не знала, что у нее собака умерла? Ой, ее пес такой классный был. Игривый, милый. Я видела его, он хоть и не породистый, зато добрый и очень ласковый! Симпатяжка. А еще и защитить может при случае. Олечка рассказывала, как он однажды ее и ее сестру еще в детстве защитил от грабителей.

— Какую сестру? — не поняла я сразу. Голова шла кругом. Почему-то вдруг этот пес, которого я никогда в жизни не видела, напомнил мне Дмитрия. Не породистый, обычный, но добрый, ласковый и защитить сможет...

— Я тоже это спрашивала, Оля сказала, что двоюродную, — пожала плечами Регина. — Маша, ты чего такая нервная? Так из-за собаки расстроилась? Да песик старенький уже был.

— Ну да. Это... извини, я на эмоциях живу сегодня. Просто кое-что случилось и меня клинит. А собака у нее давно умерла?

Регина, чуть подумав, назвала тот самый день, когда произошла драка в кафе и Димка из джипа друга Смерча убежал успокаивать свою девушку. Все сходится. А как он о ней отзывался?

«Она — милая девушка, хорошенькая. Вежливая, спокойная, с женственными движениями. Не похожая на тебя, короче».

Мне стало даже обидно: тогда он назвал меня ННН — невоспитанная нервная нахалка, а ее наградил такими добрыми словами. И это при том, что Денис утверждал — я Чащину якобы нравлюсь. Да уж, очень нравлюсь. Настоящее поведение влюбленного человека.

Только почему они ото всех свои отношения скрывают? Из-за... Никиты, что ли? Или из-за Дэна? Или по какой-то иной причине? Капец! Дурдом! Понятно теперь, почему Димка защищал Князеву — она его тайная девушка. Поэтому он ее и защищал, а я так тогда разозлилась на него, что случайно ударила. Вот же я тупица! Кому понравится, когда о твоём любимом человеке говорят плохо? Вот и Димасу не понравилось, и я его понимаю...

Но вот только что нужно Князевой от моего Дениса, если у нее есть Чащин? Что она хочет? Она играет их сердцами? Или только Димкиным, в надежде заполучить и сердце Смерча?

А Димка? Димка — он же друг Никиты, как он решился на такой поступок? Дружба — это ведь святое!

— Маш, ты чего зависла, — пощелкала перед моим лицом пальцами одноклассница.

— А? Я? Да так, задумалась. А ты знакома с парнем Оли?

— Что-о-о? — удивилась девушка. — Каким парнем? Она мне ничего не говорила, ни про какого парня. — Она нахмурилась — видимо, обиделась.

— Я перепутала, — неискренне, но очень широко улыбнулась я, не желая, чтобы Регинка злилась на подружку. Та что-то хотела мне ответить, однако тут заиграла мелодия из популярной лирической песенки, и она, прервавшись на полуслове, вытащила из сумочки

мобильник.

— Ой, мне Ольга написала, — вдруг улыбнулась девушка. — Она вчера прилетела с отдыха!

— Чего? — я почувствовала себя мадемуазель дурашкой.

— Она вчера прилетела. Теперь хочет встретиться со мной, соскучилась. Маш, хочешь, мы вдвоем погуляем, вы же подружились в последнее время, — от всей души предложила Регина.

— Нет! Не хочу! — закричала я, чувствуя, как на лоб накладывает кто-то незримой рукой новую повязку лжи. Головоломка сама собой стала складываться в моей голове. Дэн вернулся вместе с отцом и Лерой — поэтому их вчера и видела Василиса Петровна, хотя сам говорит мне, что приедет еще через несколько дней. Князь вчера тоже прилетела в город. Они действительно вместе были в Галазе, вместе вернулись, и теперь он опять, опять мне врет! Зачем? Чтобы у него была возможность провести времечко со своим Троллем? Да, точно! Он ведь иногда раньше так нежно на нее смотрел, что мне становилось противно до щекотки в пятках. Вдруг его слова о том, что он ничего не чувствует к Троллихе — всего лишь очередная ложь? И на самом деле Лазурная — это сама Князева?

— Почему не хочешь? Вы ведь общались! — поразилась Регина. По-моему, она стала считать меня психически неуравновешенной.

— Я сама сегодня уезжаю, — соврала я. — Потом с ней встречусь, потом. Сделаю ей... сюрприз.

— Ага... Тогда ладно, — поверила мне одноклассница. — Слушай, тут с Ольгой ужас что было! Да ты знаешь, наверное.

— Что еще с ней было? — резко спросила я. Какого фига она считает меня подружкой Князя? Разорвала бы ее на куски. Притворщица.

— Как что? — Регина покачала головой. — Это ж просто кошмар! Она чуть не погибла! Этого я не ожидала.

— Че-го? — по слогам спросила я. — Как?

— Как? Ты не знаешь?! А я думала, знаешь, а то бы сразу рассказала. Олька должна была ехать в свой Галаз вместе с родителями тем самым рейсом, что взорвался, слышала ведь? — затараторила девушка. Я только ошарашенно кивнула. — Они планировали именно в этот день поехать, но уже в кассе — они за две недели покупали билеты, все-таки взяли билеты на другое число, пораньше. Ольга говорила по телефону, когда она уже в Галазе была, что они с родителями в шоке просто с тех пор, как узнали, что рейс с нашего города упал около моря. Бр-р-р, страшно даже.

Я была согласна с ней. Страшно и жалко — до слез жалко всех, что безвинно погибает. Не только в авиакатастрофах.

— А почему они решили на другое число купить? — переваривая поток информации, который даже умудрился заглушить мою ярость, спросила я.

— Ольга сказала, что билеты покупала мама. У нее вроде бы как по работе что-то изменилось, вот и... — Регина пожалала плечами. По ней было видно, что она, и правда волнуется за подругу. А я, как бы не любила Князеву, ничего плохого ей не желала и была рада, что она купила билеты на другое число...

— Ни фига себе... Они — везунчики, — пробормотала я, все еще пребывая в шоке. — Ладно, Регина, мне пора. Меня папа ждет в машине. Тебя довезти до куда-нибудь?

— А, нет, спасибо, меня друг тоже в машине ждет, — отказалась девушка.

— У тебя друг есть? — заинтересовалась я.

— Ну, недавно познакомились. Оля, кстати, познакомила. Милый такой, прикольный. Компьютерщик. И зовут так мило — Иваном.

Я уже не сильно удивилась, когда мы вышли из универа, и разговорчивая, одноклассница, попрощавшись со мной, подошла к машине, около которой стоял смутно знакомый мне Иван, тот самый, из кафе, которому ни за что, ни про что вмазали рокары. Я помахала ему, и он ответил мне кивком. Бедная Инга, кажется, на ее личном фронте теперь совсем пусто. Хотя-а-а, как же я забыла про Рафаэля? Он ведь на нее запал.

— Что так долго? — недовольно спросил папа, когда я поплелась к машине.

— Да очередь там была...

— Да не очередь была, а с подружкой ты там болтала. Так, сейчас я тебя домой отвезу. И не ходи сегодня никуда, — добавил он, — видишь, дождь собирается?

— Угу.

— Что это у тебя за вид смурный? Подружка что-то не то сказала?

— Да нет, просто голова болит.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу и молчала всю дорогу, порядком удивив папу. Все вспоминала и вспоминала проклятого Смерча. Его голос, улыбку, слова...

— Папа, — нарушила я молчание лишь однажды. — Ты знаешь такой город — Галаз?

— Знаю, конечно. Там твой Денис сейчас отдыхает? — осторожно спросил он.

— Да. Там... А ты ведь говорил, что как-то давно был там?

— Был. С мамой твоей, еще много лет назад, до Федькиного рождения. Где-то дома и фотографии есть оттуда, но мало. А что?

— Расскажи, там красиво? Хорошо?

— Хорошо, конечно. На Черном море почти везде хорошо, Маша. Галаз — место прекрасное. Старинное. С отменным климатом. Сначала это местечко было древнегреческой колонией Причерноморья. Там море голубое-голубое. До невероятности. Когда я там был, местные рассказывали, — пустился в воспоминания папа, — что название города — Галаз произошло от древнегреческого слова «галазио», что значит лазурный.

— Да? — мрачно спросила я, всеми фибрами души проклиная этот ни в чем не повинный в общем-то цвет. А папа продолжал:

— В легенде о создании города говорится, что в шестом, по-моему, веке, еще до нашей эры, когда колония, собственно, была основана греческими выходцами, ойкист — то есть предводитель колонистов, а затем и правитель, назвал так город по просьбе любимой жены. У них там вообще была интересная история. — Папа, видя мое мрачное лицо, пытался меня развеселить, а потому решил рассказать мне старинную легенду города Галаз. — Ойкист был без ума от своей молодой и красивой жены Дионисии, а она влюбилась в другого. В парня из черни. Он, как водится, тоже ее полюбил. Эти двое стали тайно встречаться. Сестра Дионисии помогала парочке, и какое-то время они были счастливы. Правитель, естественно, вскоре прознал про то, что его жена ему изменяет. И послал своего брата-близнеца найти и убить соперника. Тот нашел. Однако видя, как они любят друг друга, пожалел и не стал трогать юношу, но обо всем рассказал брату. Ойкист рассвирепел, поймал любимого жены и лично убил его на ее глазах. А на следующий день нашел супругу мертвой. Потом и сам умер. Одни говорят, не вынес разлуки с женой и сбросился со скалы. Другие — что его убила мать Дионисии, отомстив за смерть дочери. Хотя многие историки утверждают, что ойкиста просто-напросто устранила недовольная знать. Хотя, кто знает? После его смерти править

городом стал его брат-близнец, взяв в жены сестру Дионисии, ту, которая помогала влюбленным. Но и он недолго оставался на свете. Погиб вместе с молодой супругой во время набега каких-то то ли кочевников, то ли еще кого... Не помню. В общем, эта душещипательная история — достояние Галаза. В городе есть и скульптуры со всеми этими персонажами, и фрески. Площадь в честь них названа и какие-то улочки. А Дионисия и Филимон стали таким символом настоящей любви. С их изображением чего только там не продают. И картины, и талисманы, и брелки, и одежду даже... Бренд Галаза.

— Филимон? — еще более мрачно спросила я, понимая, что даже у бедняг в сказочной Древней Греции настоящей любви не было. На душе стало совсем пасмурно, словно я услышала любимую сказку, в которой вместо привычного счастливого конца главные герои умерли в жутких корчах. — Что за имя такое?

— Вот ты вся в маму, — отозвался папа весело, — она тоже, когда услышала эту историю, спросила, что это за имя такое дурацкое и на греческое непохожее, а потом полдня ходила по Галазу печальная. Ей, видите ли, история в душу запала. Жалко стало их. В результате я оказался виноватым. Потому что не понял все трагичности их истории, э-эх. — Он вдруг тепло улыбнулся, словно вспомнив что-то хорошее.

Я закрыла глаза. Лазурный курорт, лазурная девушка Инна, какая-то там идиотская жена идиотского правителя идиотского лазурного города. Ненавижу лазурь! Смерчинский, тебе бы шею свернуть... И Тролля — тоже. Что же происходит? Что двигало Денисом? Какие цели он преследует? Неужели Князева все же нравится ему? Что они вместе делали в Галазе? Кто они друг другу? Они ведь столько лет знакомы... И как в этом всем замешана ее сестра Инна, о которой сказал Черри и о которой я не захотела слушать от Смерча? Вот дура, а надо было тогда узнать все и окончательно поставить точки над и.

Дома меня наскоком одолели воспоминания — память, словно издеваясь, подкидывала мне один за другим фрагменты из нашего с ним короткого, но яркого общения, а скука по предателю Дэнву достигла едва ли не своего пика. Мне физически хотелось дотронуться хотя бы кончиков его пальцев, хотя бы на миг прикоснуться к его волосам, хотя бы... просто увидеть перед собой. Но, увы, он решил, что с Ольгой ему будет куда лучше. Уехал с ней, приехал с ней. Побить бы его с силой, словно он резиновый! Увижу — так и сделаю. Так и сделаю — если смогу посмотреть в его глаза. Синие с искорками, участливые и с хитринкой, жизнерадостные, но в которых иногда проскальзывала непонятная тоска.

А может быть, папа был не прав? Может быть, Смерчинский все же обманщик и манипулятор, который принимает людей за шахматные пешки? Может быть, и его обманул этот парень?

Я молча, даже не отреагировав на приветственное «мияу» котэ, завалилась в свою постель, наблюдая за крупными каплями дождя на потемневшей улице, небо над которой плотно закрылось тучами. Мною овладевали двойственные чувства. Меня распирало от желания сделать хоть что-нибудь, чтобы узнать правду, но в то же время я безумно хотела закрыться одеялом с головой и никогда-никогда не выходить на белый свет.

С одеялом на голове я просидела минут пять, не больше. После, повинувшись какому-то неясному в тот момент импульсу, вынырнула из-под него и схватила телефон, чтобы вновь позвонить Смерчинскому. Увы, он с кем-то болтал — линия была занята. А его отцу звонить я не желала. Хватит, опозорилась уже. Мрачно поскребя ногтями стену, я, охваченная гневом, зачем-то набрала номер Князевой. Оператор сообщила, что она находится вне зоны доступа. Я решила дозвониться хотя бы до Димки — но он просто не брал эту чертову трубку! Они

меня игнорируют, что ли, все?!

Я, недолго думая, позвонила Смерчинским домой — ноль результата. Чащина, дурака, дома не было. Тогда я с демоническим блеском в глазах отрыла через Регину домашний телефон Олечки, и только тогда мне повезло. Ну, как сказать, повезло... Это был еще один гвоздь в гроб моих чувств.

— Можно Ольгу? — спросила я громко.

— А ее нет, деточка, — отозвался надтреснутый голос пожилой женщины — чуть позже я узнала, что это была бабушка Тролля. — Олечка ушла.

— Не подскажите куда? Мне она очень-очень нужна.

— К Денису Олечка ушла. Сказала, что пошла к Денису, — ответила моя собеседница. — Вот только вчера приехала, а сегодня уже дома нет с утра. Убежала Олечка.

У меня, по-моему, едва не помутился рассудок. К кому ушла Олечка-Троллечка? К Денису? Ну, Олечка, ну Денис, я вас найду и... вы повторите судьбу древнегреческих Дионисии и Филимона.

— К Смерчинскому? — спросила я с трудом. Я не верила в происходящее. Меня накрыло то самое состояние временного безразличия, которое бывает после какого-либо потрясения, когда ты еще и не веришь толком в происшедшее, хотя понимаешь, что это не сон и не шутка, а злая реальность.

— Да-да, к Денису Смерчинскому, именно. А вы кто, Олечкина подруга? — спросила добрая бабушка.

— Ага. Подруга.

И, возможно, будущая убийца.

— Тогда приходите к нам в гости, — обрадовалась Князева-старшая, — у Оли так мало подруг. Одна только Региночка. Да и та редко бывает. А как вас зовут?

— Маша меня зовут.

— Я тогда скажу Олечке, что ей звонила Маша.

— Спасибо, — поблагодарила я бабушку. — И скажите ей, что я очень хочу с ней поговорить.

— Непременно, Маша, непременно скажу.

И на этом мы распрощались.

Несколько минут я сидела почти без движения, переваривая всю полученную за сегодняшний день информацию. А после грянул гром — и на улице, и в моей душе.

Оцепенение спало, и навалилась грузная ярость. То, что было огненным цветком, превратилось в огненный ураган эмоций.

— Значит, реально развлекаешься с Князевой, сукин ты сын? — прорычала я. — Развлекайся! Хоть всю свою жизнь!

Сначала я просто била подушку, вымещая на ней злость, а после, чуть подуспокоившись и кусая до крови губы, вновь схватила телефон.

И под ливнем эмоций написала сообщение:

«Смерчинский. С этого дня забудь, пожалуйста, мой номер телефона, адрес, имя и внешность. Ты для меня больше не существуешь. Я думаю, ты знаешь причины. Я ненавижу ложь и тебя, как ее приложение!»

Послав эсэмэс, я, глубоко и часто дыша, отправила его номер телефона на своем мобильнике в черный список. Подумала, и в настройках запретила все сообщения и звонки с любых номеров, кроме самых нужных, что были в записной книжке. Еще немного подумала

и заблокировала его номерок в домашнем телефоне. Поставила в игнор в Интернете — везде, где смогла, чтобы он точно не мог со мной связаться.

Я делала все это не только потому, что понимала, как больно мне будет слышать его голос, ставший родным, но и потому, что я боялась его чар. Вдруг он сможет вновь запудрить мне мозги и манипулировать глупой девочкой Машей и дальше? Вдруг он заставит меня вновь поверить ему и я опять, как дурочка, буду слепо идти за ним, преданно глядя в манящие глаза?

Да, я любила его, чего уж тут таить, любила сильно, может быть, еще по-детски наивно, всей душой и всем сердцем, всем своим существом, но я не желала быть безвольной куклой в руках у прекрасного синеокого кукловода, мастерски дергающего то за одну, то за другую веревочку.

Пусть я лучше буду страдать без него, зная правду и чувствуя себя свободной, чем буду рядом, раз за разом обманутая. Пусть мне будет больно, но я не буду сидеть в клетке из своих иллюзий! Пусть все будет так — нелепо, грустно и безысходно, но я останусь собой.

Я схватилась за голову, ненавидя едва ли не весь мир — так обжигающе горячо было в душе.

Решил предать? Предавай! Гуляй хоть с Инной, хоть с Ольгой, хоть с любыми девушками планеты! Веселись, отрывайся, дыши полной грудью!

Дура, какая же наивная дура. Я за него так переживала, я едва ли не молиться на него начала, я влюбилась в него, а он... А он оказался мудаком с большой буквы. Сэр Мудак, здравствуйте! Думаете, я буду плакать из-за вас? Не бывать этому! Это вы будете плакать из-за меня.

Успокоилась я с трудом.

Позлившись и сдуру разодрав ножницами подаренного Смердяком музыкального тигренка с надписью «Полюблю всем сердцем» на кучу мелких тигрят, я завалилась спать и к удивлению мамы проснулась только утром. Мне всю ночь снилось теплое море, ветер, зелень, чей-то женский счастливый смех и мужской приятный голос, что-то шепчущий на непонятном языке, а после в сновидении появилось огромное зеркало в радужной раме, с которого на меня смотрел большими миндалевидными карими глазами красивый черноглазый юноша с оливковым загаром и темными волнистыми волосами. Одет он был в короткое одеяние с одним рукавом — кажется, такие назывались тогами. Я видела такие одеяния в учебниках на уроках истории.

— Вообще-то, если я смотрю в зеркало, там должна быть я, — наставительно сказала я чужому отражению. Парень пожал плечами, прикоснулся со своей стороны к поверхности зеркала, заставив меня проделать то же самое, улыбнулся грустно и исчез.

Станные мне сны в последнее время сняться. Весьма странные.

На следующий день мои страдания продолжались. Они продолжались и через день, и через два, и через три. Вместо того чтобы радоваться приближению концерта «На краю» и свадьбе брата, я грустила, хотя старалась выглядеть улыбчивой, как и всегда. Шутила, смеялась, пререкалась, но... Впервые в жизни я потеряла интерес к жизни. Небезразличной оставалась только музыка, которую я слушала часами, надев наушники.

Сначала я наивно ждала, что Дэн все-таки сумеет достать меня, позвонит или придет и все объяснит, скажет, что я все неправильно поняла, но этого не происходило. Его не было. И не было, и не было... Как будто бы он никогда и не появлялся в моей жизни. А я мучилась, скучала и бесилась. Он посмел без спроса влезть в мою судьбу, зашел бесцеремонно и, не

разуваясь, наследил и исчез, оставив только память о себе. Он открыл глаза на созданного моим же собственным сознанием кумира. Подарил мне любовь — ту самую, которую я так раньше презирала, но которая покорила меня и заставила иначе взглянуть на мир. Обещал горы, в конце концов... Столько всего дал и так бессовестно поступил. Зачем? Для чего? Почему именно я?

На этот вопрос ответа не находилось.

Мама видела, что со мной происходит что-то не то, осторожно спрашивала, в чем дело, видя, как я без движения сижу с наушниками в ушах и пялюсь в одну точку, но я тут же начинала улыбаться и, конечно же, говорить, что все хорошо! Почему-то мне не хотелось, чтобы родители, и в первую очередь мама, все узнали. Мне было стыдно перед ними за саму себя, а еще я боялась, что они разочаруются — не во мне, в Дэне. Ведь маме он так понравился, а папа очень тепло отзывался о нем.

Видимо, актерская игра не особо мне давалась, ибо мама сразу же заподозрила неладное. Когда она все настойчивее стала интересоваться, почему я все время сижу дома и ни с кем не общаюсь, я, чтобы отвести от себя подозрения, решила сходить в какую-нибудь парикмахерскую, сказала об этом маме, и она, явно обрадовавшись моему решению, потащила меня туда едва ли не за руку. В результате прическа у меня осталась почти прежней, а вот цвет волос поменялся — почти на тот же, что и был до покраски, только теперь я стала немного более светлой, чем раньше. Мама обрадовалась, я сделала вид, что тоже. Волосы вроде не выпали, правда стали жестче, но, кажется, это не страшно.

Теперь уже ничего не страшно.

И лучше бы сердце стало жестче, а не волосы. Жаль, нельзя обесцветить сердце.

В тот день — день покраски, мне все, совершенно все, напоминало о Смерчинском. Парень в толпе показался им, кто-то засмеялся в магазине, и я нервно обернулась — подумала, что это Денис. Мама смотрела по телевизору тот самый фильм, который мы смотрели в мае в кинотеатре.

— Давай будем играть в любовь? — сказал герой — тот самый популярный парень из школы.

— Зачем? — фыркнула героиня — в пику ему одна из самых непопулярных учениц, да еще и с неформальскими замашками.

— Скажем, что мы — пара. И первыми бросим тех, кто хотел бросить нас.

— А у нас получится?

— Получится. Я буду называть тебя «деткой», а ты меня «пупсиком», и все будет окей. Только не влюбляйся в меня по-настоящему, поняла?

— Брось. Ты мне даром не нужен. Пупсик.

Гадкие воспоминания волной накатили на меня, и я заперлась в своей комнате. Взгляд упал на руки, и я вдруг резко сняла с большого пальца кольцо Дэна, кинув его на стол. Оно со звонким стуком прокатилось по нему и упало куда-то на пол. Я не стала подбирать его. Катись, сволочь, катись. Мне ничего от тебя не нужно.

И тут меня посетила мысль, что мне нужно избавиться от всего, что напоминает мне об этом человеке.

Злобно осмотрев останки растерзанного тигренка, спрятанные в ящике стола, я выбросила их в мусорный мешок, туда же полетел и идиотский набор для влюбленных, подаренный друзьями Дэна. А еще я нашла оригами, что Дэн делал своими пакостными руками. Захотела смять их, разорвать, уничтожить, но, к сожалению, не смогла. Просто

смотрела на бумажные фигурки с безразличным лицом. Мне даже притрагиваться к ним было страшно. Ведь когда-то их касались пальцы Смерчинского...

Вот эту фигурку он делал специально для меня, потому что я попросила, а эту смастерил в эльфийском кафе, чтобы передать его вместе с вином якобы от поклонника Князевой, дабы позлить Ника. Блин! И на что я только тратила свою жизнь? На то, чтобы разлучить двух не самых достойных людей? Как же я вляпалась во все это? Как же поверила? А ведь тогда я считала, что это — отменное приключение. Как ребенок, ей-богу.

Я все же взяла павлина с шикарным хвостом и стала рассматривать сиреневые узоры, выведенные рукой Смерча. Денис — ты самый настоящий павлин.

Пальцы пробежались по податливой бумаге, и я случайно развернула уголок. И замерла.

А что это за надписи он все же тогда сделал? Я думала, буковок немного — всего несколько штук, а на развернутой бумаге их подозрительно много, написаны в строку его ровным красивым подчерком. Зачем Смерчинский тогда это вообще писал? Я внимательно вгляделась в эти непонятные мне символы.

«C m]/hg; z, u/c l, iuol iujukuamghe2+

«l gb, kuvm ih nlku

Tgm'mnbc, hn b miile m, u/u b, hi, vpu#

M jukub, hi. Tau gub, m bu/c, hy l gl]gkh[he jkuaizz bu/c».

Что это? Что за бред бредовый? Тайное послание своей любимой Ольге, или ему скучно было?

Исследовать бумажку дальше мне помешали брат и его друг, с которым они вместе заперлись домой и как ни в чем не бывало, зашли в мою комнату, напугав скрипом двери.

Друг, кстати говоря, оказался Федькиным свидетелем на его свадьбе. Парень этот, хоть и работал с братом в серьезной организации, был на самом деле таким же разгильдяем и идиотом. Они учились вместе и вместе пошли на службу — уж не знаю, кто кого за собой потянул. Наверное, Марк Федьку — у него папа занимал начальственную должность в их закрытой организации.

— А-а-а, это ты, — увидел меня брат.

— А кто еще может быть в моей комнате? — пожала я плечами, отодвигая origami в сторону. — Привет, кстати.

— Привет, давно не виделись, — отозвался братик. — Как дела? Все хорошо? Покинь нас ненадолго.

— Здравствуй, Мария, — добродушно поздоровался со мной будущий свидетель. Когда-то, когда мне было лет тринадцать-четырнадцать, этот парень мне даже нравился — еще бы, взрослый друг брата с классным лицом и широкими плечами — не хуже, чем у Смерча. Марк надо мною, как Федька, не глумился, был вежливым и обходительным и казался почти богом. Он даже мне как-то пару раз мороженое покупал и шоколадки. Потом чувство симпатии все же прошло, наверное, после того, как я услышала случайно его разглагольствования по поводу того, что «норм парню иметь трех девчонок одновременно — норм дело». Хорошо, что хоть Федька спорил с ним и утверждал, что, в общем-то, дама сердца должна быть одна. Хоть что-то в брате хорошее есть.

— Чего вам надо? — спросила я недовольно.

— Мне твой комп нужен. Освободи на пару минут. В мой домашний ноут вирусы прорвались, ему хана, — отозвался деловито Федор.

— А рабочий?

— А рабочий на работе. Давай, Машка, поделись компом. Мы быстро.

Я кивнула и слезла со стула, уступив место брату.

— А чего это у тебя? — спросил любопытный Марк, разглядывая оригами Дэна, предназначенное Ольге, пока Федор что-то перекидывал с компьютера на флешку.

— Просто так, — не стала я ничего объяснять. У меня не было настроения. Его вообще из-за Смерчинского никогда не будет!

— А это код, — беспечно вертя бумажку в руках, заявил Марк, — мы таким же баловались.

— Что за код? — оторопела я.

— А, простой, его с помощью раскладки клавиатуры делают. — Пояснил Федькин друг со знанием дела. — Через букву или через две пишут. Смотри, ты, допустим, хочешь написать закодированный алфавит с помощью клавиатуры. И придумываешь код, допустим, вместо того чтобы нажимать какую-либо клавишу, нажимаешь соседнюю — вправо или влево. Например, код — через клавишу справа. Тогда вместо буквы «а» ты нажмешь букву «п». Вместо «м» — «и». И так далее. Хочешь закодировать слово «мама», а получаешь «ипип». Можно вводить те символы, которые будут через две клавиши вправо. Тогда «мама» трансформируется, — тут он пригляделся к клавиатуре, — в «тртр». А если раскладку русскую поменять на английскую, тогда получится «bgbg». Вот тут как раз английская. Помочь разгадать?

Я медленно кивнула, переваривая информацию. А Федька только спросил:

— Откуда такие познания в кодах, Марк?

— Ты забыл, моя Танька — криптограф, — напомнил о собственной сестре Марк. — Она просто слегка чокнутая, всяческие коды любит чуть ли не с детства.

Влияние сестры, занимающейся криптографией, действительно было велико, и Марк буквально через пару минут перевел мне послание на нормальный язык. И я даже поняла его нехитрые объяснения.

— Э-э-э, странное что-то, но вот, держи, Марья.

— Спасибо, — я вцепилась в бумажку с текстом, написанным прямым мелким почерком Марка. Жутко занятой Федька как раз закончил свои манипуляции с флешкой, встал со стула и поманил друга за собой.

— Поехали, у нас еще дел по горло.

— Пока, до встречи на свадьбе, — улыбнулся Марк мне, и парни ушли. А я судорожно стала читать и перечитывать расшифрованный текст. И как только тогда Смерч умудрился написать, не глядя ни на какую клавиатуру Тролля целое послание?

«Я избавлю тебя от него, не переживай=»

До встречи на море.

Увидимся там с Инной, и тебе станет лучше!

И перестань уже вести себя так — возвращай себя прежнюю».

Внутри все замерло. Каждый нерв натянулся, как струна, грозя вот-вот порваться. Пульс взрывался. Сердце разрывалось. И душа — тоже.

Смерчинский, я тебя ненавижу! Ты что, еще и с Инной встречался в своем тупом Галазе? Ты с самого начала мною пользовался, как тряпкой, да что же это...

Я едва ли не с рычанием разорвала павлина, схватила за нежно-розового ни в чем не повинного пегаса, надорвала его крыло, но остановилась. Меня совершенно внезапно осенило: а вдруг и на нем есть послание? Уже для меня? Вдруг? Вдруг...

И оно было.

«Niu yhau, bc/ c g; z/; uiccc

Jklb, m/ ub; m l/m'u;»

С горем пополам я «перевела» и его, путая от нового внутреннего урагана эмоций клавиши и буквы. И даже стиснула зубы. Почти каждая мышца в руках, держащих листочек, напряглась. Каждая буква выжигалась огнем в душе, каждая точка.

«Мне кажется, я влюблен...

Прости, если обидел».

— Да что это такое? Что это такое? — прошептала я, сдвинув брови к переносице. — Да что ты со мной делаешь, Денис?

Прижав бумажки к груди, я уселась на кровать. В кого ты влюблен? В меня, в Ольгу, в Инну? В какую-то там третью потерю? В себя самого?

Какой вариант верный в этом тестовом задании — какой из четырех? Поработаем методом тыка? Тогда вариант «а» точно исключается. Не меня. Да и последний не подходит — некорректно сформулирован. А вот второй и третий ответы... Ольга? Инна?

Я взяла мобильник и посмотрела на заставку — слегка переделанное лицо Смерча. Дотронулась указательным пальцем до его щеки и тут же резко выключила мобильник. Видеть не желаю. Предатель.

«Д»... Глупая буква «д». Денис. Ведь все было хорошо, что случилось, зачем он появился в моей жизни? Права ли гадалка? Он ли моя судьба? В моем окружении не только имя Смердяка начинается на эту букву. У Чащина, например, тоже. «Д» — Димка. Хотя, даже если я ему и нравлюсь, все равно у него есть девушка, и скорее всего, его девушка — ну кто бы мог подумать, гребаная Князева! И везде от нее проблемы. Эта Князева всюду! Она как царь Мидас, к чему не прикоснется, все превращается... не-е-е-т, не в золото. В пепел и разруху.

А если Князева — девушка Чащина, то, получается, моя соперница — это Инна? Та самая Инна, о которой говорил Сашка-Черри.

Вновь не зная, что делать, я почти побежала в комнату брата, где, к недоумению мамы, с глухими криками била его боксерскую грушу, висящую в углу. Всего лишь полчаса — и физическая замотанность победила желание утопать в собственной злобе.

— Что с тобой, Маша? — с недоумением спросила у меня мама, заглядывая в комнату.

— Все хорошо, просто тренируюсь, — сообщила я маме весело. — Хочу на Федькиной свадьбе выглядеть хорошо!

Я улыбалась, а уставшие несчастные головастики хором выли.

— Тебе, кстати, по домашнему телефону Дмитрий, мальчик из твоей группы, звонит, — уведомила меня мама. — И, Марья, ты девочка, хватит колотить грушу брата, как заправский боксер.

— А если у меня нервы не выдерживают?

— Бей посуду, — раздраженно бросила она в ответ, — и подойди уже к телефону, не заставляй мальчика ждать.

— Не заставляю, — пообещала я, утерла со лба капельки пота и направилась к телефону.

— Дим, привет, — устало поздоровалась я.

— Привет, Бурундук, — отозвался его голос, довольно веселый. — Сегодня ты часто дышишь. От чего я тебя оторвал, а? От чего-то неприличного?

— Ни от чего, — отозвалась я, не обратив никакого внимания на его шуточку. Димка по

моему тону сразу понял, что я совершенно не в настроении, и спросил уже серьезным тоном:
— Что случилось? Ты вчера несколько раз звонила и писала.
— Вчера бы и ответил. Тогда бы и узнал что, — буркнула я. Честно говоря, мне очень хотелось увидеть его. Душе, раненой предательством того, кому она так доверяла, очень хотелось нехитрой поддержки, но такого человека, который смог бы утешить или ободрить, рядом не было. Маме про свою личную жизнь я ничего говорить не хотела. Димка куда-то делся. Маринка и Лида уехали на дачу праздновать День рождения какой-то общей родственницы, да и зачем напрягать их, счастливых и занятых своими мальчишками, успею еще поплакаться на их плечах. А остальные были лишь приятелями. Мы могли быть вместе в радости, но не в беде, как ни странно.

А может, мне хотелось, чтобы меня пожалел именно Чащин, ведь я все же верила в то, что нравлюсь ему, и подсознательно ждала, что он защитит меня от всего того, что причинил мне Смерчинский. Тогда, когда в университете он обнимал меня, мне было очень тепло и уютно.

— Я был занят. Прости, — отозвался Димка с сожалением в голосе.

— Чем? — захотелось мне выяснить.

— Ну, так, делами. Моя девушка приехала, — сознался он, наконец.

— А я думала, Князева в тот день со Смерчинским была. А она для всех время находит, — отозвалась я, хмурясь. — И силы.

— При чем тут Князева? — сделал вид, что не понял, Димка.

— Ты ведь с Князевой встречаешься? — в лоб спросила я, позабыв про такт.

— Чего? — обалдел он.

— Чащин, у тебя с Князевой что-то есть?

— Что за вопросы? — рассерженно спросил парень.

— Обычные. Это она твоя «подружка Виктория»? — продолжала напирать я. Мне было дико обидно. Мог бы и рассказать... Тоже мне, тайны мадридского дворца. Или ему Князева запретила рассказывать? Побоялась, что Дэн узнает, что они встречаются. Может быть, все же к ней, а не к этой Инне из прошлого равнодушен Смерчинский?

— Маша, ты...

— Вот Князева стерва, поставила меня в черный список в твоём телефоне, — злобно хохотнула я. — Небось ты мои звонки не видел, потому что Оленька вновь об этом позаботилась? Говорю ж — она Тролль.

Я почти была уверена, что попала в яблочко.

— Маша, — вновь позвал меня по имени Чащин. Он хотел что-то сказать, но передумал. — Давай встретимся? — предложил он вдруг.

— Давай. — Я легко согласилась на это. Хочу знать, что его связывает с Троллем, девушкой его в общем-то друга. — Когда, Дим? Где?

— Я приду к твоему подъезду, Маша, ты не против? Я буду через час, — предложил Чащин. — Я тебе давно хочу кое-что сказать.

— Хорошо, — отозвалась я. — И... у тебя что-то случилось?

— Случилось все уже давно, — не своим голосом проговорил Дима и добавил грустно: — Я хочу видеть тебя. Через час, ладно? Ты ведь придешь?

— Приду. Ты хочешь видеть меня, как ты там говорил, ННН: наглуую неврастеническую нахалку, а не свою милую и добрую подружку? — спросила я с непонятной горечью.

— Я хочу видеть тебя, просто тебя. — Было мне ответом, и Дмитрий положил трубку. А

вдруг, правда, это он — моя так называемая судьба? Раз Смерч меня обманул... Может быть, тогда Димка...?

Я только вздохнула. Ну почему у них обоих имя начинается на букву «д»?

Из квартиры я вышла раньше — за двадцать минут до назначенного времени, с большим клетчатым зонтом в руках и натянув любимые старые кеды, кофту с капюшоном и улыбку. На улице было прохладно, ветрено и уже вторые сутки продолжал идти назойливый дождь. Земля привыкла к нему, и деревья вокруг, и крыши домов, и дороги — тоже, а я все не могла. Я уже возненавидела его, потому что каждый раз, когда я видела тяжелые водные капли в окне или слышала звук, с которыми они ударялись о поверхность или падали в непрозрачные мутные лужи, я вспоминала наш с Дэном первый поцелуй. Тогда я была в таком восторге, что вовсе не обращала внимания на дождь. И, касаясь мокрого лица Смерча, его влажных плеч и предплечий, желала только, чтобы он никогда не отпускал меня.

И теперь, кажется, мне придется помнить этот поцелуй всю свою жизнь. А я не хочу этого! Не хочу. Эй, кто-нибудь наверху, уменьшите баланс на эквалайзере «Уровень боли»? Пожалуйста.

Я, тряхнув головой, быстро побежала по ступенькам вниз. Димка ждал меня около подъезда, под козырьком, промокший, натянув на голову черный капюшон, засунув руки в карманы темно-синих широких джинсов. Он стоял ко мне спиной, скрестив ноги, и не видел меня. В ушах у него были наушники, поэтому он меня и не услышал.

Я сделала еще более веселое лицо, чем всегда, и хотела уже подойти к нему с приветствием типа «привет, чума в капюшоне», но не стала этого делать, потому как Димка неожиданно закурил от простой черной зажигалки, прикрывая сигарету ладонью от ветра. Это меня насторожило. Нет, это меня расстроило и напугало! Он ни разу не курил при мне. Видимо, не ожидал, что я выйду так рано — ведь всегда опаздываю — и вытащил сигарету.

Такое чувство, что с моих глаз потихоньку спадает пелена, и я открываю для себя людей заново.

Я подошла к нему и несмело тронула за плечо. Димка сразу же обернулся, окинул меня теплым, мягким, но жадным взглядом, таким, каким родные люди смотрят друг на друга после разлуки, вытащил свободную руку из кармана и осторожно коснулся пряди моих уже светлых волос.

— Беленькая, — произнес он без приветствия. — Когда успела?

— Сегодня утром, — призналась я, глядя ему в лицо — усталое, грустное, по которому все еще стекали стеклянные капельки дождя. Почему он без зонта? Почему его черные глаза такие обеспокоенные? Почему я хочу пожалеть его и обнять?

— Ну да, я с ней встречаюсь, — сказал он мне теперь уже без объяснений, раньше, чем я успела что-либо спросить, вновь затягиваясь сигаретой, держа ее двумя пальцами. Раньше я не видела, чтобы наш спортсмен курил, и теперь была в некотором шоке. Я без слов взяла сигарету и, хорошо замахнувшись, выкинула ее.

Дымящаяся сигарета утонула в холодной пузырящейся от дождя луже.

— А, прости, забыл, что ты ненавидишь запах дыма, — произнес Дима, глядя на эту лужу, — прости. Прости.

— Дурак, я не поэтому выкинула. Не надо тебе курить, — отозвалась я, чувствуя виноватой почему-то себя. — Не надо. Понял меня?

Мой голос был не похож на мой обычный, поэтому я добавила:

— Прекращай курить, ясно, Чаща дубовая? Это опасно. Деревья горят долго.

Он даже не улыбнулся и не отшутился в ответ, только кивнул, а я, заметив в кармане его джинсов целую пачку сигарет, потянулась за ними. Димка поймал меня за запястье и мягко отстранил от себя мою руку.

— Не надо, Маша. Не надо.

Он не хочет, чтобы я касалась его? Черт! Ну, ему-то я что сделала?

— Почему? Тебе не надо курить, — упрямо сказала я, сжала губы до боли и продолжала: — Зачем тебе это? Трудно будет бросить, если привыкнешь. Не кури, отдай мне.

— Ты будешь курить? — он поднял брови.

— Если тебе это поможет — буду.

Парень рассмеялся, но пачку все же протянул. Я спрятала ее в кармане. Не дам ему курить. Пусть не портит здоровье. Идиот! Какой же идиот!

— Так что там у тебя с Князем? — спросила я, растерянная из-за его поведения. Я думала, при встрече я скажу ему все, что думаю, буду орать, кричать, возмущаться, язвительно поинтересуюсь — а как же дружба: моя и Никитина? Неужели Князева важнее всего этого? Но теперь, замороженная его взглядом, пасмурным небом и непрекращающимся шумом дождя, я терялась.

— Я же сказал, мы встречались, — пожал Дима плечами. Помолчал и все же не удержался, спросил: — Откуда узнала?

— Просто взяла и узнала. Почему ты это скрывал? Что такого в том, что ты с ней встречаешься? Это из-за Ника? Из-за Ника вы скрываете свои отношения? — выпалила я. Мне больше не хотелось обвинять его, мне хотелось смеяться с ним, как и прежде, шутить, как и раньше, прикалываться, как и всегда, но...

— Нет. Хотя, может быть, и из-за этого тоже. Я уродский друг, — парень замолчал, явно собираясь с мыслями. — С Ольгой мы... встречаемся давно, еще с февраля. И еще тогда я сказал, что не хочу афишировать наши отношения. Тогда они с Ником даже не знакомы были.

— А почему ты сказал ей сохранить ваши отношения в тайне? — с трудом спросила я.

— Я — скот. Я проводил с ней время, развлекался. А хотел получить другую девчонку. — Его рука потянулась к карману, наверное, за очередной сигаретой, но остановилась на полпути.

— Кого? — сказала я, уже зная ответ.

Он улыбнулся — если эту легкую гримасу можно было назвать улыбкой, и склонил голову, прикрыв костяшками пальцев губы. Мы молчали полминуты, не меньше. Просто смотрели друг на друга и молчали.

— Тебя, — наконец сказал он, — тебя, Маша. Прости меня.

— За что? — широко раскрыла я глаза.

Может быть, это он все же моя Судьба на букву «д»? Ну пожалуйста, может быть, это он? Или...

— За то, что я такой тормоз, — прошептал Димка, и я едва расслышала его голос из-за шума дождя, — прости за это. Я люблю тебя и не смог заставить тебя обратить на себя внимание. Зови меня кретином. Тебе, наверное, будет весело.

* * *

Он влюбился в нее не сразу и не с первого взгляда, конечно же. С первого взгляда она

показалась ему самой обычной девчонкой, в меру наглой и веселой. Прикольной, забавной, отзывчивой, но никак не самой-самой.

Из всех будущих сокурсников именно с Машей Дима познакомился первой еще при поступлении в университет. Они, будучи еще абитуриентами, стояли рядом, задрав головы вверх и касаясь друг друга плечами, около списков с теми счастливчиками, которые были зачислены на специальность «реклама» факультета искусствоведения и культурологии.

— Я поступила, я крута! — возопила она ему едва ли не на ухо, заставив вздрогнуть. — Парень, я поступила!

— И я тоже, — не верил своему частью молодой человек. Он только что нашел свою фамилию в числе поступивших, и легкая эйфория накрыла его с головой.

— И ты крут, — великодушно уступила ему часть своей крутости светловолосая девушка. Тогда волосы у Бурундуковой были короткие, как у мальчишки, с длинными боковыми прядями выстриженной полукругом челки, которые доставали до ложбинки на шее. Она казалась младше своего возраста, но выделялась яркой мимикой и непринужденным поведением.

Они вышли из возбужденной толпы абитуриентов и уставились друг на друга.

— Ты на какой специальности? — спросила его девчонка, улыбаясь.

— Реклама, а ты?

— О! И я! Так мы будем вместе учиться, — искренне обрадовалась она. — Я — Маша, а тебя как зовут?

— Дмитрий.

— Как официально, Дмитрий, — захихикала Маша. — Пойдем во двор, там лавки прикольные. Я когда относил документы в приемную комиссию, видела, как студенты там вечно сидят. Я теперь тоже хочу.

— Пошли, — был не против Дима. Его разбирал восторг. Он смог! Поступил!

Они двинулись на выход по пока еще почти незнакомым коридорам университета, она — звоня маме, а он — печатая ей же эсэмэс. Мать Димы работала хирургом, и скорее всего, в это время у нее шла очередная операция, поэтому проще всего было отослать ей сообщение, чем звонить. Она, кстати, хотела, чтобы единственный сын тоже стал доктором, но Димка был против. Ему хотелось творческого, креативного образования. Химия, биология и медицина явно были не для него.

Когда парень и девушка оказались около самого выхода, в здание завалилась целая толпа веселых студентов, почему-то еще находящихся не на каникулах. Парни были в баскетбольной форме. Девчонки — в коротких юбочках и топиках в цвет этой формы. В самом центре ребят шел высокий красивый парень (даже Димка, которому мужская красота была вообще как-то параллельна, понял это) с темными волосами, широкоплечий, с тату на шее. С двух сторон его за руки схватили симпатичные галдящие девушки. Сам он что-то громко и задорно говорил, и прочие слушали его едва ли не с открытыми ртами.

Машка, самозабвенно и очень громко разговаривающая с мамой и вертящая в пальцах длинную тонкую прядь челки, совершенно случайно столкнулась с этим парнем, который как раз отвернулся к какому-то другу, шедшему следом за ним. От неожиданного столкновения девушка отлетела в сторону.

— Эй, куда прешься? — хмуро крикнула темноволосому красавчику Машка, вместо того чтобы, как положено, растаять от его внешности. Парень обернулся, посмотрел на нее очень веселыми синими глазами, на которые падала растрепанная челка.

— Ну, прости, — отозвался он, склонив голову. — Я не видел тебя.

На самом деле виновата была Машка, но молодой человек оказался воспитанным. Бурундукова только вздернула нос, милостиво кивнула ему и без стеснения потянула за руку Димку. Тот усмехнулся про себя и поспешил за девушкой. Сценка ему понравилась, как и растерявшийся ровно на пару секунд красавчик, еще раз оглянувшийся на них.

— Вот дурак, — сказала тогда девушка про местную знаменитость. — Глаза на пятках у него, что ли?

Кажется, ни Мария, ни Дэн не помнили этого столкновения и друг друга тоже не помнили, но судьбе было угодно, чтобы они неожиданно встретились через три года. Почему так произошло, Димка не знал. Вернее, узнал от Ольги чуть позднее, и ему оставалось только сжимать кулаки от бессилия. Обвинять во всем Ника он не мог. Тогда уж обвинять придется и его сумасшедшего братца, нет — тех, кто сделал его таким. Придется обвинять всех. И... себя.

С тех пор Дмитрий вообще перестал многое понимать в этой жизни. Он часто думал, оставаясь наедине с собой — а может быть, тогда это была та самая пресловутая судьба, решившая заочно познакомить его любимую девочку и Смерча? Но тогда какая судьба у него, Димы? Почему он должен отдавать ту, которую любит, кому-то только из-за того, что так решила какая-то судьба?

А в тот день они с Машей почти два часа сидели под августовским, но палящим солнцем на лавочке, как самые настоящие студенты, и просто так болтали. Обо всем. Оказалось, у них одинаковые интересы, и оба будущих сокурсника — люди веселые, позитивные, одинаково мыслящие и добрые. Машка рассказывала смешные истории, Дима шутил, и они оба смеялись, радуясь приближению новой университетской жизни.

Вот так просто они и познакомились. И на первом курсе продолжили общаться. Часто препирались и даже ссорились, но и веселиться вместе Маша и Димка тоже хорошо умели. Бурундукову можно было легко вывести из себя, и Чашину это нравилось. Она становилась злой и забавной, несла всякую чушь и обещала прибить. Иногда даже носилась за ним по всему универу. А еще ему импонировало чисто по-человечески и то, что Машка умела постоять за себя, легко соглашается на авантюры и не забывает о взаимопомощи, может развеселить народ, хотя и не была задирой или заводилой. Через какое-то время Дима понял, что Бурундукова — мировой человек.

На втором курсе они еще больше сдружились, часто и о многом общались, пару раз ездили вместе с группой в походы и в клубы, гуляли в общей компании. Общение с Бурундуковой Дмитрию все больше нравилось своей легкостью, задорностью и некоторой игривостью. Маша умела моментально повышать настроение, редко когда чего стеснялась и боялась, а еще помогала своим друзьям. Как-то, еще на первом курсе, сумела отмазать от праведного гнева декана всю группу, которая случайно из-за невнимательности старосты прогуляла в полном составе пару по физкультуре. Не стремилась участвовать в КВНах и играть в футбол, чтобы защитить честь факультета. Вступилась за подругу Марину, когда на нее вдруг стали наезжать две неформалки-четверокурсницы с журфака — за то, что та якобы увела парня одной из них. Заболела сокурсница — и Маша первой решила, что ее следует навестить, сагитировав всю группу. Завладела шпорами по трудному экзамену, выпросив их у старших курсов, — раздала всем желающим.

Сколько бы недостатков не было у этой девчонки, достоинства перекрывали их с лихвой. Димка уважал свою бойкую шумную подружку.

В середине же второго года совместного обучения Чащин начал замечать, что Бурундукова в общем-то не только неплохой товарищ, но она — еще и симпатичная девушка, которая умеет быть беззащитной и милой. Как и положено быть девушке. В конце второго курса он точно это понял.

Это был совершенно простой эпизод, который, скорее всего, был забыт Марией, как и ее мимолетная встреча с

Денисом Смерчинским, и в нем не было ничего героического или романтического. Но именно он стал отправной точкой в отчете чувств Дмитрия. Китайская народная мудрость права: всего одна рисинка может перевесить чашу весов в ту или иную сторону. Всего лишь один миг может стать решающим.

В тот майский и очень теплый день, год назад, он опаздывал на английский, в котором не то чтобы не разбирался, а который попросту не любил, а поэтому и не учил. Парень, не слишком торопясь на нудную пару, приблизился к кабинету и увидел Машку. Бурундукова сидела, по своему обыкновению, на подоконнике, сложив на колени, обтянутые сине-зеленой потертой джинсовой тканью, свой рюкзак, и о чем-то явно размышляла.

— О, Бурундукова, здорово! — поприветствовал ее он.

— И тебе привет, — кивнула одноклассница, болтая ногами в воздухе. Черно-красные кеды только и мелькали в воздухе. Женственно одеваться эта девчонка не любила. Впрочем, легкий неформальный стиль вполне ей шел.

— Почему не идешь на английский? — поинтересовался Чащин, усаживаясь рядом.

— Потому что я не готова к контрольной. А ты готов?

— Не-а, я списать хотел.

— Я тоже хотела, только мне списать неоткуда, — призналась Машка и неожиданно предложила: — А может, прогуляем, а, Чащин?

— Какое заманчивое предложение, — не хотелось тому сидеть целых две бесконечно долгие пары на нелюбимом предмете. — Даже не знаю... Ну-у-у, ладно, — решил он неожиданно, — пошли. Я все равно ничего дельного не напишу. Куда двинем?

— Просто погуляем. — Тут же соскочила Машка с подоконника. — Погодка — класс.

И они пошли гулять. Вдвоем шатались по окрестностям, препирались, ржали, фотографировали висящий на электропроводе непонятно как попавший туда кроссовок. Маша жаловалась, что ее достал парень-физик, который настойчиво зовет ее на свидание и который ее бесит, рассказывала, что купила какую-то крутую игрушку на компьютер, смеялась над смешными историями Димки. После прогулки они сходили в кино на комедию и донимали весь зал своими громкими шуточками относительно героев фильма. Так вышло, что фильм был не очень, а замечания ребят — смешные, и половина зала смеялась вместе с ними. После они заскочили в какое-то кафе, напились лимонада, снова бродили по окрестностям и даже покормили голубей. В общем, провели вместе весь день. Потом, ближе к вечеру — даже уже позднему вечеру, Димка сказал, что, как честный человек, должен проводить Машку до дома, а то «встретятся ей на пути какие-нибудь гопники», и они поехали к ней. В автобусе долго и, кажется, громко, глумились над целующейся влюбленной парочкой.

— Пасиба, что прогулял вместе со мной, — сказала Маша на прощание перед своим домом, пряча ладони в длинные рукава полосатой черно-белой ветровки. Кажется, она слегка замерзла.

— Да не за что, Бурундукова, — улыбнулся он ей. Время они провели очень даже

неплохо. А английский, как потом сказали ребята, вообще был сорван — у препода дома случился потоп, и ее вызвал домой муж через полчаса после начала занятия.

— На самом деле ты мне помог, — вдруг тихим голосом призналась Маша.

— В смысле? — не понял Дима.

— Да папа у меня в больнице, он же у меня мент, в смысле милиционер, то есть полицейский, на задержании в него выстрелили. Страшно так было, когда нам дядя Гоша, ну, его коллега, позвонил и все рассказал, — призналась девушка, и Димка заметил вдруг, какие у нее большие и напуганные глаза, — В квартире никого. Мама сейчас с папой в больнице, брата дома нет, он на работе. А мне не хотелось дома одной сидеть. Страшно как-то. Так что спасибо, что погулял со мной.

— А что с отцом? Как он? — не без труда вымолвил парень. И эта девчонка весь день хохотала с ним, пряча то, что у нее было на душе?

— Нормально все, — слабо улыбнулась Маша. — Врачи сказали, что все обойдется. Только все равно... — Она замолчала. Кажется, ей было неловко за свое признание.

Дима положил ей руку на спину, неловко похлопал — так бы он успокаивал, к примеру, Ника, при условии, что ему это понадобилось бы, конечно. А потом неожиданно для себя он обнял девушку, по-дружески, чтобы успокоить, и прижал к груди. Она, оказывается, сильная. У нее в семье несчастье, а Маша и вида не показывала, хотя сильно переживала. Боялась оставаться дома одна, глупая.

Чувство того, что к нему щекой прижимается кто-то милый и беззащитный, Диме необычайно понравилось — парень едва ли не впервые в жизни почувствовал к кому-то такую нежность. И когда он убрал руки с плеч девушки, оказалось, что он уже не может смотреть на нее прежним взглядом. Дружеским.

* * *

На небе мелькнула почти белая застенчивая молния, и я, проводив ее мимолетным взглядом, отступила на шаг от Димки. Откуда мне было знать, что он... Любит меня? Да, в последнее время я подозревала что-то подобное, ну хорошо, я понимала, что нравлюсь ему, чувствовала его ревность, удивлялась кое-какому его поведению, но не думала, что это так серьезно! Прав ты был, Смерч, ох, как прав.

— Но почему ты не предпринимал чего-то? — тихо спросила я, чувствуя какую-то дикую неловкость. — Чтобы я была с тобой, чтобы заметила тебя?

— Предпринимал, — сердито сдвинул брови парень, вновь засовывая руки в карманы. — Звал погулять, в кино, съездить куда-нибудь вдвоем. Помнишь? Маша, а что делала ты? Говорила: «О, круто, позовем еще людей и пойдем все вместе!» Или спрашивала: «А кто будет с нами еще? В две каски — скучно. Чем больше народу — тем лучше». Или просила разрешение позвать Лиду и Марину. Или просто отказывалась. Или начинала спрашивать: «Чаша, когда же ты, наконец, себе девушку заведешь, чтобы она с тобою ходила всюду?» Маша, я был для тебя другом, не более. Ведь два года я тоже считал себя твоим приятелем. И ты даже не понимала, что я влюбился. Дурное слово «влюбился», да?

Его пальцы сами по себе сжались. Я сцепила зубы и медленно кивнула. Я была согласна, что слово дурное. Не просто дурное — отвратное! На душе стало гадко и пустынно, словно вторая мелькнувшая молния попала мне прямо в душу и выжгла все, что в ней было

позитивного.

Головастики с отчаянием ощупывали обгоревшие волосы и лысины.

— Заложник френдзоны, — усмехнулся он.

— Дима, ты... Но почему ты прямо мне не сказал, что я тебе нравлюсь? — проговорила я, с опаской глядя на одноклассника.

— Да? Чтобы ты меня отшила? — почти выкрикнул он, замолчал и следующую фразу произнес тихо, горько, хрипловато. Я слышала его голос, словно из трубки телефона. — Чтобы сразу послала меня? Чтобы у меня вообще не было никакой надежды? Без нее паршиво, Маша, поверь, без нее так паршиво.

— Оттуда ты знаешь, что я тебя бы отшила? — топнула я ногой. Да если бы он... раньше сказал мне о своих чувствах, год назад, я бы... А что бы я сделала? Оттолкнула бы Чашина или решила встречаться с ним?

«А не зря все говорят, что дружбы между мужчинами и женщинами не бывает?» — заявил в полной тишине самый наглый и самый рассудительный головастик с подпаленной башкой, и в него тут же полетело куриное яйцо.

— Почему, Дима? — повторила я.

— А ты разве не по Кларскому ходила с ума? — резонно спросил парень.

— Ходила... Но откуда ты-то знаешь?! Откуда? — широко раскрылись у меня глаза. Как он узнал?! Такое чувство, будто весь университет в курсе моих симпатий!

— Слышал, — отрывисто отозвался Димка. — Я же не такой дурак, каким ты меня видишь.

— Ты для меня не дурак! — выкрикнула я и замолчала, собираясь с мыслями. — Ты для меня — один из лучших людей на свете, — сердито и одновременно нежно ответила я ему. Я говорила правду.

— Один из лучших, но не любимый, так ведь, Маша? — в его голосе не было обиды, одна лишь констатация факта. Я ничего не смогла ответить. Но если... если я постараюсь, он сможет стать любимым? Ведь и в Дэна я влюбилась не сразу, думала, что сильнее моих детских чувств к Никите ничего не может быть. А вдруг с Димой будет такая же ситуация? Он хороший, он не предаст, как Смерч, развлекающийся с Ольгой, Инной или с кем-то там еще, он будет меня оберегать и любить, пусть без феерии Дэна, но по-своему нежно. Может быть, его плечи видела гадалка с черничными прищуренными глазами, когда гадала мне на набережной?

Я посмотрела на плечи парня, перевела взгляд на его усталое лицо, не знаю зачем, коснулась его ладони, в знак утешения. А он вздрогнул и вновь убрал руку в карман. Ну почему он не хочет, чтобы я касалась его? Ведь сказал, что любит, а сам...

Димка повернул на меня голову, улыбнулся вновь, и у меня все внутри сжалось от его кривой мучительной улыбки.

Лучше бы он кричал, обижался, бил руками по стене, чем улыбался так... страшно.

«Маленький мой», — сжались тысячи разноцветных сердец.

— Так как ты узнал о Никите? — почти шепотом спросила я. Когда-то я так боялась, что кто-нибудь узнает о моих чувствах, а теперь все равно. Наверное потому, что искренних чувств не стыдишься, а надуманных, тех самых, того самого красивого сверкающего розового цвета — да. Потому что подсознательно понимаешь, что они фальшивы.

— Случайно, — он на мгновение прикрыл ладонями лицо и потер пальцами внутренние уголки глаз.

Почти через неделю поле того, как Димка сделал неожиданный вывод, что влюблен в Марию, он решился на отчаянный шаг — признаться ей. Сказать, что она ему нравится и предложить встречаться. Быть честным по отношению к ней и к себе. Дима вообще был одним из тех, кто обоими руками цеплялся за честность и прямоту. Он не подозревал, что совсем скоро ему придется столько всего и ото всех скрывать. Да, он боялся реакции Машки, но ему было бы легче выслушать, что он для нее ничего не значит, чем страдать по ней в неведении — а вдруг он ей все же небезразличен? А вдруг...? Вдруг?

Димка ненавидел это слово.

Близились экзамены, шла зачетная неделя, весь их курс бегал, как сумасшедший, от одного препода к другому, запоздало сдавал контрольные, лабораторные, рефераты, курсики, делал набег на библиотеки и приставал к студентам старших курсов, выпрашивая у тех конспекты и лекции. Наверное, это было не самое лучшее время для признаний в любви. Но Димке было так фигово, что ждать он больше не хотел. Решил — значит сделает.

Поговорить с Машкой он хотел после сдачи последнего зачета, кстати, по все тому же зловредному английскому. По этому предмету они оба в зачетках получили желанное «зачтено» только лишь со второй попытки. Машка вышла из кабинета первая, со счастливой улыбкой — наконец-то получит «кирпич» и будет допущена к экзаменам! Он — через полчаса после нее. Димка знал, что еще некоторое время девушка будет торчать в университете. А это значит, что он сможет поймать ее и все рассказать, оставшись наедине. Чащин долго готовился к этому дню, не знал, как лучше сказать девушке, что чувствует к ней, нужно ли при этом шутить или оставаться серьезным, заигрывать или просто подойти и без слов обнять, ошарашить Машу. Чащин остановился на том, что скажет ей прямо: «Ты мне нравишься, хочешь быть со мной?» Ночью перед этим днем Дмитрий почти не спал, и снился ему полнейший идиотизм. В ярком, красочном сне он участвовал в какой-то передаче, снимающейся где-то на небесах — вокруг, справа и слева, внизу и наверху, было бесконечное синее небо и белоснежные молочные облака. Перед ним стояли три девушки в красивых кремовых платьях до колен: Маша, первая девушка Димки, с которой они расстались давным-давно, и смутно знакомая девчонка, стриженная под мальчика, чье лицо было спрятано тенью облаков. Ему нужно было выбрать для себя кого-то из них. Зачем — загадка. Но это было очень важно. И он, не колеблясь, сделал выбор.

— Маша, — сказал Дима, и его голос, как будто усиленный мегафоном, разносится по всему небосводу.

— Ответ неверный, — спокойно произнесли облака, и над Машкиной головой зажигается красный крест. Над бывшей девушкой — тоже. Коротко остриженная, чье лицо он так и не видел, сделала шаг вперед, взяла за руку опешившего парня и кивнула солнцу. Они вдвоем стали падать, касаясь телами мягких облаков, а потом он проснулся, отчего-то нервный и злой. Больше парень так и не заснул.

После зачета Дима нашел Машку неожиданно быстро и совершенно случайно. Он шел по коридору, набивая ей эсэмэс-ку по мобиле, и вдруг услышал ее голос. Улыбнулся. Пошел на него как зачарованный. И даже подумал, что это удача — встретить ее.

Машка в компании с подругами сидела на партах в небольшой пустой аудитории с распахнутой дверью. Они о чем-то жарко спорили. Чащин хотел подойти к девушкам, успел

даже придумать очередную шуточку для Марьи, но внезапно услышал возглас Марины, который заставил его замереть около самой двери.

— Хватит сохнуть по этому Кларскому, Машка! Хватит!

— Тише! Прекрати орать его имя, — расстроено произнес голос его любимой девушки.

Почему-то в первые секунды Димка сразу и не подумал на друга. Для него это было как-то немыслимо. Такого ведь не бывает: чтобы твоя девчонка влюбилась в твоего приятеля? Бросьте, ребята. Это только в сериалах.

— Да кто услышит-то? — раздался голос другой Димкиной одногруппницы — Лиды.

— Мало ли. Я вам сто раз говорила, что не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что он мне нравится.

— И чтобы сам Никита это знал — тоже. Признайся уже ему. Что любишь, — сказала Лида. — Какой смысл просто так страдать по кому-то и ничего не предпринимать?

Дима прекрасно слышал и это, и его взгляд становился все более и более стеклянным — от испуганного разочарования. Рука, держащая мобильник с недописанным сообщением, сама по себе медленно опустилась вниз.

Что? Она любит другого? Чушь! Или... нет?

Да, Марья влюблена в другого парня, и ей никто больше не нужен. Все это Дмитрий понял также быстро, как и то, что эта девчонка безумно ему нравится.

— Не могу признаться, — голос Бурундуковой был грустным-грустным. Не своим, всегда задорным и громким, а чужим, потерянным. — Не могу. Как? А если я ему не нравлюсь? А если он пошлет меня?

— Машка, да ты чего? С чего он должен тебя посылать? Ты — веселая милаха. И вообще, ты сама тупишь... Вчера мы стояли рядом с ним сколько времени во дворе! А ты даже не заговорила с ним, дурочка, — продолжала Марина.

— Да понимаю я все. Мне просто страшно, — вздохнула Бурундукова. — Я рядом с ним теряюсь. Мне никогда в жизни так страшно с парнями не было, как с Никитой.

— Ох уж этот твой Кларский! — продолжала выговаривать Лида Машке. — Что ты в нем нашла? Да, он очень симпатичный и высокий и очень вежливый и умный, но вокруг много таких парней.

— Вот именно, — поддакнула Маринка.

— Чья бы корова мычала, — тут же попеняла ей сестра, — кому нравятся эти странные личности с длинными волосами и татушками?

— Они нормальные, — мигом надулась ее кузина. А Лида продолжала:

— Ты ведь его не знаешь, как ты можешь его так сильно любить, Маша? Это односторонняя любовь. Это как играть в баскетбол одной командой.

— Могу. И все. Сама не знаю почему, но могу. Он — лучший, мой Никита. А-а-а, как мне хреново, девчонки, я идиотка, — судя по звуку, Машка ударилась лбом о парту. А Дима, понимая, что подслушивание — занятие в общем-то низкое, не мог заставить себя двинуться с места. Как это? Маша влюбилась в Ника? В того, кто почти не замечал девчонок, усиленно притворялся хорошим парнем и мог уложить в драке кучу народа? И для Машки он — самый лучший. Какого черта?!

— По-моему, тот же Димка куда лучше, чем Кларский, — вдруг сказала Лида, и от звуков своего имени парень вздрогнул.

— Ну, Чащин — классный, это точно, — согласилась Бурундукова, и в сердце Дмитрия тут же проникла голубыми искрами Ее Высочество Надежда. А вдруг она скажет сейчас...

Что он нравится ей?

— А ты бы хотела с ним встречаться? — спросила с любопытством Маринка, словно бы услышала мысли Чащина, стоявшего за полуоткрытой дверью.

— Нет. Конечно нет. Он же мой друг, — сказала светловолосая девушка, и ее слова вызвали у молодого человека кривую улыбку. Нет, она же ясно сказала, что любит Никитоса, а это значит, что остальные Марье по боку! И он тоже. Он тупо просто друг. Ненавистная френдзона, о которой столько шутят.

Искры потемнели, стали темно-коричневыми, почти как радужки Димки, и навсегда поселились в его глазах. Он ушел с ними вместе, почти убежал, хотя ноги были деревянными, словно он весь день качал их в тренажерке после годовалого перерыва. Странно, но в сердце были те же самые ощущения. И первое время они усиливались, как только Дима видел Ника или Машу, словно эти двое были мощными тренажерами.

Он еще ускорил шаг, а потом и вовсе побежал, как будто сдавал кросс на скорость. По дороге едва не врезался в неспешно идущую по коридору Ольгу Князеву и ее подругу Регину, извинился и помчался дальше. В тот день он первый раз в жизни сильно напился с недоумевающими друзьями и пару дней не ходил в универ.

* * *

Молний стало больше, дождь еще больше усилился, и только грома пока почти не было слышно, как будто бы он запаздывал, но обещал скоро быть.

— Я никому не рассказал про Ника, не бойся, — сказал Димка мне. — Это ведь твоя тайна, Маша.

— Спасибо. — Я не знала, что делать. Переминалась с ноги на ногу.

— Я вел себя так же, как и раньше. И с тобой. И с ним. А ведь Ник — мой друг, хотя дружба у нас странная. Но всегда была крепкой. А тут я начинал изредка ненавидеть его за то, что он украл тебя у меня. А это нелегко, — он выругался — жестко, зло, — это очень нелегко.

Чащин хлопнул себя по лбу, заставив меня вздрогнуть.

— Что я несу, вот придурок.

— Дим, ты решил встречаться с Олей, чтобы отомстить Нику? — спросила я внезапно.

— Нет. Нет, я не такая падаль, чтобы так поступать. — Парень даже испугался этих моих слов, и мне стало стыдно. — Я стал общаться с Олей еще до того, как он с ней познакомился. В феврале. А он увидел ее в начале апреля. Я сам познакомил их. Мы гуляли с Ником и случайно встретили Олю. Она ему тут же понравилась. А меня это тогда только развеселило... Кретин. И почти сразу Никитос стал оказывать ей знаки внимания. Потом он встретил ее еще раз — когда без предупреждения шел ко мне, а она возвращалась от меня. Увидел пару раз в универе. В общем, подумал, что Оля — его судьба, гребаный фаталист. Ник не знал, что мы... общаемся. Никто не знал.

[Купить полную версию книги](#)

Древнегреческая верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани.

Древнегреческое название Черного моря, переводится как «гостеприимное море». Первоначально звалось Понт Аксинский, что значило «негостеприимное море», но после освоения его берегов колонистами было переименовано.